Эд Макбейн
Жара, духота и жадность

Посвящается Ане и Сиду Соломонам

Город, описанный в этой книге, выдуман. Все люди и все названия вымышлены. Одна лишь будничная работа полицейских соответствует реально существующим способам ведения расследования.

Глава 1

В стар採еньком неприметном седане, на котором Стив Карелла добирался до места происшествия, был установлен кондиционер. Прошлым летом его чинили, но теперь, когда он стал особенно необходим, кондиционер подло отказался работать. Все окна в машине были открыты, но легче от этого не становилось. Здесь, в городе, жара часто сопровождалась влажностью, так что Карелла ощущал себя измотанным балетным танцором, которому пришлось несколько часов подряд поднимать толстую партнершу. Берт Клинг, сидевший рядом с Кареллой, тоже потел и задыхался, пока они ехали через весь город.

Звонок зарегистрировала служба спасения «911» на Хай-стрит в 8.30 утра. О нем незамедлительно сообщили диспетчеру, который и направил на место происшествия машину, принадлежавшую 87-му участку. Прибывшие полицейские обнаружили труп, что их вовсе не удивило: женщина, позвонившая в службу «911», сообщила, что, вернувшись домой, нашла своего мужа мертвым. Диспетчер завершил сообщение словами: «Ищите леди». Леди ждала полицейских в вестибюле многоквартирного дома. Но детективов полицейские вызвали не сразу — сперва они поднялись на седьмой этаж, в квартиру, и лично удостоверились, что на полу в гостиной лежит труп.

Дом находился в довольно престижном квартале — он стоял в полукруге зданий, образующих площадь Сильвермайн-Овал, окна его смотрели на Сильвермайн-парк, шоссе Ривер и на реку. Стены дома сильно пострадали от набегов любителей граффити — эффект их творчества был не менее оглушителен, чем удар дубинки, — но в подъездах по-прежнему сидели швейцары в ливреях, и охранялся дом довольно хорошо. Когда Карелла затормозил, уткнув свой седан безо всяких гербов и надписей типа «Полиция» бампером в бордюр тротуара, у подъезда уже стояли веером три патрульные машины, оснащенные рациями, и фургончик службы спасения. И тут Клинг, хранивший молчание всю дорогу от полицейского участка, вдруг выдал:

— Знаешь, Стив, по-моему, моя жена погуливает на стороне.

Один из полицейских, откликнувшихся на вызов диспетчера, стоял на тротуаре и ждал детективов. Он узнал подъехавший бордовый седан, он узнал Кареллу и Клинга и, когда дверцы распахнулись, направился навстречу. Карелла посмотрел на Клинга через крышу машины. Клинг, опустив голову, пошел к полицейскому. До недавнего времени он был самым молодым детективом в участке — белокурый, голубоглазый, с мальчишеским, гладко выбритым лицом и невинным взглядом — никогда не подумаешь, что перед тобой сыщик. Клинг был чуть выше Кареллы и пошире в плечах. Носил ветровку, темные брюки, белую рубашку и, в соответствии с недавним распоряжением лейтенанта, галстук. Карелла, все еще ошарашенный, обошел машину и вышел на тротуар. Он двигался небрежной походкой спортсмена. Черноволосый, с темными, чуть раскосыми глазами, которые делали его лицо немного «восточным». Тропический костюм, который Карелла натянул сегодня утром, без четверти семь, уже успел помяться и сделаться похожим на давно не стиранное посудное полотенце.

— Где он? — спросил Карелла у патрульного.

— Наверху, в квартире 6-В. Возле квартиры дежурит мой напарник. Женщина —

внизу, в вестибюле, вместе со швейцаром. Вернулась домой, а муж мертвый.

Леди оказалась высокой брюнеткой, подстриженной «клинышком», под знаменитую фигуристку. Она выглядела удивительно свежей в своем платье набивного ситца и босоножках на высоком каблуке. На узком, «лисьем» лице больше всего выделялись удивительно яркие зеленые глаза и большой рот. Женщина недавно плакала: на глазах у нее все еще блестели слезы на лице остались потеки косметики. Карелла не сразу подошел к ней. Это всегда была самая худшая, самая трудная часть его работы. Он набрал в грудь воздуха и наконец решился.

— Я — детектив Карелла, — представился он. — Восемьдесят седьмой участок. Прошу прощения, мэм, но я должен задать вам несколько вопросов.

Женщина сморгнула слезы и кивнула:

— Ничего, все в порядке.

Голос у нее был низкий.

— Скажите, пожалуйста, как имя вашего мужа?

— Джереми Ньюмен.

— А ваше?

— Энн. Энн Ньюмен.

— Насколько я понимаю, вы вернулись к себе домой…

— Да.

— Когда это было, миссис Ньюмен?

— Перед тем, как я позвонила в полицию.

— А когда именно?

— Около половины девятого.

— Вы говорите, вы вернулись домой?

— Да.

— Вы работаете по ночам?

— Нет-нет! Я уезжала. Я приехала прямо из аэропорта.

— А куда вы уезжали?

— В Лос-Анджелес. Я села на самолет вчера в половине одиннадцатого и должна была быть дома в половине седьмого. Но самолет опоздал, мы прилетели только в полвосьмого.

— И вы сразу уехали из аэропорта?

— Да, как только получила багаж.

— И поехали прямо сюда?

— Да.

— Когда вы поднялись наверх, дверь была заперта?

— Да.

— Вы ничего не трогали в квартире?

— Ничего.

— Даже телефон?

— Я звонила снизу, из вестибюля. В квартире невозможно находиться.

Квартира была вонючей духовкой.

Когда Карелла и Клинг отворили дверь, на них дохнуло жаром и таким запахом, что они невольно отшатнулись назад. Зажимая носы платками, детективы вошли в квартиру, точно в логово огнедышащего дракона, и двинулись прямиком в гостиную, где навзничь на коврике лежал мертвец. Кожа на его руках, лице и шее, видневшейся в распахнутом вороте халата, почернела. От внутреннего давления газов губы трупа выпятились, язык распух, и кончик его торчал наружу. Глаза выпучились. Из носа, видимо, шла кровь, и ее следы запеклись на верхней губе вместе с зеленоватой жидкостью. От покойника несло тленом, рвотой и фекалиями.

— Господи, давайте окно откроем! — сказал Клинг.

— Нельзя, пока эксперты не приедут.

— Ну хоть кондиционер включим.

— Нельзя. Медикам надо, чтобы температура в помещении оставалась прежней.
— И что же делать?
— Ничего.
Делать на самом деле было ничего нельзя, пока не прибудут остальные. Им пришлось ждать почти целый час, пока наконец эксперты из мобильной лаборатории не перетряхнули всю квартиру в поисках свежих отпечатков пальцев. Но и тогда Карелла запретил открывать окна до приезда мед экспертизы. Медэксперт застрял в пробке по дороге в жилые кварталы и прибыл только в двадцать минут одиннадцатого. Войдя в квартиру, он поморщился, тут же автоматически взглянул на висевший на стене градусник и сказал Карелле:
— Если эта штука не врет, здесь сто два градуса.[1]
— А ощущение такое, что как минимум сто десять[2], — сказал Карелла. — Кондиционер включить можно?
— Только когда я закончу, — сказал медэксперт, опустился на колени рядом с телом и взялся за работу.
Энн Ньюмен ждала снаружи, в коридоре. У стены стояли два дорогих чемодана — видимо, на том самом месте, где она поставила их перед тем, как открыть дверь. Глаза у нее были уже сухие, и она успела стереть с лица следы косметики. Энн по-прежнему выглядела удивительно свежей в своем ситцевом платье.
— Я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы не возражаете, — сказал Карелла.
— Да, конечно, — ответила она.
— Миссис Ньюмен, не могли бы вы сказать, когда вы уехали в Калифорнию?
— Первого.
— Неделю назад?
— Да.
— Как раз успели до жары.
— Жара началась в то утро, когда я улетала.
— А во сколько это было?
— Самолет был в десять утра.
— Во сколько вы ушли из дома?
— Где-то без четверти девять.
— А когда вы уходили, ваш муж был здесь?
— Да.
— Миссис Ньюмен, я обязан задать вам следующий вопрос. Он был жив?
— Да. Мы вместе завтракали.
— А во сколько примерно это было?
— Наверно, около восьми.
— Это был последний раз, когда вы видели его живым?
— Да, когда я уходила из дома.
— А во что он был одет?
— Не помню.
— Случайно, не в тот халат, который на нем сейчас?
— Нет, не думаю.
— Вы не разговаривали с ним, пока были в Калифорнии?
— Разговаривала. Я звонила ему в ту пятницу, после того, как вселилась в отель. И еще во вторник.
— Это было…

---

[1] Примерно 38 градусов по Цельсию.

[2] 45 градусов по Цельсию.

— В этот вторник.
— Пятого. Три дня назад.
— Да.
— О чем вы говорили?
— Когда?
— Во время последнего разговора.
— Я звонила, чтобы сказать, что вылетаю в четверг вечером и сегодня утром буду дома.
— Как он разговаривал? Нормально?
— Э-э… видите ли, с Джерри иногда бывало трудно сказать наверняка.
— То есть?
— Он был алкоголик. У него случались запои…
— Вам не показалось, что он был пьян, когда говорил с вами?
— Мне показалось, что он в депрессии.
— А когда это было, миссис Ньюмен? Во сколько вы ему звонили?
— После ужина, около девяти по калифорнийскому времени.
— Это, значит, в полночь по нашему?
— Да.
— Он не спал, когда вы позвонили?
— Не спал. Он сказал, что смотрел телевизор.
— Миссис Ньюмен, а сколько ему было лет?
— Сорок семь.
— А не могли бы вы сказать, сколько лет вам?
— Мне тридцать шесть.
— Давно ли вы замужем?
— Пятнадцать лет. Вернее, пятнадцать лет должно было исполниться в октябре.
— Это был первый брак для вас обоих?
— Нет. Джерри был женат раньше.
— Вы случайно не знаете имени его первой жены?
— Знаю. Джессика.
— Джессика Ньюмен, да?
— Я не знаю, сохранила ли она фамилию мужа.
— А ее девичьей фамилии вы не знаете?
— Джессика Герцог.
— Она живет здесь, в городе?
— Кажется, да.
— Есть ли у вашего мужа живые родственники?
— Мать. И брат в Сан-Франциско.
— Не могли бы вы сказать, как их зовут?
— Сьюзен и Джонатан.
— Оба Ньюмены?
— Да.
— Ваша свекровь живет здесь же, в городе?
— Да.
— У вас, наверно, есть ее адрес?
— Да.
— Не могли бы вы потом дать его нам, перед тем как мы уедем?
— Пожалуйста.
— Миссис Ньюмен, не могли бы вы сказать, где вы останавливались в Лос-Анджелесе?
— В отеле «Беверли-Уилшир».
— Вы ездили туда отдыхать или по делу?
— По делу.

— А по какому?
— Я дизайнер интерьеров. На этой неделе там была выставка.
— Вы не звонили своему деверю, пока были там?
— Джонатану? Нет. Он ведь в Сан-Франциско живет.
— Но ведь это относительно близко к Лос-Анджелесу, разве нет?
— Я ему не звонила.
— А когда она началась?
— Что?
— Выставка.
— А-а! В понедельник.
— Но вы приехали туда в пятницу.
— Да. Я хотела немного расслабиться во время выходных.
— Миссис Ньюмен, вы говорили, что, когда вы вернулись домой, дверь была заперта…
— Да.
— Были ли у кого-то, кроме вас и вашего мужа, ключи от квартиры?
— Нет.
— У вас нет прислуги?
— Уборщица. Но у нее ключей нет.
— Не знаете ли вы, где ее можно найти?
— Она сейчас в Джорджии, ее мать…
— Когда она уехала в Джорджию?
— В середине июля. Ее мать очень больна.
— Скажите, пожалуйста, а как ее зовут?
— Бонни Андерсон.
— Где она живет?
— Я не знаю ее адреса. Где-то в Даймондбеке.
— Вы не знаете ее телефона?
— В записной книжке. Бонни Андерсон.
— Это вы детектив, ведущий расследование? — раздался голос за плечом Кареллы.

Он обернулся и увидел пару копов в форме, стоявших, уперев руки в бока. Карелле не надо было смотреть на их нашивки, чтобы догадаться, что они из службы «911». В этом полицейском управлении, набиравшемся «исключительно из добровольцев», царил особый дух, чувствовавшийся за четыре мили: некая развязная бравада, долженствующая показать прочим копам, что они всего лишь простые смертные, «а вот мы!..».

— Карелла, — кивнул он. — Восемьдесят седьмой участок.
— Говорят, жмурик совсем протух, — сказал «девять-один-один». — Принести мешок для трупа?
— Это жена убитого, — заметил Карелла.
— Приятно познакомиться! — рассеянно сказал коп и молодцевато козырнул. — Так принести мешок-то?
— Да, пожалуй, — сказал Карелла и отвернулся.

У Энн Ньюмен на глаза снова навернулись слезы.

— Где вы будете ночевать сегодня? — мягко спросил Карелла.
— Я собиралась поехать к свекрови. Она еще не знает про Джерри… Придется ей сказать…
— Если вам нужно, чтобы кто-то отнес чемоданы вниз и вызвал такси…
— Да, спасибо, я была бы очень признательна, — кивнула она.
— И еще одно, миссис Ньюмен, последнее. Если на вещах удастся обнаружить хорошие отпечатки…
— Какие отпечатки?
— Отпечатки пальцев — то нам понадобится сравнить их с вашими отпечатками, отпечатками вашего мужа и вашей уборщицы, когда она вернется из Джорджии. У вас

никогда не снимали отпечатков пальцев? Под следствием вы, полагаю, раньше никогда не были…

— Нет.

— Но, может быть, вы занимали правительственный пост? Или служили в вооруженных силах?

— Нет.

— Тогда нельзя ли вас попросить, по возможности, когда вам будет удобно, заехать в полицейский участок и…

— Я все равно не понимаю…

— Извините, мэм, но все случаи предполагаемого самоубийства положено расследовать наравне с убийствами.

— А-а…

— Да, мэм. До выяснения обстоятельств.

— А-а. Ну тогда, конечно…

— Спасибо, — сказал Карелла.

Он попросил полицейского, дежурившего у двери, отнести чемоданы леди вниз. Потом, когда Энн Ньюмен и полицейский удалились в направлении лифта, повернулся и принялся изучать замок на входной двери. Это был двухцилиндровый замок, открывавшийся с обеих сторон только ключом. Энн Ньюмен только что сказала ему, что ключи от квартиры были только у нее и ее мужа. Следов отмычки на замке снаружи видно не было, следов взлома на косяке — тоже. Он все еще рассматривал замок, когда из квартиры вышли Клинг и один из технических экспертов.

— Взгляни-ка лучше вот на это, — сказал Клинг. — Она валялась на полу в ванной.

— Я как раз собирался упаковать ее, — сказал эксперт. На нем были белые перчатки, и в правой руке он держал пластиковую бутылочку. На дне бутылочки оставалась всего одна желатиновая капсула. Он поднял ее так, чтобы Карелла мог прочитать этикетку:

«Аптека „Эмброуз“
телефон: EX 2-1789
Айсола, Джексон-Серкл, 3712
NoC-11468
Врач: Джеймс Бролин
ЭНН НЬЮМЕН 29.07
Принимать по необходимости, по одной капсуле перед сном.
СЕКОНАЛ».

Карелла записал название и телефон аптеки и имя врача. Он убирал блокнот в карман, когда из квартиры вышел медэксперт.

— Можете проветривать, — сказал он.

— Ну и что там? — спросил Карелла.

— Ран и повреждений нет. Причина смерти будет установлена при вскрытии.

— Жарища там жуткая, — сказал техник. — Не удивлюсь, если окажется, что он помер просто от теплового удара.

Они возвращались обратно в участок почти в полдень. В этом городе убийства и самоубийства расследовались по одной схеме, и, поскольку до сих пор не было ясно, что именно случилось на этот раз, детективы набросали план места происшествия и опросили соседей по этажу и дежурного швейцара. Те подтвердили, что Энн Ньюмен действительно куда-то уехала первого августа и что ее мужа Джерри в течение последней недели никто не видел. Соседи и швейцар утверждали, что в этом нет ничего необычного: Джерри Ньюмен был по профессии вольным художником, работал на дому и частенько по нескольку дней не выходил из квартиры, когда время сдачи заказа поджимало.

Окна машины были открыты, и обоих мужчин окатывали волны жара. Наступило время ленча, Карелла с трудом пробивался через плотный поток машин. Он покосился на Клинга,

смотревшего прямо перед собой на дорогу, и сказал:

— Рассказывай.

— Ты знаешь, я не уверен, стоит ли об этом говорить…

— Зачем же ты тогда завел этот разговор?

— Потому что это тянется уже месяц и я буквально схожу с ума.

— Давай-ка начнем с начала, ладно? — сказал Карелла.

Постепенно Клинг с трудом и неохотно рассказал, что началось это Четвертого июля, когда их с Огастой пригласили на выходные в Сэндс-Спит. Пригласил их фотограф, с которым Огаста часто работала раньше. Слушая, Карелла вспоминал толпу фотографов, импресарио и профессиональных моделей, коллег Огасты, которые были на свадьбе у его напарника почти четыре года назад. Карелла не любил вспоминать этот день, потому что закончился он тем, что Огасту похитил один псих, который несколько лет преследовал ее своими домогательствами и превратил свою квартиру в некое подобие святилища Огасты. В этой-то квартире он и продержал свою пленницу целых три дня.

— …На пляже в Вестфалии, — говорил Клинг. — Прекрасный дом на дюнах, две комнаты для гостей. Мы приехали третьего, а на следующий день там был большой прием, фотомодели, фотографы — ну, ты же знаешь всю эту компанию, с которой общается Гасси. Вот тогда-то, на приеме, у меня и появились первые подозрения.

Клинг говорил, что никогда не чувствовал себя особенно уютно в компании друзей и знакомых своей жены. В свое время они не раз ссорились из-за тех, кого Клинг называл «показушниками». Видимо, основной причиной его дискомфорта было то, что Клинг, как детектив третьего ранга, получал двадцать четыре тысячи долларов в год, а его жена, топ-модель, зарабатывала сто долларов в час. В налоговой декларации, которую они заполняли в прошлом апреле, было указано, что сумма их совместных доходов в прошлом году была несколько больше ста тысяч долларов. И большинство друзей Огасты зарабатывали примерно столько же. Огаста могла себе позволить пригласить восемь-десять человек в один из самых дорогих ресторанов и потом заплатить за обед. «Само собой, она говорит, что все это чисто деловые знакомства», — сказал Клинг. Но сам Клинг на таких пирушках чувствовал себя лишним, чем-то вроде бедного деревенского родственника в гостях у богатого городского кузена или, еще того хуже, альфонса. Он предпочитал тихие семейные обеды дома, в компании друзей-полицейских: Кареллы, его жены Тедди, Коттона Хейза и одной из его бесчисленных девочек, Арти и Конни Браунов, Мейера Мейера и его жены Сары — людей, которых он знал и любил, с кем он мог чувствовать себя спокойно и уютно.

Прием на пляже в Вестфалии, милях в ста тридцати от города, в округе Сагамор, был совершенно таким же, как и те приемы, по которым Огаста таскала его в городе. Она заканчивала работу часа в четыре-пять, и у Клинга дежурство заканчивалось в четыре, так что он возвращался домой примерно тогда же, когда и она, и всегда оказывалось, что ей надо идти или на коктейль, или в студию к какому-нибудь фотографу, или в какой-нибудь модный магазин, или в гости к другой фотомодели, или к своему импресарио, — короче, куда-нибудь ей непременно надо. Бывали дни, когда он возвращался домой после утомительных поисков какого-нибудь мелкого гангстера, еле волоча ноги и мечтая только о бутылке пива, а квартира оказывалась битком набита «голубоватыми» фотографами или великолепными моделями, обсуждающими последний разворот в «Vogue» или «Harper's Bazaar», хлещущими выпивку, которую Огаста покупала за свои деньги, и непременно желающими знать, каково это — стрелять в человека («Берт, а вы сами когда-нибудь кого-нибудь убивали?»), словно труд полицейского — это такая же пустая развлекуха, как работа фотомодели. Его передергивало всякий раз, когда Огаста называла себя «манекенщицей». Это слово принижало ее, делало ее такой же мелкой и бессмысленной, как ее профессия, напоминало о куклах с глупыми лицами, выставленных в витринах и разодетых по последней парижской моде.

— Ну ладно, надо как-то притираться, а то какого ж черта, верно? — говорил Клинг. —

Да, я коп, а она фотомодель, и оба мы знали это до того, как поженились. Надо идти на компромиссы. Если Гасси не любит готовить — будем приглашать какого-нибудь китаезу каждый раз, как зайдет кто-нибудь из наших. А если я только что вернулся из перестрелки с вооруженным бандитом, вроде того, как две недели назад, когда тот парень пытался ограбить банк на углу Калвер-авеню и Третьей улицы, то я не могу идти на открытие галереи, или на вечеринку, или на бенефис, или что там еще, и, стало быть, Гасси приходится идти одной, верно?

Вот так они и жили последние несколько месяцев. Огаста бегала по вечеринкам, а Клинг приходил домой, устало стаскивал ботинки и садился перед телевизором и пил пиво, пока Огаста не возвращалась домой. Тогда они обычно садились перекусить. Это если Клинг дежурил днем. Если ему выпадало ночное дежурство, он возвращался домой в половине девятого утра, усталый, как собака, и иногда — если повезет — успевал позавтракать вместе с ней, прежде чем она убежит на съемки. Сотня долларов в час — это тебе не фунт изюма. Огаста время от времени напоминала ему, что в ее профессии важно ковать железо, пока горячо, — сколько еще лет у нее впереди? И она бегала по студиям, выскакивая из дома с косынкой на голове, размахивая сумочкой. А Клинг загружал тарелки в посудомойку и ложился спать. Спал он до шести, потом вставал и шел вместе с ней обедать, когда она возвращалась с очередного коктейля. После обеда они иногда — все реже и реже — занимались любовью, а потом, в половине первого ночи, ему опять нужно было уходить на работу. Но по ночам он дежурил только два раза в месяц.

На самом деле, поехать в Сэндс-Спит Клингу хотелось. Не потому, что ему так уж сильно нравился этот фотограф, к которому они собирались в гости, — не больше, чем все прочие приятели Огасты, — а просто потому, что он вымотался и мечтал только о том, чтобы пару дней поваляться на пляже. В конце концов, у него выходные, и вернуться ему надо было только в субботу, к 16.00. Вот из-за этого-то и начались неприятности. Или, по крайней мере, разногласия. Что это настоящие неприятности, он понял только позднее, когда разговорился с другой моделью, хамоватой блондиночкой, которая и открыла ему глаза, пока фотограф, хозяин дома, бегал по пляжу и запускал фейерверки, нелегально приобретенные в китайском квартале.

Спор шел о том, может ли Огаста остаться здесь на все выходные или ей следует вернуться в город в субботу, вместе с Клингом. Они были женаты уже почти четыре года, и Огаста успела убедиться, что полицейский департамент не соблюдает ни суббот, ни воскресений, ни праздников и у копа выходные могут прийтись и на середину недели. На самом деле в этом году ему крупно повезло, что его выходные выпали на Четвертое июля и на день перед ним. И Клинг полагал, что вправе рассчитывать на то, что его жена — она ведь ему жена, черт побери! — уедет вместе с ним завтра в десять. Огаста же напирала на то, что Четвертое июля очень редко примыкает к выходным, как в этом году, и для нее очень глупо было бы возвращаться в город посередине выходных только потому, что ему, Клингу, все равно надо на работу. Интересно, а что ей делать, пока он будет гоняться за преступниками? Сидеть в пустой квартире и плевать в потолок? Клинг сказал, что она поедет с ним, и все. Огаста ответила, что она останется, и все. Вот так.

Во время обеда, накрытого на террасе с видом на неспокойное море, они почти не разговаривали. А в девять вечера, когда начались фейерверки, Огаста отошла к группе фотографов и немедленно завела с ними чересчур оживленную беседу. Блондиночка, которая присела рядом с Клингом, когда вспыхнул первый фейерверк, держала в руке бокал с мартини. Судя по ее голосу, далеко не единственный за вечер, и по крайней мере последние четыре из них были явно лишними. На ней были очень короткие белые шорты и оранжевая блузка, какую Клинг видел в последнем номере журнала «Глеймор» (с Огастой на обложке). Вырез на блузке был очень глубокий, и по крайней мере одна грудь была видна чуть ли не до самого соска.

— Привет! — сказала она, плюхнувшись рядом с Клингом, и подобрала под себя босые ноги. Во время этого сложного маневра она прислонилась к нему плечом. Потом она

совершенно пьяным голосом спросила, где это его носило весь день и почему его не было видно — а уж она-то ни одного красивого мальчика не пропустила! А на черном небе все вспыхивали фейерверки.

Девица продолжала распространяться о том, что работает моделью в агентстве Катлера (в том самом, где работала Огаста), демонстрирует молодежные моды, потом спросила, не манекенщик ли он сам — он такой красивый! — или просто фотограф (она произнесла это так, словно слово «фотограф» — страшное ругательство), или он работает на один из модных магазинов? А может, он всего лишь импресарио? Клинг сообщил, что он коп, и прежде, чем девица успела попросить посмотреть его пистолет или что-нибудь еще в этом духе, предупредил, что он здесь с женой. Его жена в данный момент ахала и восхищалась стайкой золотых рыбок, которые вспыхнули в небе и поплыли в разные стороны, роняя искры в море. Девица, которой на вид было никак не больше девятнадцати, глянула на Клинга самыми большими голубыми глазами, какие он видел в своей жизни, состроила эльфью мордочку, улыбнулась чуть кривоватой беличьей улыбочкой и спросила, кто же его жена. Когда он показал на нее и сказал: «Огаста Блер» — это был псевдоним, под которым Гасси снималась, — девица вскинула бровки и сказала:

— Мужик, ты гонишь! Огаста не замужем!

Надо заметить, Клинг не привык к тому, чтобы ему говорили, что он не муж Гасси, хотя иногда он и сам сомневался на этот счет. Он сказал, вернее, начал говорить, что они с ней женаты уже… — но девица перебила и сказала:

— Да я ее все время вижу!

Пожала плечами и дохлебала свой мартини. Она была достаточно пьяна, чтобы упустить из виду тот факт, что Клинг — коп, а эта порода (особенно та ее разновидность, которая именуется детективами) умеет докапываться до сути дела, и слишком пьяна, чтобы сообразить, что не стоило добавлять «с разными мужиками». Что в сочетании с предыдущим заявлением, если не обращать внимания на короткую паузу, вызванную необходимостью допить коктейль, составляло фразу «Я ее все время вижу с разными мужиками».

Клинг, разумеется, знал, что Огаста бывает на многих вечеринках без него, и предполагал, что она на этих вечеринках разговаривает с разными людьми, и некоторые из этих людей, разумеется, мужчины. Но слова блондиночки подразумевали явно нечто большее, чем простую светскую болтовню. Клинг как раз собирался спросить, что она имеет в виду, когда к ним подошел официант в черных брюках и белом пиджаке, видимо, с другого конца террасы заметивший, что дама нуждается в новой порции. Блондиночка ловко взяла полный бокал мартини с подноса, протянутого официантом, отхлебнула сразу полбокала и, нанося последний удар, сказала:

— Особенно с одним.

На этот раз Клинг успел вставить:

— Что вы имеете в виду?

— То есть? — спросила блондиночка, подмигивая ему.

— Расскажите, — попросил Клинг. Сердце у него бешено колотилось.

— Да спроси у самой Огасты, ты ведь ею так интересуешься! — сказала блондиночка.

— Вы… ты хочешь сказать, что она с кем-то встречается?

— Да какая разница? Слушай, пошли со мной, а? Фейерверки эти надоели до смерти. Пошли, найдем местечко, где можно уединиться…

— Нет, расскажи мне об Огасте.

— Ой, да ну ее на… эту Огасту! — сказала блондиночка, вытащила ноги из-под задницы и, пошатываясь, поднялась.

— И тебя туда же! — добавила она, тряхнула головой и, спотыкаясь, ушла в дом через широкую стеклянную дверь, выходящую на террасу.

В последний раз, когда он ее видел в ту ночь, блондиночка спала, свернувшись клубочком, на кровати в хозяйской спальне. Блузка ее была расстегнута до пояса, обе груди с сосками-вишенками бесстыдно обнажены. Клинг испытывал большое искушение разбудить

ее и расспросить про того «одного мужика», но в этот момент в спальню вошел хозяин, выразительно прокашлялся, и Клинг побоялся, что его заподозрят в изнасиловании или, по крайней мере, попытке сексуального принуждения. Но назавтра, прежде чем уехать (Гасси таки осталась, как и грозилась), Клинг потихоньку порасспрашивал людей и узнал, что блондиночку зовут Моника Торп. В понедельник утром он позвонил в агентство Катлера, представился как муж Огасты, сказал, что они хотят пригласить Монику на маленький семейный прием, и получил ее телефон, которого не было в справочниках. Когда Клинг позвонил Монике домой, Моника сказала, что она его не знает и не помнит, чтобы говорила что-то насчет Огасты. И вообще, Огаста — совершенно замечательный человек, и они с ней лучшие подруги. Клинг не успел вставить ни слова — она тут же бросила трубку. Он тут же перезвонил.

— Слушай, мужик, отвянь, а? — сказала Моника. — Я понятия не имею, о чем ты говоришь.

И снова бросила трубку.

— Вот так вот, — закончил Клинг.

— И все? — спросил Карелла. — Ты хочешь сказать, что…

— Я тебе рассказал все, что произошло.

— Да ничего не произошло! — сказал Карелла. — Какая-то дуреха ужралась в дым и навешала тебе лапши на уши, а ты…

— Она говорила, что все время видит Огасту. С мужиками, Стив! С разными мужиками! Особенно с одним, Стив!

— Ага. И ты ей поверил, да?

— Я уже не знаю, чему верить!

— Ас Огастой ты об этом говорил?

— Нет.

— А почему?

— А что мне делать? Взять и спросить, нет ли у нее любовника? А если она ответит, что есть? И что тогда? Это жопа, Стив…

— Если бы я оказался в такой ситуации, я бы тут же спросил у Тедди…

— А что, если бы она сказала, что это правда?

— Мы бы с этим разобрались.

— Ну да, конечно.

— Именно так.

Клинг помолчал. На лице его блестели бисеринки пота. Казалось, он вот-вот расплачется. Он достал из заднего кармана носовой платок и промокнул лоб. Втянул воздух сквозь зубы и наконец спросил:

— Стив… а у вас с Тедди по-прежнему все в порядке?

— Да.

— Я имею в виду…

— Я знаю, что ты имеешь в виду.

— Я имею в виду в постели.

— И в постели тоже. И во всем прочем.

— Потому что… я… я, наверно, не поверил бы ни единому слову из того, что наплела та девица, если бы я… если бы я и раньше не почувствовал неладное. Понимаешь, Стив, в последнее время… наверно, с июня… мы… понимаешь, раньше нас буквально тянуло друг к другу. Я приходил с работы, и она сразу на меня набрасывалась. А в последнее время… — Он потряс головой и умолк.

Карелла ничего не сказал. Он смотрел вперед, на дорогу. Погудел пешеходу, который собирался перейти дорогу на красный свет. Клинг снова потряс головой, достал платок и еще раз промокнул лоб.

— Просто в последнее время… уже довольно давно… между нами ничего нет. В смысле, все не так, как раньше. Когда-то мы не могли расстаться ни на минуту. А теперь,

даже когда мы занимаемся любовью, все так… холодно и пусто, Стив. Словно она просто терпит меня. Понимаешь, о чем я? Просто… просто… просто ждет, когда все это закончится. Жопа, Стив! — закончил он, уткнулся лицом в платок и начал всхлипывать.

— Говори, говори, — сказал Карелла.

— Извини…

— Все в порядке, говори дальше.

— Такая жопа! — повторил Клинг, всхлипывая в платок.

— Тебе нужно обсудить это с ней, — сказал Карелла.

— Ага… — Клинг по-прежнему прятал лицо в платок. Он продолжал всхлипывать, отвернувшись от Кареллы. Плечи его вздрагивали.

— Ты это сделаешь?

— Ага…

— Берт! Ты поговоришь с ней?

— Да. Поговорю.

— Ну, вот и хорошо.

— Ага, — сказал Клинг, шмыгнул носом, вытер глаза платком, снова шмыгнул носом, сказал: «Спасибо» и опять уставился на дорогу.

Глава 2

Окрестности сильно переменились.

Он и не ожидал, что все останется по-прежнему, но перемена была разительной. Он сошел с элеватора на Кеннон-роуд и спустился по лестнице на Довер-Плейнс-авеню, которую в те времена, когда он тут жил, звали попросту Авеню. Раньше это был тихий райончик, населенный итальянцами, евреями, ирландцами и неграми, но по дороге на Мар иен-стрит он с мимолетной дрожью осознал, что все знакомые места исчезли.

Там, где когда-то была итальянская «латтичини», теперь появилась пуэрто-риканская «бодега». На месте кошерной мясной лавки обнаружилась бильярдная, за распахнутыми дверьми которой виднелись кучки подростков-пуэрториканцев с бильярдными киями. Вместо пиццерии на углу улицы Ярдли был бар с грилем, а вместо кондитерской Гарри, куда он по воскресеньям водил ребят есть мороженое, появился обувной магазин с огромной вывеской «Zapateria», и на месте выходящего на улицу прилавка, с которого Гарри продавал взбитые сливки и гоголь-моголь, сверкала большая витрина. «Ничего не осталось, — думал он. — Двое моих младшеньких живут в Чикаго, с матерью Джози, а старшая дочь… Старшая дочь…»

Он вернулся сюда, чтобы найти свою дочь.

В последний раз он видел эти места, когда ему было двадцать семь лет. Совсем молодой человек. Двадцать семь. А в ноябре ему будет сорок. Двенадцать лет своей жизни он провел в тюрьме. Псу под хвост. Когда его посадили, Мойре было шесть лет. В июне ей должно было исполниться восемнадцать. И за все эти годы он ее ни разу не видел. Интересно, она его узнает? Он был высокий — в тюрьме Кастлвью могут сделать с тобой все, что угодно, но вот росту убавлять пока не научились, — и все еще крепкий благодаря занятиям в тюремном спортзале. Он не пропустил ни одного занятия, если не считать месяца, который он провел в одиночке. Это за тот удар, что стоил ему двух лишних лет за решеткой.

Его посадили за убийство первой степени, минимальный срок — двадцать лет, максимальный — пожизненно. Это означало, что через десять лет его могли отпустить на поруки. И отпустили бы, если бы этот Д'Аннунцио не прицепился к его носу. Каждое утро Д'Аннунцио приветствовал его фразой: «Эй, Шнобель, как дела?» или «Как поживаешь, Шнобелло?» Когда ты заперт в четырех стенах с человеком, который тебя изводит только потому, что ему не нравится твой нос, рано или поздно непременно сорвешься. Однажды вечером, когда Д'Аннунцио ляпнул насчет того, что у всех мужиков с большими носами маленькие члены — это, кстати, и неправда: наоборот, считается, что у кого нос большой, у

того и член такой же, — он схватил со стола вилку и ткнул Д'Аннунцио в рожу. Он ему всю рожу располосовал этой вилкой, он бы этому сукину сыну и глаза выколол, если бы трое копов не свалили его на пол дубинками. Он месяц просидел в одиночке, а потом узнал, что на поруки его не отпустят. К обязательным десяти годам, которые он должен был отсидеть, добавили еще два. Копы любят говорить: «Не нравится сидеть — не воруй». Он свой срок отсидел — целых двенадцать лет, — и наконец его выпустили.

И теперь он хотел повидать дочь.

Была суббота, райончик мирно дремал под палящим полуденным солнцем. Он дошел по Мариен-стрит до дома, в котором они жили: наполовину деревянный, наполовину кирпичный домик на две семьи, обнесенный невысоким деревянным заборчиком. Дом и заборчик раньше были покрашены в белый цвет. Новые хозяева покрасили их в зеленый. На краю тротуара бок о бок стояли два почтовых ящика. На одном было написано «Джонсон», на другом — «Гарсия». В большом палисаднике сидел на корточках негр и выпалывал сорняки вокруг куста азалии. Галлоран постоял, глядя на дом, погруженный в воспоминания, потом развернулся и пошел обратно на авеню.

Он никогда не был пьяницей, даже до того, как начались все эти неприятности, а пьянство — это единственный порок, к которому нельзя пристраститься в тюрьме. Но адвокат ему сказал, что его дочь вернулась из Чикаго и живет где-то в этом районе. В справочной Риверхеда Галлоран ее не нашел и решил, что лучше всего будет поспрашивать в барах. Спросить, не знает ли кто-нибудь, где живет Мойра Галлоран. Теперь здесь живут одни пуэрториканцы и черные, так что ирландку не заметить трудно, верно? Ирландскую девушку, белокурую, с голубыми, как у ее матери, глазами — о Господи, Джози, извини, я не хотел…

Он вошел в бар, который раньше был пиццерией. Раньше, когда он еще был на свободе, здесь подавали роскошную пиццу. Они с Джози и ребятами всегда сюда ходили. Там, в Кастлвью, он много думал о Джози. По ночам, лежа один в постели, он все время думал о Джози. И даже потом, когда он нашел себе «петуха», который был готов на все, лишь бы его не били, во время полового акта он думал о Джози. Только о Джози. Он думал о Джози, он представлял себе Джози как наяву. Джози, которую он убил топором.

Проигрыватель орал латиноамериканскую песню. Блин, кругом одни латиноамериканцы! В Кастлвью их было больше, чем на всех сахарных плантациях, вместе взятых! Стоявший за стойкой латинос мурлыкал себе под нос, подпевая проигрывателю, и протирал стаканы, потряхивая головой в такт музыке. Посетителей в баре не было. Галлоран сел на табурет рядом с баром и попросил пива. Бармену, похоже, не понравилось, что ему помешали слушать его латиноамериканскую музычку. Он хмуро поставил стакан, который протирал, и отправился наливать пиво.

— Спасибо, — сказал Галлоран.

Бармен что-то пробормотал по-испански.

— Вы сами здесь живете?

— А что? Вы из полиции?

«Смешно!» — подумал Галлоран. Он улыбнулся и покачал головой:

— Нет. Я не из полиции.

— Вы похожи на полицейского, — сказал бармен и пожал плечами.

— Меня зовут Джек Галлоран. Я ищу свою дочь.

— Дочь, говорите?

— Да, дочь.

— Галлоран, говорите? — Бармен пожал плечами. — Нет, Галлоранов у нас тут нет. Дочь, говорите?

— Моя дочь. Белокурая девушка, восемнадцати лет. Мойра Галлоран.

— Нет, таких тут нет. Заплатите за пиво, пожалуйста.

— Я не коп, и она ни во что не ввязалась, — сказал Галлоран, доставая кошелек. — Мне просто нужно ее найти, вот и все.

— Мне по фигу, ввязалась она во что-то, не ввязалась, и вообще, кто она такая, — ответил бармен. — Я ее не знаю. С вас семьдесят пять центов.

Галлоран заплатил за пиво, которого он не пил, и снова вышел на авеню. На ту сторону улицы, по которой он шел, падала тень от элеватора, и это было хорошо: она хоть немного защищала от солнца. Ни ветерка, ни единого дуновения свежего воздуха. Проклятая жара и духотища. Он обходил бары, расспрашивая, не знает ли кто его дочь, Мойру Галлоран. И только в пятом баре ему наконец улыбнулась удача. Бармен, как и все прочие бармены, был пуэрториканцем, с таким густым акцентом, что его можно было резать мачете.

— Мойра Галлоран? — переспросил он. — Не, не знаю. Есть Мойра Джонсон.

— Джонсон?

— Джонсон, si. Высокая блондинка, такая, как вы говорит, восемнадцать-девятнадцать лет.

— Джонсон, говорите?

— Джонсон. Она замуж за Генри Джонсоном. Живут на Мариен-стрит. Вы знаете Мариен?

— Бывал.

— Вот там, — сказал бармен.

Галлоран вспомнил почтовые ящики у дверей своего бывшего дома. На них было написано «Джонсон» и «Гарсия». Неужели его дочь снова поселилась в их старом доме? Его адвокат говорил ему, что дом продавался, но, Господи Иисусе, неужели его купили Мойра с мужем? Может быть, они живут в той самой квартире, где жили они двенадцать лет тому назад, на первом этаже, а квартирку наверху, поменьше, сдают этому латиносу Гарсии — наверно, этот тот самый, который полол сорняки в палисаднике. Некоторые из этих латиносов чернее любого африканского ниггера.

Галлоран уплатил за пиво и вышел на улицу. На улице стало еще жарче, и Галлоран внезапно почувствовал, что обливается потом. Теперь, когда он был так близок к тому, чтобы найти ее, когда это оказалось куда легче, чем он думал, он внезапно вспотел и начал задыхаться. Когда он миновал знакомый поворот на Мариен-стрит, сердце у него в груди отчаянно колотилось. Он прошел мимо десятка девчонок-пуэрториканок, прыгающих через веревочку, и остановился перед домиком, в котором он когда-то жил с Джози и ребятами, пока ему не пришлось ее убить. Тот самый дом, который он семь лет делил с Джози. А теперь тут живет Мойра. Черный, как ниггер, латинос, Гарсия, все еще полол сорняки перед домом.

— Эй! — окликнул его Галлоран.

Человек поднял голову.

— По-английски понимаешь? — спросил Галлоран.

— Это вы мне? — уточнил мужчина. На вид ему было лет двадцать с небольшим. Худощавый парень в футболке и обрезанных по колено голубых джинсах. В правой руке он держал тяпку.

— Да, вам, — сказал Галлоран. — Я ищу Мойру Джонсон. Вы ее знаете?

— Знаю, — сказал парень. — А что вы от нее хотите?

— Это моя дочь, — ответил Галлоран.

— Ах вот как… — сказал парень.

— Что значит «ах вот как»?

— Значит, вас все-таки выпустили?

— А вы кто такой, черт побери?

— Генри Джонсон, — ответил парень. — Муж Мойры. Лучше в вы пропали. Мойра не желает иметь с вами ничего общего.

— Слушай, ты, педик! — начал Галлоран, отворяя калитку, но увидел, как Джонсон стиснул тяпку, и остановился.

Когда сидишь в тюряге, приучаешься чуять, когда человеку можно дать в морду, а когда его лучше не трогать. Это по глазам видно. Вот Д'Аннунцио следовало бы понять это,

когда он принялся в очередной раз прохаживаться насчет длинного носа. Ему следовало бы заметить, как сузились глаза Галлорана, и понять, что сейчас его рожу разделают на гамбургеры. Вот и сейчас в глазах этого ниггера (Мойра вышла замуж за ниггера. Его дочь вышла замуж за ниггера!) было нечто, говорившее Галлорану, что сейчас парень опасен. Он остановился у калитки, попробовал примирительно улыбнуться и сказал:

— Я приехал издалека, чтобы встретиться с нею, сынок.

— Я вам не «сынок»! — рявкнул Джонсон. — Я вам не сын, и она вам больше не дочь.

— Я хотел бы ее повидать, — тихо сказал Галлоран.

— Ее нету дома. Убирайтесь, пока я не вызвал копов!

— Она моя дочь, и я хочу ее повидать, — ответил Галлоран ровным тоном. — Я хочу видеть, какой она стала теперь, когда выросла. Я не уйду отсюда, пока не увижу ее, я ждал двенадцать лет, чтобы ее увидеть, понял, ты?! И я ее увижу!.. С-сынок.

Должно быть, теперь у него был тот самый взгляд, который следовало бы заметить Д'Аннунцио за миг до того, как вилка вонзилась ему в лицо. Тот самый взгляд, который Галлоран видел у молодого Джонсона несколько минут тому назад. Он видел, как разжалась рука, сжимавшая тяпку. Джонсон все понял правильно. Это был ветеран уличных баталий — все ниггеры и Кастлвью знали в этом толк. Джонсон был стреляный воробей, он жопой чуял, когда дело пахнет жареным, и не хотел нарываться на человека, который не в себе.

— Ее действительно нету дома, — сказал Джонсон, но уже куда спокойнее.

— А когда она вернется? — спросил Галлоран.

— Она в магазин пошла, — сказал Джонсон.

— Это не ответ.

— В чем дело, Хэнк? — спросил сзади женский голос.

Галлоран обернулся.

Она стояла у самой калитки. Высокая стройная блондинка в босоножках, белых брюках и помидорно-красной топ-маечке. Под мышками она держала два пакета из оберточной бумаги, крепко прижимая их к груди. Галлоран даже на расстоянии сразу увидел удивительно яркие голубые глаза. Какой-то миг ему казалось, что он видит перед собой Джози, свою покойную жену. Он сказал себе, что вот эта красавица и есть его дочь, его…

— Мойра?

Она, похоже, узнала его. Она помнит его, Господи, она его помнит! Некоторое время она молча смотрела на него через заборчик, потом спросила:

— Что тебе здесь надо?

— Я пришел повидать тебя.

— Ну хорошо, ты меня видел.

— Мойра…

— Хэнк, скажи ему, пусть убирается отсюда.

— Мойра, я просто хотел поздороваться, только и всего.

— Ну, поздоровайся. И уходи.

— Я же тебе ничего не сделал! — жалобно сказал он и широко развел руками с растопыренными пальцами.

— Ничего не сделал, говоришь? Ах ты, сукин сын! Ты убил мою мать! Убирайся! — Она уже визжала. — Убирайся прочь, оставь меня в покое, убирайся, убирайся!!!

Он еще несколько мгновений смотрел на нее, потом опустил руки и молча вышел в открытую калитку, и прошел мимо Мойры, которая стояла на тротуаре, дрожа от ярости. Их глаза встретились — всего лишь на миг. Он тотчас отвел взгляд — такая ненависть кипела в ее глазах, — и быстро пошел в сторону авеню.

*** * ***

В субботу, в начале четвертого, Клинг позвонил в медэкспертизу узнать, почему до сих пор не пришли результаты вскрытия. Говорил с ним тот самый медик, который приезжал

осматривать место происшествия накануне. Звали его Джошуа Райт, и первое, что он сказал:

— Вот жарища, а?

Клинг поморщился, пристроил поудобнее блокнот и приготовился записывать. Карелла сидел за своим столом, рядом со шкафом с папками, и говорил по телефону с аптекой «Эмброуз». До того он звонил по телефону Бонни Андерсон, уборщицы Ньюменов, найденному в записной книжке, и узнал от ее брата, что Бонни действительно с двенадцатого июля находится в Джорджии. Теперь он проверял вторую зацепку. Окна кабинета были распахнуты настежь, но сквозь решетки не просачивалось ни единого ветерка. В углу работал вентилятор, перемешивая раскаленный воздух. Оба детектива сидели без пиджаков, с расстегнутыми воротниками, оттянутыми галстуками и закатанными рукавами. Расположившийся напротив Хэл Уиллис, которому нравилось считать себя щеголем, пришел на дежурство в желтовато-коричневом летнем костюме и коричневом с золотом шелковом галстуке, аккуратно подвязанном под воротничок. Он разговаривал с владельцем ювелирного магазина в Стеме, который ограбили третий раз за месяц.

В эту субботу дежурили шесть детективов, но троих из них не было на месте. Арти Браун поехал в центр, в здание уголовного суда, чтобы получить ордер на обыск дома человека, подозреваемого в торговле краденым. Мейер Мейер и Коттон Хейз поехали на Эйнсли-авеню, чтобы еще раз допросить ночного портье отеля, где четыре дня назад в ванне одного из номеров была обнаружена молодая проститутка с перерезанным горлом. В их округе с января по июль включительно было совершено семьдесят пять убийств, что на шестьдесят процентов больше, чем в прошлом. Из семидесяти пяти дел сорок было уже закрыто, еще одиннадцать близились к завершению, а оставшиеся две дюжины были абсолютно безнадежны. Если так пойдет и дальше, окажется, что детективы 87-го участка в этом году раскрыли только восемьдесят процентов совершенных убийств. А это означает, что к декабрю двадцать из ста убийц будут по-прежнему безнаказанно разгуливать на свободе. А если число убийств еще и увеличится… ну, об этом никому в 87-м участке думать не хотелось.

— В данном случае определить время post mortem достаточно трудно, — сказал Райт и тут же перевел медицинский термин, предполагая, что Клинг столь же невежествен, как и большинство детективов, с которыми приходится иметь дело: — То есть время, прошедшее с момента смерти.

— Ага, — сказал Клинг. — Но давайте начнем с причины смерти.

— Отравление барбитуратом, — сказал Райт. — Застой крови в сосудах мозга и кишечника, отек легких, жидкая кровь в полостях сердца. В содержимом желудка обнаружены остатки барбитурата, который удалось идентифицировать как секонал.

— Секонал, — повторил Клинг, записывая.

— Это быстродействующий барбитурат, который очень быстро всасывается.

— Насколько быстро?

— В течение нескольких минут после приема внутрь. Медицинская доза — двести миллиграмм.

— А смертельная?

— От пяти до десяти грамм.

— Не можете ли вы определить, какую дозу принял покойный? — спросил Клинг, желая показать, что он тоже разбирается в медицинской терминологии.

— Не представляется возможным. Но никак не меньше пяти грамм. Это будет двадцать пять капсул.

— А как насчет того, когда именно он принял эти капсулы?

— Вот это-то я и имел в виду, — сказал Райт. — Когда говорил насчет времени post mortem. Как я уже говорил, секонал всасывается в течение нескольких минут. Передозировка должна была повлечь за собой быстрое наступление коматозного состояния и смерть. Он сильно пил?

— А почему вы спрашиваете?

— Наши анализы на наличие алкоголя дали положительные результаты. Алкоголя было достаточно, чтобы вызвать опьянение. Поскольку количество алкоголя уменьшается в процессе разложения трупа, можно смело утверждать, что в момент смерти покойный был более пьян, чем можно судить по проценту алкоголя, обнаруженному на момент вскрытия.

— Его жена сообщила, что он был алкоголиком, — сказал Клинг.

— Это соответствует тому, что мы обнаружили. И не забывайте, что алкоголь является депрессантом, и его влияние на центральную нервную систему совпадает с токсическим действием секонала и усиливает его.

— Так когда же он умер?

— Видите ли, принимая во внимание жару, которая стояла в помещении… Вы вообще представляете себе, как определяется время post mortem?

— Не очень, — признался Клинг. Он перестал писать и обратился в слух.

— Одним из основных факторов является понижение температуры тела. Но в данных обстоятельствах, когда в комнате было сто два градуса, температура тела скорее повысилась, чем понизилась, несмотря на то, что процесс rigor mortis завершился полностью. Вы знаете, что такое rigor mortis?

— Н-ну, да… — неуверенно ответил Клинг.

— Посмертное окоченение мышц, — пояснил Райт.

— Да, конечно.

— Короче, говоря по-простому, у живого человека клеточная цитоплазма щелочная, а после смерти она становится кислотной. Как правило, это происходит в течение шести часов с момента смерти. За это время мышцы: лицевые, челюстные, шейные, рук и ног, и корпуса — именно в этом порядке — окоченевают. Потом кислотная среда снова заменяется щелочной. Обратный процесс происходит в промежутке от двенадцати до сорока восьми часов с момента смерти, в результате чего rigor исчезает. Но все снова упирается в температуру в квартире.

— Что вы имеете в виду? — спросил Клинг.

— От жары как rigor mortis, так и обратный процесс ускоряются.

— То есть вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, что rigor нам тоже не поможет. Так же, как и процесс разложения. Мы выделили гнилостные бактерии вида Clostridium welchii, которые размножаются в теле вскоре после смерти, а также Escherichia coli и Proteus vulgaris… Эй, вы все это записываете?

— Нет, — честно признался Клинг.

— И хорошо, потому что вам все это не надо. Все эти бактерии могут быть обнаружены на ранних стадиях разложения. Но мы нашли также Micrococcus albus и Bacillus mesentericus, которые, как правило, появляются только через несколько дней после смерти. Другими словами, поскольку жара в помещении сильно ускорила разложение, определить время смерти на основании этого фактора также невозможно.

— То есть вы хотите сказать, что установить, когда он умер, невозможно?

— Я хочу сказать, что утверждать что-то наверняка было бы рискованно. Весьма сожалею. Это все из-за этой чертовой жары.

— Но дело действительно в смертельной дозе секонала? — спросил Клинг.

— Однозначно. Доза, превышающая пять грамм.

— Около двадцати пяти капсул.

— Или даже больше, — подтвердил Райт.

— Ну, спасибо вам, — сказал Клинг. — Пришлите, пожалуйста, письменное заключение.

— Ладно, — сказал Райт и повесил трубку. Клинг тоже повесил трубку и взглянул на свои записи. Обвел слово «секонал», взял блокнот и подошел к Карелле, который как раз заканчивал свой разговор.

— Ну что? — спросил Карелла.

— Секонал. Доза, превышающая пять грамм.

— А сколько это будет в капсулах? — тотчас же спросил Карелла.

— Двадцать пять штук.

— Сходится.

— В смысле?

— Я только что говорил с мистером Ральфом Эмброузом, владельцем аптеки «Эмброуз» на Джексон-Серкл. Спросил, сколько капсул секонала было в пузырьке, который он продал миссис Ньюмен двадцать девятого июля. Он проверил по своим записям и сказал, что там была месячная норма — тридцать капсул.

— Наверно, она запаслась на дорогу в Калифорнию, — предположил Клинг.

— Тогда почему же она оставила пузырек дома?

— Хороший вопрос. Надо будет у нее спросить.

— Ага, — кивнул Карелла.

— В пузырьке оставалась только одна, — сказал Клинг.

— Только одна. Ну, предположим, она принимала по капсуле каждый вечер, с двадцать девятого июля по первое августа, когда она улетела в Калифорнию. Это будет три капсулы, верно? В июле ведь тридцать один день?

— Верно, три капсулы, — сказал Клинг.

— Плюс одна, оставшаяся в бутылочке — итого четыре.

— Значит, он проглотил двадцать шесть.

— На одну больше, чем было нужно, чтобы его убить.

Оба помолчали.

— Она говорила, что он казался угнетенным, когда с ней разговаривал, — сказал Клинг.

— Да, но предсмертной записки он не оставил, — возразил Карелла.

— Не все же самоубийцы оставляют записки.

— Не все. Что там медик сказал насчет времени смерти?

— Они ничего не могут сказать, Стив. Жара работает против нас.

— Интересно, зачем этот мужик отключил кондиционер? — спросил Карелла. — Это лето — самое жаркое за последние десять лет…

— Человеку, который собирается покончить жизнь самоубийством, все равно, холодно в комнате или жарко, — заметил Клинг.

— Ладно, предположим, он зашел в ванную, нашел пилюли жены, проглотил двадцать шесть штук, вернулся в гостиную и умер, так? Но разве стал бы он перед этим отключать кондиционер?

— Н-ну… да, это маловероятно.

— Тогда кто же отключил кондиционер? — осведомился Карелла.

— Медик говорил, он был пьян, — сказал Клинг. — Может, он даже не заметил, что кондиционер не работает.

— Жара началась в пятницу утром, в тот день, когда его жена уехала в Калифорнию, — принялся рассуждать Карелла. — Она говорила с ним в следующий вторник. Ты хочешь сказать, что с пятницы до вторника он пьянствовал и сидел с закрытыми окнами и выключенным кондиционером?

— Да нет, может, только в тот вечер. В тот вечер, когда он решил покончить жизнь самоубийством.

— И перед этим отключил кондиционер, да? Не может быть, — сказал Карелла.

— Не может быть… — повторил Клинг. — А может, он сломался или что-нибудь в этом духе? Может, он просто не заметил…

— Вчера я включил его, как только техники управились со своими делами. Он прекрасно работал!

— Ага… — сказал Клинг.

— В такую жару кондиционер должен был работать, черт бы его побрал!

Оба снова замолчали. В другом конце комнаты Уиллис принялся стучать на машинке.

По улице, завывая сиреной, промчалась машина «Скорой помощи».

— Наверно, надо опять поговорить с Энн Ньюмен, — сказал Карелла и поглядел на настенные часы. Была почти половина четвертого. Полчаса до конца их рабочего дня.

— Поедем к ней сегодня или у тебя другие планы?

— Нет, — ответил Клинг. — Никаких планов у меня нет.

— Ты еще не разговаривал с Огастой?

— Нет еще.

— Ты же обещал…

— Сегодня вечером, — сказал Клинг. — Когда вернусь домой.

— Тогда, может, ты прямо сейчас домой поедешь? К этой Ньюмен я и один могу смотаться, без проблем.

— Да нет, это подождет, — сказал Клинг.

Глава 3

Сьюзен Ньюмен, мать погибшего, жила у самой Кондон-сквер. На площади Кондон-сквер стояла большая статуя генерала Ричарда Джозефа Кондона, которая должна была напоминать суетным горожанам, что во времена Гражданской войны здесь проживал столь блестящий, остроумный и отважный офицер. Теперь статуя была уделана голубиным пометом, но тем не менее лицо генерала по-прежнему сияло улыбкой во всем своем бронзовом великолепии, вызывая ответные улыбки прохожих, которым случалось поднять голову и посмотреть ему в лицо. К сожалению, в этом городе прохожие редко поднимали голову — они предпочитали смотреть себе под ноги, чтобы не вляпаться в подарочек от одного из представителей многочисленного собачьего поголовья.

Карелла остановил машину в двух кварталах от того дома, адрес которого дала Энн. Детективы прошли мимо статуи, улыбнулись генералу, свернули за угол и нашли дом номер двенадцать по улице Шарлотт-Террас. Швейцар попросил их представиться, позвонил наверх и сообщил миссис Ньюмен, что внизу, в вестибюле, ждут господа Карелла и Клинг. Выслушал ответ и сказал детективам, что они могут пройти наверх. Им нужна квартира 3-Е.

Миссис Ньюмен было сильно за шестьдесят. Она носила длинный свободный халат, который должен был скрывать ее полноту. Карелла прикинул, что роста в ней примерно пять футов три дюйма. Морщинистое, как печеное яблоко, лицо, аккуратно прибранные седые волосы. На щеках и предплечьях, выступавших из рукавов халата, были толстые жировые складки. Она сказала им по телефону, что ее невестка вернется из похоронного бюро к четырем. Они пришли в четверть пятого. Миссис Ньюмен извинилась и сказала, что Энн только что позвонила и сообщила, что задерживается. Глаза у нее опухли и покраснели — видно, она только что плакала.

— Мы его завтра хороним, понимаете ли, — сказала она. — Энн занимается похоронами…

Она достала из единственного кармана халата платок и вытерла глаза, на которых вновь выступили слезы.

— Миссис Ньюмен, — сказал Карелла, — мы понимаем, как вам должно быть тяжело. Я должен извиниться за то, что мы беспокоим вас в такое время…

— Ничего, ничего, — сказала миссис Ньюмен. — Я понимаю, это ваша работа.

— Ничего, если мы зададим вам несколько вопросов?

— Да-да, мы ведь говорили об этом по телефону.

— Я ценю ваше великодушие, — сказал Карелла. — Миссис Ньюмен, ваша невестка сказала нам, что она уехала в Калифорнию первого августа. Это так?

— Да.

— Она говорила также, что разговаривала с вашим сыном во вторник вечером…

— Об этом я ничего не знаю. Извините.

— Я хотел бы знать, разговаривали ли вы с ним на этой неделе?

— Нет.

— Он вам звонил время от времени?

— Да, раза два в месяц.

— Миссис Ньюмен, когда вы разговаривали с ним в последний раз?

— Точно не помню. Наверно, пару недель тому назад.

— С ним все было в порядке?

— Ну, он…

— Да?

— Видите ли, мой сын был алкоголиком…

— Да, это нам известно.

— И когда он звонил… понимаете, обычно он звонил мне, когда напивался.

— Был ли он пьян, когда вы разговаривали с ним в последний раз?

— Да.

— И о чем вы с ним разговаривали?

— Как обычно.

— А именно?

— О его отце. Джерри обычно напивался, а потом звонил мне и говорил об отце. — Она помолчала. — Мой муж умер два года назад.

— От чего?

— Он… он убил себя. Покончил жизнь самоубийством.

— Я вам сочувствую, — сказал Карелла. Миссис Ньюмен посмотрела на него, кивнула и снова промокнула глаза платочком. — И ваш сын обычно говорил именно об этом, когда…

— Да. Видите ли… Это он его нашел. Джерри. Я тогда работала. Я по профессии сиделка. Только в этом году ушла на пенсию. В тот вечер, когда… когда это произошло, у меня было ночное дежурство. Я была в больнице. Джерри зашел к нам… видите ли, они с отцом были очень близки… и когда он позвонил и никто не открыл, Джерри сразу заподозрил, что что-то неладно. Он очень встревожился. Видите ли, мой муж был художник. Абстрактный экспрессионист, очень известный. Лоуренс Ньюмен. Он обычно работал дома, в квартире на Джефферсон-авеню, где мы тогда жили. У него была мастерская с большими окнами на северную сторону. И когда Джерри позвонил, а никто не открыл, он… он сразу подумал, что что-то произошло. Он попросил швейцара открыть дверь запасным ключом, вошел… и увидел отца.

— А как он покончил жизнь самоубийством, миссис Ньюмен?

— Застрелился из пистолета. Вставил дуло себе в рот и… и спустил курок. Прямо в мастерской, где он работал.

— Сочувствую вам, — снова сказал Карелла.

— Я все время просила его избавиться от этого пистолета. Но он говорил, что в городе без пистолета нельзя, это необходимо, чтобы выжить. Я в это не верю, мистер… мистер Карелла, да?

— Да, Карелла.

— Я не верю в то, что людям нужно оружие. Если кто-то держит дома пистолет, значит, он собирается им воспользоваться. Верно ведь? Либо против кого-то другого…

— Судя по нашему опыту — да, — сказал Карелла.

— Я где-то читала — еще до того, как Ларри застрелился, я использовала это как аргумент в споре, когда пыталась убедить его избавиться от оружия, — я читала, что очень многие люди, хранящие оружие, рано или поздно используют его против себя. Это правда?

— Да, процент застрелившихся среди самоубийц очень высок.

— Я ему говорила! Но он, конечно, и слушать не хотел. Сказал, что надо быть готовым к самозащите. «От кого? — спрашивала я. — От диких индейцев, что ли?» На нашем острове больше нет диких индейцев, джентльмены. Единственные дикари — это мы сами. — Она глубоко вздохнула и продолжала: — Не надо было оставлять его одного в тот вечер. Он работал над одной особенно сложной картиной и никак не мог найти нужного решения. Он

ее раз десять переписывал, но она ему все равно не нравилась. И когда я в последний раз попрощалась с ним, он тоже работал над этой картиной. Я ему сказала, что картина замечательная. Но я видела, что он мне не поверил.

Она снова вздохнула и отвернулась, глядя в окно, откуда открывался великолепный вид на реку Дикс и мосты через нее.

— И наконец он нашел выход в этой мастерской, залитой лучами заходящего солнца: вставил дуло в рот и спустил курок. — Она судорожно вздохнула. — Мой сын, Джерри, был ужасно потрясен всем этим. Тогда-то он и начал пить. После того, как его отец лишил себя жизни.

— Вы сказали, это было два года назад?

— Да, два года назад, двенадцатого мая. Я этот день запомню на всю оставшуюся жизнь…

— И когда ваш сын вам позвонил…

— Да, именно об этом он и говорил. Конечно, он был пьян. Он почти все время был пьян. Он говорил о своем отце, заново переживал тот майский вечер, когда он вошел в мастерскую и нашел его… — Она снова отвернулась. Карелла ждал. Клинг уставился в пол. — Простите, все это еще слишком болезненно. Я уже стара, но я помню, что это такое — любить кого-то больше жизни. А теперь… а теперь это. Джерри… Почти так же, какой…

Она покачала головой и снова прижала платок к глазам.

— Простите…

— Миссис Ньюмен, не говорил ли ваш сын о том, что замышляет самоубийство?

— А разве они об этом говорят? — спросила она. — Разве мой муж говорил об этом? Люди впадают в депрессию — но это нормально. Если они загоняют все свои проблемы внутрь, как можно догадаться, что они замышляют? Вы понимаете, какую боль должен испытывать человек, если он думает о том, чтобы лишить себя жизни? Я просто представить не могу такого страдания. Воля к жизни — такое сильное чувство, что просто нельзя себе представить, чтобы человек… — Она снова покачала головой. — Это немыслимо!

— Вы думаете, ваш сын совершил самоубийство, миссис Ньюмен?

— Я не знаю, что думать.

— Вы не знаете, были ли у него враги?

— Он об этом никогда не говорил.

— Если бы ему кто-то угрожал по телефону или он получал письма с угрозами, вы бы об этом знали?

— Об этом вам лучше спросить у Энн.

— Какие у них были отношения?

— Достаточно хорошие. Принимая во внимание…

— Что?

— Его пьянство. Это, конечно, серьезная проблема. Но они очень любили друг друга, когда поженились, — у Джерри это был второй брак, знаете ли, — и, по-моему, Энн держалась безупречно, принимая во внимание обстоятельства. На самом деле эти два года она вела себя как святая. Я очень люблю эту девушку.

— А как насчет первой жены вашего сына? Джессика Герцог, так, кажется?

— Да, это ее девичья фамилия.

— Вы виделись с ней после их развода?

— Нет. Она вообще-то довольно славная женщина, и я не имею ничего против того, чтобы продолжать поддерживать с ней отношения. Но в случае развода люди обычно поддерживают свою плоть и кровь, и… ну, в общем, к сожалению, мы с ней больше не общаемся. На самом деле, жалко.

— Миссис Ньюмен, насколько я понимаю, у вас есть еще один сын…

— Да, Джонатан.

— Он живет в Сан-Франциско, верно?

— Да.

— Они с Джерри были в хороших отношениях?

— Да, насколько они вообще могли поддерживать отношения на таком расстоянии.

Она посмотрела Карелле прямо в глаза и спросила:

— Простите, мистер Карелла, но… вы действительно подозреваете, что моего сына могли убить?

— В любом случае насильственной смерти, то есть вызванной не естественными причинами, мы обязаны рассмотреть все версии, — ответил он.

— Понимаю…

— Мама! — послышалось из прихожей. Все трое обернулись. Энн Ньюмен вынимала ключ из замочной скважины входной двери. На ней была курточка в черно-белую полоску поверх белой водолазки и черной юбки. Энн, как и вчера, выглядела удивительно свежей. Карелла про себя позавидовал обмену веществ, который, казалось, делал ее неуязвимой для жары. Она положила ключи на столик в прихожей, вошла в гостиную и протянула руку детективам.

— Извините, что я задержалась, — сказала она, пожимая руку сперва Карелле, потом Клингу. — Так много всего надо было устроить… Не хотите чего-нибудь выпить? Мама, вы им ничего не предлагали? Может быть, чего-нибудь безалкогольного? Чаю со льдом, например…

— Нет, спасибо, — сказал Карелла.

— Спасибо, мэм, — Клинг покачал головой.

— Мне хотелось бы джину с тоником. Надеюсь, никто не будет возражать? Мама, не могли бы вы мне смешать джин с тоником, пока мы будем беседовать?

— Хорошо, дорогая, — ответила миссис Ньюмен и тут же вышла из комнаты.

— Что вам хотелось бы знать? — спросила Энн. — Жара жуткая, не правда ли? Как по-вашему, здесь достаточно прохладно?

— Да, все отлично, спасибо большое, — сказал Карелла. — Миссис Ньюмен, детектив Клинг недавно беседовал с медэкспертом, так что, если вы не возражаете, задавать вопросы будет он.

— Да, пожалуйста, — сказала она, оборачиваясь к Клингу. — Что они обнаружили?

— Очевидно, он скончался от того, что принял смертельную дозу секонала, — сказал Клинг.

— А! — сказала она.

— Миссис Ньюмен, мы нашли пузырек из-под лекарства…

— Да, наверно, это он, — сказала Энн.

— …на полу в ванной, — закончил Клинг. — В нем оставалась только одна капсула секонала.

— Одна? О Господи! Когда я уезжала в Калифорнию, в ней было тридцать капсул!

— Значит, вы не израсходовали ни одной капсулы с двадцать девятого июля, когда получили их по рецепту?

— Нет, у меня еще оставалось несколько штук с прошлого месяца, полдюжины или около того. Я взяла их с собой в Калифорнию.

— Ваш врач регулярно прописывает вам секонал? Доктор Бролин, не так ли?

— Да, Джеймс Бролин. У меня проблемы со сном, и лекарства, которые продаются без рецепта, мне не помогают. Доктор Бролин не видел никакой опасности в том, чтобы прописывать мне барбитурат.

— Давно ли вы принимаете секонал? — спросил Клинг.

— С тех пор, как… ну, короче, уже несколько лет.

— С каких пор, миссис Ньюмен?

— С тех пор, как Джерри начал так сильно пить. Жить с алкоголиком не так-то просто, знаете ли…

— Вы принимаете снотворное каждый вечер?

— Нет, не каждый.

— А по этому рецепту можно заказать лекарство вторично?

— Нет, в нашем штате это запрещено законом. Иначе такие рецепты могут попасть в руки наркоманов…

Клинг смутился, но отважно продолжал разговор.

— Значит, доктор Бролин каждый месяц выписывает вам новый рецепт?

— Иногда реже. Он выписывает мне новый рецепт каждый раз, как мои запасы иссякают.

— А перед отъездом в Калифорнию лекарство у вас как раз закончилось.

— Да. Как я уже говорила, у меня оставалось шесть-семь капсул. Но я не люблю оставлять за собой хвосты. Перед тем, как куда-то уехать, я всегда привожу все свои дела в порядок. Поэтому я попросила доктора Бролина выписать мне новый рецепт.

— Вы часто бываете в отъезде?

— Изредка. В основном тогда, когда проходит какая-нибудь выставка, которую я считаю нужным посмотреть. Например, я никогда не пропускаю выставок в Чикаго. А лос-анджелесская выставка в этом году обещала быть очень хорошей.

— Миссис Ньюмен, результаты медэкспертизы показали, что ваш муж в момент смерти находился в состоянии опьянения. Когда вы…

— Это меня не удивляет, — заметила Энн.

— В прошлый вторник, когда вы с ним разговаривали, он был пьян?

— Иногда трудно сказать. Он может быть сильно пьян и тем не менее казаться совершенно трезвым.

— В тот вечер, когда вы с ним говорили, он казался трезвым?

— Он казался… нормальным. Он был в депрессии, но в остальном — как всегда. Тем более что в последние месяцы депрессия сделалась его нормальным состоянием.

— Он никогда не обсуждал с вами возможность самоубийства?

— Ну… Мне не хочется в этом признаваться, потому что меня могут счесть бесчувственной…

— Почему?

— Вы можете спросить, почему я оставила его и уехала в Калифорнию, несмотря на то, что знала, в каком он состоянии…

— А в каком состоянии он был, миссис Ньюмен?

— Он говорил мне… он сказал, что с него хватит.

— Чего?

— Всего. Что он устал от жизни.

— Когда это было?

— Накануне перед моим отъездом.

— То есть в четверг?

— Да, в четверг вечером.

— Тридцать первого июля.

— Да.

— Он говорил вам, что устал от жизни?

— Ну, разумеется, он был пьян, и я… Понимаете, он это говорил далеко не в первый раз.

— О том, что хочет покончить жизнь самоубийством?

— Нет, он так не говорил.

— А как он говорил?

— Он говорил, что его отец был прав.

— Он имел в виду…

— Он имел в виду самоубийство своего отца. Его отец застрелился два года назад.

В гостиную вернулась миссис Ньюмен. Она порезала лайм — разновидность лимона, — и ломтик лайма плавал в высоком бокале с джином и тоником, предназначенном для Энн. Миссис Ньюмен слышала последние слова Энн.

— Я уже рассказывала об этом джентльменам, дорогая. Вот твой джин с тоником.

Энн взяла бокал, сказала «спасибо» и спросила у детективов:

— Вы уверены?..

— Мы на службе, мэм, — ответил Клинг.

— Ах да, конечно. Ваше здоровье! — сказала Энн и отхлебнула джина с тоником. — Как хорошо! Жара просто невыносимая, не правда ли?

— Кстати, о жаре, — сказал Карелла. — Мне хотелось бы задать вам несколько вопросов относительно вашего кондиционера.

— Кондиционера? — удивленно переспросила Энн.

— Да, мэм. Вы, наверно, заметили, как жарко было у вас в квартире…

— Да, конечно.

— Так вот, все окна были закрыты, и кондиционер выключен, и я задался вопросом…

— С кондиционером у нас всегда были проблемы, — перебила его Энн и отхлебнула еще джина с тоником.

— Какие именно?

— Нам все время приходилось звать ремонтника, чтобы его чинить.

— Так вот, мэм, кондиционер работал нормально. Я это знаю, потому что сам включил его после того, как эксперты закончили свою работу. Я хочу сказать, кондиционер был выключен, выключатель стоял в положении «Выключено», и я задался вопросом: был ли он выключен в пятницу утром, когда вы уезжали?

— На самом деле я не знаю… — ответила Энн. — В смысле, в квартире было достаточно прохладно. Я просто не обратила внимания, включен кондиционер или нет.

— Но в квартире было прохладно?

— Да, это точно.

— Когда вы разговаривали с мужем во вторник вечером, он ничего не говорил насчет жары?

— Он сказал, что днем было девяносто восемь градусов.[3]

— Но он не говорил, что в квартире очень жарко, нет? Что кондиционер не тянет или что-нибудь в этом духе?

— Нет, не говорил.

— Или что он вызывал ремонтника его чинить?

— Нет.

— Понимаете, я пытаюсь выяснить, кто же мог его выключить. Если бы кондиционер кто-то чинил, тогда его могли бы оставить выключенным случайно…

— Нет, Джерри ничего не говорил насчет того, что кондиционер чинили.

— Угу, — сказал Карелла. — Берт?

— Еще несколько вопросов, и мы уйдем, — сказал Клинг. — Извините, что отнимаем у вас так много времени…

— Ну что вы! — сказала Энн.

— Не можете ли вы припомнить, о чем вы говорили в тот вечер перед вашим отъездом в Калифорнию?

— Точно не помню. Тогда я не думала, что это важно.

— Все, что помните.

— Ну, Джерри снова запил, и он мне говорил — он всегда на это жаловался, — какой он плохой художник по сравнению со своим отцом. Вы должны понять, что отец Джерри был известным художником, а сам Джерри — всего-навсего иллюстратор. Он все время чувствовал, что ему никогда не сравняться со своим отцом. Отец был для него кумиром… Ведь правда, мама?

— Да-да, — сказала миссис Ньюмен.

---

[3] Приблизительно тридцать пять по Цельсию.

— И… хм… мне иногда казалось, что Джерри стремился подражать ему во всем. Наверно, мне следовало бы воспринимать его постоянные угрозы покончить жизнь самоубийством более серьезно, принимая во внимание все обстоятельства… Но я не относилась к этому всерьез. Когда он снова начал рассуждать о том, как все бесцельно и бессмысленно, я… мне очень стыдно, но я его оборвала на полуслове. Мне предстояла длительная поездка, время было близко к полуночи, и мне надо было выспаться. Я ему сказала, что мы это обсудим, когда я вернусь. Я не знала, что на следующее утро, за завтраком, увижу его в последний раз.

— А как он себя вел тогда? В смысле, за завтраком?

— Он был с похмелья.

— Миссис Ньюмен, ваш муж знал, что вы принимаете секонал?

— Да, знал.

— Он знал, где вы держите лекарство?

— Мы все свои лекарства держали в аптечке в ванной.

— И секонал вы держали там же?

— Да.

— И новый пузырек, полученный по последнему рецепту, вы поставили туда же?

— Да.

— В пузырьке было тридцать капсул?

— Да.

— Когда вы его туда поставили?

— В тот же день, как купила.

— То есть двадцать девятого июля.

— Да.

— И ваш муж это знал? Он знал, что вы поставили этот пузырек с секоналом в аптечку?

— Полагаю, что да.

— Спасибо. Что-нибудь еще, Стив?

— Нет, это все, — ответил Карелла. — Леди, я благодарю вас за то, что вы разрешили нам поговорить с вами. Мы просим прощения за вторжение. Вы были очень любезны.

— Ну что вы! — сказала миссис Ньюмен.

— Если выясните что-то новое, сообщите нам, пожалуйста, — попросила Энн.

В коридоре, дожидаясь лифта, Клинг спросил:

— Ну, что ты думаешь?

— Еще не знаю, — сказал Карелла. — Позвоню в «Беверли-Уилшир», узнаю, сколько времени она разговаривала с ним во вторник. Может быть, это поможет установить время смерти.

— А что это даст?

— А черт его знает, — ответил Карелла. — Но жара в этой чертовой квартире все еще вызывает у меня подозрения. А у тебя?

— У меня тоже.

Было почти полшестого. Они вышли на улицу и распрощались. Карелла пошел туда, где оставил машину, а Клинг направился к станции подземки на углу и поехал домой, к своей жене Огасте.

* * *

Коряво нацарапанная записка, прилепленная магнитом к дверце холодильника, гласила:

«Берт!

Я ждала тебя до шести, а потом поехала на вечеринку к Бианке. Потом мы, наверное, поедем обедать. Дома буду около десяти. Поищи себе чего-нибудь в холодильнике.

Целую. Г.».

* * *

Домой она вернулась почти в одиннадцать.

Когда она пришла, Клинг смотрел новости по телевизору. На ней был бледно-зеленый шифоновый свободный костюм. Прозрачная блузка с глубоким вырезом приоткрывала грудь. Этот цвет изумительно шел к ее огненно-рыжим волосам, зачесанным набок так, что было видно одно ушко с изумрудной сережкой, подчеркивающей темно-зеленый цвет глаз. У Берта, как всегда, перехватило дыхание от ее красоты. Тогда, в первый раз, когда он увидел Огасту в ее ограбленной квартире на Ричардсон-драйв, он попросту утратил дар речи. Она вернулась с гор, где каталась на горных лыжах, и обнаружила, что квартиру ограбили. Клинг никогда не катался на горных лыжах. Он всегда считал, что это спорт для богачей. Наверно, теперь они и сами были богачами… Правда, он себя богачом никогда не чувствовал, но это уже его проблемы.

— Приветик, лапочка! — крикнула Огаста из прихожей, вытащила ключ из замка и вошла в гостиную. Клинг сидел перед телевизором, с банкой теплого пива в руке. Огаста мимоходом чмокнула его в макушку и сказала:

— Ты не уходи. Мне надо пописать.

В телевизоре диктор рассказывал о последних событиях на Ближнем Востоке. На этом Ближнем Востоке вечно что-то происходит. Иногда Клинг думал, что Ближний Восток выдумало правительство, так же, как у Оруэлла Большой Брат выдумал войну. Если бы людям не забивали голову Ближним Востоком, они начали бы думать о безработице, инфляции, уличной преступности, расовых проблемах, коррупции в верхах и мухах цеце. Клинг отхлебнул пива. Он пообедал, не отрываясь от телевизора: телячья котлета с яблоками, горошком, соусом с приправами и лимонными оладьями. И выпил три банки пива. Это была уже четвертая. Размороженная еда была совершенно безвкусной. Клинг был крупный мужчина и уже успел снова проголодаться. Он услышал, как Огаста спускает воду в унитазе. Потом она открыла дверцу шкафа у себя в спальне. Клинг ждал.

Когда Огаста вернулась в гостиную, на ней был черный нейлоновый халат с поясом. Распущенные волосы падали на лицо. Огаста была босиком. На экране по-прежнему зудел диктор.

— Ты его смотришь? — спросила Огаста.

— Вроде как.

— А может, выключишь? — спросила она и, не дожидаясь ответа, подошла к телевизору и нажала на кнопку. В комнате стало тихо.

— Что, снова жаркий денек выдался? — спросила Огаста. — Как у тебя дела?

— Так себе.

— Когда ты вернулся домой?

— После шести.

— Ты что, забыл, что нас приглашали к Бианке?

— Мы расследуем сложное дело.

— У тебя все дела сложные! — улыбнулась Огаста.

Клинг смотрел, как она уселась на ковер перед потухшим экраном, вытянув ноги. Полы черного халата разошлись. Огаста принялась качать пресс — это была часть ее ежевечерней гимнастики. Она сцепила руки на затылке и стала поднимать и опускать туловище.

— Нам было нужно съездить к этой леди, — сказал Клинг.

— Я же тебе утром говорила про вечеринку!

— Я знаю, но Стив хотел повидать ее непременно сегодня.

— Ну да, судьба расследования определяется в первые двадцать четыре часа, — сказала Огаста. Эти слова она знала назубок.

— Ну, на самом деле это так и есть. Как прошел вечер?

— Чудесно! — сказала Огаста.

— Она все еще живет с этим фотографом — как его там?

— Энди Гастингс. Всего-навсего ведущий модный фотограф Америки.

— Я их все время путаю, — сказал Клинг.

— Энди — черноволосый, с голубыми глазами.

— А лысого как зовут?

— Ламонт.

— Ах да. С серьгой в левом ухе. Он там тоже был?

— Там все были. Кроме моего мужа.

— Ну, надо же мне зарабатывать себе на жизнь!

— Ты не обязан зарабатывать себе на жизнь после четырех.

— Человек принял смертельную дозу секонала. Нельзя же отложить это дело на неделю!

— В первые двадцать четыре часа… — повторила Огаста и закатила глаза.

— Вот именно.

— Это я уже слышала.

— Ты не возражаешь, если я снова его включу? — спросил Клинг. — Хочу посмотреть погоду на завтра.

Огаста не ответила. Она легла на бок и принялась поднимать и опускать ногу — упорно, ритмично. Клинг поставил банку с пивом, встал из мягкого кожаного кресла, в котором сидел, и включил телевизор. Когда он повернулся, перед ним на миг мелькнули темно-рыжие волосы у нее в паху — а потом ее ноги сомкнулись, и снова открылись, блеснув огненной рыжиной, и снова сомкнулись… Клинг тяжело опустился в кресло и снова взял банку с пивом. Дикторша была хорошенькой брюнеткой. Идиотски улыбаясь, перешучиваясь с ведущим, она все же наконец удосужилась сообщить неутешительную информацию: завтра температура поднимется до девяноста восьми — девяноста девяти градусов.[4] «Но ведь это же нормальная температура тела! — заметил ведущий. — Тридцать шесть и шесть!» Относительная влажность шестьдесят четыре процента. Показатель загрязнения окружающей среды — неудовлетворительный.

— Ну, что у нас еще плохого? — спросила Огаста у телеэкрана, продолжая поднимать и опускать ногу.

— А сейчас Марио Троваро сообщит вам новости спорта! — сообщил ведущий. — Оставайтесь с нами!

— Ну вот, сейчас нам сообщат о сегодняшних подвигах всех бейсбольных команд, — вздохнула Огаста. — Может, выключишь, Берт?

— Мне бейсбол нравится, — ответил он. — А куда вы ездили после вечеринки?

— В китайский ресторанчик на Бун-стрит.

— Хороший?

— Так себе.

— И сколько вас было?

— Человек двенадцать. Точнее, одиннадцать. Твое место пустовало…

— На Бун-стрит, говоришь?

— Да.

— Это в Чайнатауне?

— Да.

— В самой глубине…

— Бианка живет в Квортере, ты же знаешь.

— А, ну да, конечно.

Все спортивные комментаторы в Америке стригутся у одного и того же парикмахера. Клинг раньше думал, что эта прическа свойственна только этой части страны, но однажды

---

[4] Примерно тридцать шесть по Цельсию.

ему пришлось побывать в Майами — он отлавливал преступника, на которого был выписан ордер на арест, — так у тамошнего спортивного комментатора тоже была такая прическа: точно кто-то надел ему на голову горшок и обстриг в кружок. А может, они все лысые и носят парики? Вот Мейер Мейер последнее время тоже начал поговаривать о том, чтобы купить парик. Клинг попытался представить себе Мейера Мейера с волосами. Нет, пожалуй, лысым он смотрится убедительнее… Теперь Огаста делала отжимания. Двадцать пять отжиманий каждый вечер. Пока комментатор зачитывал результаты бейсбольных матчей, Клинг смотрел, как она отжимается на ковре, смотрел на ее ладную попку, обтянутую халатом, и машинально считал отжимания. Она закончила, когда он насчитал только двадцать три — должно быть, сбился в счете. Клинг встал и выключил телевизор.

— Слава Богу, наконец-то стало тихо! — воскликнула Огаста.

— Во сколько кончилась вечеринка? — спросил Клинг.

Огаста поднялась на ноги.

— Кофе хочешь? — спросила она.

— Нет, а то не засну.

— Тебе во сколько завтра уходить?

— У меня выходной.

— Слава тебе Господи! — сказала она. — Точно не хочешь?

— Точно.

— Ну а я, пожалуй, выпью, — сказала она и направилась в кухню.

— Так во сколько? — повторил Клинг.

— Что — во сколько?

— Во сколько вы уехали?

Она обернулась к Клингу.

— Это от Бианки, что ли?

— Ну да.

— Около полвосьмого.

— И поехали в Чайнатаун, да?

— Да.

— На такси или как?

— Некоторые поехали на такси. А меня подвезли.

— Кто?

— Сантессоны, — ответила она. — Ты их не знаешь.

Развернулась и ушла на кухню.

Клинг слышал, как Огаста возится на кухне. Как она достала банку с кофе из шкафчика над кухонным столом, потом достала из другого шкафчика кофеварку и с грохотом поставила ее на стол. Клинг знал, что должен поговорить с ней, знал, что надо перестать играть в сыщика и задавать дурацкие вопросы о том, где она была, и в какое время, и с кем. Надо поговорить с ней прямо, обсудить создавшееся положение, черт побери! Он же обещал Карелле, что сделает это. Он сказал себе, что заговорит об этом, когда она вернется в комнату. Он спросит, правда ли, что она встречается с… с другим мужчиной. И, возможно, потеряет ее… Огаста снова ушла в ванную. Он услышал, как она открыла и закрыла дверцу аптечки. Огаста провела в ванной довольно много времени. Когда она наконец вышла, она прошла на кухню и налила себе кофе. Потом вернулась в гостиную, держа в руке кружку с кофе, уселась на ковер, скрестив ноги, и принялась прихлебывать кофе.

«Ну, давай!» — сказал себе Клинг.

Он посмотрел на Огасту.

— Во сколько вы ушли из ресторана? — спросил он.

— Берт, в чем дело? — неожиданно сказала Огаста.

— Что ты имеешь в виду? — сказал Клинг. Сердце у него заколотилось.

— Я имею в виду — в чем дело? Во сколько я ушла от Бианки, во сколько я ушла из ресторана… Какого черта?

— Мне просто любопытно.

— Ах, тебе просто любопытно? Это что, профессиональное заболевание? Любопытной Варваре на базаре нос оторвали!

— Да? В самом деле? Неужели любопытство…

— Если тебе, черт возьми, так интересно, во сколько я ушла оттуда-то и оттуда-то, отчего бы тебе в следующий раз не поехать вместе со мной, вместо того чтобы разыскивать по всему городу какие-то пилюли?

— Какие пилюли?

— Ты что-то говорил насчет секонала, каких-то там…

— Он был в капсулах.

— Да плевать мне, в чем он там был! Я вышла от Бианки в семь часов двадцать две минуты четырнадцать секунд! Устраивает? Я села в черный «Бьюик-Регал» с номером…

— Ладно, ладно…

— …с номером ноль-ноль-семь, Берт, а за рулем сидел владелец автомобиля, некий Филипп Сантессон, художественный руководитель театра…

— Ну ладно, хватит!

— …«Уинстон, Лойб и Фильдс», и с ним была его жена, Джун Сантессон. Подозреваемое средство передвижения проследовало в Чайнатаун, где мы и присоединились к остальным участникам сборища в ресторане, который называется «У А-Вонга». Мы заказали…

— Гасси, прекрати!!!

— Нет, черт возьми, это ты прекрати!!! Я ушла из этого гребаного ресторанчика в десять тридцать, поймала такси на Акведуке и поехала прямиком домой, к своему любящему супругу, который в ту же минуту, как я вошла, устроил мне допрос с пристрастием! — орала Огаста, тыкая пальцем в сторону входной двери. — Берт, какого черта?! Если у тебя что-то на уме, так скажи прямо, в чем дело! А иначе заткнись! Я устала играть в полицейских и воров!

— Я тоже.

— Ну и в чем дело?

— Ни в чем, — ответил он.

— Я говорила тебе о вечеринке. Я говорила, что нам надо было быть там…

— Я знаю, что ты…

— Нам надо было быть там в шесть, самое позднее — в полседьмого.

— Ну да, я помню…

— Ну ладно, — сказала она и вздохнула. Весь ее гнев внезапно куда-то улетучился.

— Извини, — сказал он.

— Мне хотелось заняться любовью… — тихо сказала Огаста. — Когда я вернулась домой, мне хотелось заняться любовью…

— Извини, солнышко…

— А вместо этого.

— Извини… — Он поколебался. Потом осторожно сказал: — Но мы и сейчас могли бы заняться любовью.

— А сейчас — нет, — ответила она.

— Но почему?

— У меня только что начались месячные.

Клинг посмотрел на нее. И внезапно понял, что весь ее рассказ о вечеринке у Бианки, и о поездке через город с Сантессонами, и об обеде у А-Вонга, и о такси, которое она поймала на Акведуке, был ложью. Она нагло врала ему в лицо, как врет убийца, застигнутый с дымящимся пистолетом в руке.

— Ну ладно, — сказал он. — Как-нибудь в другой раз.

Пошел и снова включил телевизор.

Глава 4

Если бы у всех копов выходные были в один и тот же день, некому было бы дежурить на улицах и всякие бандиты тут же распоясались бы. Логично? Логично.

Поэтому копы работают по гибкому графику. Вот почему выходные Клинга далеко не всегда совпадали с выходными Кареллы. График дежурств полицейского участка загадочен и непонятен, как древний свиток с берегов Мертвого моря. А ночные смены усложняют дело еще больше. Ночные смены — это все равно что примечания на санскрите. А самое удивительное в этом графике то, что любой коп, едва бросив взгляд на таблицу, тут же точно скажет вам, когда у него в этом месяце выходные. Когда выходные выпадали на субботу и воскресенье, как у всех нормальных людей, это считалось необыкновенной удачей. Такое бывало только раз в месяц. На этой неделе у Клинга были выходные в понедельник и вторник, а сейчас было воскресенье, и у него снова был выходной. И у Огасты тоже. Только Огаста отправилась навестить фотомодель, которую звали Консуэла Геррера. Консуэла свалилась с гепатитом и сейчас лежала в роскошной больнице «Физишенс Павильон». Клинг не стал возражать — он все равно намеревался сегодня поработать.

Работа была связана с расследованием, но не имела отношения к деятельности 87-го участка. Как только Огаста закрыла за собой дверь, Клинг открыл телефонный справочник Айсолы и нашел адрес ресторана А-Вонга. Надев синие джинсы, шлепанцы и голубую футболку с номером «13» на спине — воспоминание о прошлогоднем бейсбольном матче между полицейскими участками, где он играл за 87-й вторым защитником, — Клинг спустился вниз, взял такси и попросил отвезти его в Чайнатаун, на Бун-стрит, дом сорок один. Когда таксист опустил свой флажок, Клинг взглянул на часы. Ровно одиннадцать минут первого.

— Вот жарища, а? — сказал таксист.

Клинг поморщился.

— Говорят, это на всю неделю, — продолжал таксист.

— Надеюсь, что это неправда, — ответил Клинг.

— На всю неделю, бля! Вы знаете, где сейчас моя жена и ребята? Они сейчас на пляже, вот где! А где сейчас я? А я, как проклятый, кручу эту баранку, чтоб ее черти съели!

— Ага, — сказал Клинг.

В воскресенье — особенно в августе, когда те, кто не в отпуске, находятся на пляже, как и жена таксис-га, — уличное движение почти замирает. Огаста ему сказала, что дорога от ресторана А-Вонга заняла полчаса: она вышла из ресторана в десять тридцать, а домой пришла в одиннадцать. Однако это было вечером в субботу, когда улицы забиты машинами. Значит, надо набавить еще минут десять-пятнадцать, учитывая вчерашнее количество народа и пробки на перекрестках.

Таксист высадил его у ресторанчика в двенадцать двадцать шесть по часам Клинга. Пятнадцать минут. Ладно, значит, вчера вечером Огаста действительно могла добираться до дома полчаса. С другой стороны, она в этом году наверняка по меньшей мере раз десять ездила в Чайнатаун на такси. Она знала, сколько времени занимает поездка, и не стала бы говорить, что доехала домой за десять минут, потому что это была бы явная чушь. Клинг расплатился с таксистом, дал ему на чай и направился к ресторану.

Ресторанчик «У А-Вонга» был зажат между китайской прачечной и зданием полицейского участка округа Чайнатаун. Это был один из старейших полицейских участков в городе. В этом году он должен был отметить свое столетие. Клингу захотелось зайти в участок, перекинуться парой слов с Фрэнком Райли. Они вместе учились в академии, а теперь Фрэнк служил детективом второго ранга. Он работал на третьем этаже старого здания. Но вместо этого Клинг немного постоял на тротуаре перед рестораном, осматривая улицу и пытаясь представить себе, как она выглядела накануне вечером, когда здесь была — говорила, что была, — Огаста.

Шелковые полотнища с китайскими надписями неподвижно свисали в свинцовом

воздухе, были натянуты через улицу и на стенах домов в обе ее стороны.

На улице было полно ресторанчиков, таких же, как «У А-Вонга». Ярко сияло солнце, и неоновые вывески были потушены. Вчера вечером улица, наверно, полыхала оранжевыми, голубыми и зелеными огнями. А теперь она была почти пуста, мусорные ящики на тротуарах набиты битком, и зеленые полиэтиленовые мешки стояли рядом с ними, точно пухлые часовые. К одному из чугунных столбиков крыльца ресторанчика был прикован цепочкой полицейский мотоцикл. Надо же, в этом городе даже копам приходится приковывать свои мотоциклы цепочкой, перед самым участком!

И тем не менее Чайнатаун был относительно спокойным районом, не то что район 87-го участка или другие с высокой преступностью. В него входили также Стрейтс-ов-Наполи — так называлась часть района, населенная итальянцами, — и полоса дешевых отельчиков и забегаловок, обычно именуемая Винным Погребом за обилие дешевой выпивки, а также несколько кварталов, населенных черными и латиноамериканцами, в частности, муниципальные дома губернатора Джеймса Л. Грейди, идущие вдоль реки Дикс, там, где Стем примыкает к Даллас-авеню. Большинство преступлений в этом районе совершали китайские молодежные банды. Подозревали, что многие из них связаны с содержателями игорных заведений в подвальчиках, где в основном процветала игра, именуемая маджонг. Владельцы игорных заведений, которым надоело, что их то и дело грабят заезжие гастролеры, несколько лет назад стали нанимать этих ребяток для охраны своих владений. Когда ребятки поняли, какие деньги крутятся на игорных столах, они начали требовать повысить им плату, угрожая в противном случае устроить погром. А из игорных притонов малолетние рэкетиры расползлись по ресторанам и лавкам и теперь держали в страхе всех честных торговцев.

Публичных домов как таковых в Чайнатауне не было. Не было там и «массажных кабинетов» — что довольно странно для города, где за последние десять лет они распространились, точно венерическая сыпь. Но в районе между Акведуком и Кленси было довольно много девиц, ловящих клиентов на улицах (правда, китаянок среди них — ни одной), и время от времени какому-нибудь сутенеру приходило в голову утвердить свою власть над одной из девиц, изрезав ей бритвой грудь или смазливую мордашку. Еще чаще случалось, что какой-нибудь фраер, забредший сюда в поисках дешевых развлечений, получал по голове и приходил в себя в темном проулке, воняющем мочой и прокисшим вином, ограбленный и избитый. Немало головной боли доставляла копам неутихающая вражда между доминиканцами и пуэрториканцами, живущими в районе Далласа, и, поскольку в пределах района, ближе к центру, на Хай-стрит, находились здания уголовного, гражданского, муниципального и городского судов, его поневоле посещало множество правонарушителей. Но в целом район был тихий.

Райли раньше работал в Риверхеде, в округе Марин-Тайгер, получившем это название в честь корабля, который, по легенде, привез сюда первую партию пуэрториканцев из Сан-Хуана. Так вот, Райли называл свою новую работу каникулами в деревне. Это несмотря на то, что в этом округе ежегодно совершалось около двадцати убийств, не считая всяческих ограблений, краж со взломом и крупных мошенничеств. Но Райли пришел сюда работать из округа, где жизнь копа, вышедшего на патрулирование в одиночку, не стоила и ломаного цента. В Чайнатауне редко стреляли в копов — не то что в Марин-Тайгер или в знаменитом округе Вейл-стрит. И уровень преступности здесь был ниже, чем в том же восемьдесят седьмом — правда, там население, слава Богу, еще не научилось стрелять в полисменов. Клинг подумал, что ему бы понравилось здесь работать — он любил китайскую кухню.

Берт вошел в ресторан, и навстречу ему хлынула волна экзотических ароматов. Клинг только теперь понял, как он голоден. Он уселся за столик у стены, заказал джин с тоником, жареных креветок, яичные рулеты, мясо на ребрышках, клецки. Потом, все еще не наевшись, заказал му-гу-гай и запил его бутылкой «Хайнекена». Когда официант вернулся к столу спросить его, будет ли он заказывать что-нибудь еще, Клинг подумал, не показать ли свою бляху перед тем, как начать его расспрашивать, но потом решил этого не делать.

— Все было очень вкусно, — сказал он. — Мне о вашем ресторане жена говорила — она тут была вечером с друзьями.

— Да? — улыбнулся официант.

— Их было довольно много. Человек двенадцать.

— А-а, мисс Мерсье и ее друзья! — кивнул официант.

Мисс Мерсье — это Бианка Мерсье, которая только в прошлом месяце появилась на обложке «Harper's Bazaar»: — черноволосая красавица с надменным взором Нефертити, сводившая с ума издателей модных журналов.

— Да-да, — сказал Клинг.

— Их нет двенадцать, — сказал официант. — Только десять.

— А по-моему, одиннадцать, — возразил Клинг.

— Нет, десять. Только один больсой стол, — сказал официант, указывая на круглый стол на другом конце зала. — Туда садится десять целовек. Вчера их было только десять, мисс Мерсье и ее друзья.

— А моя жена говорила, что одиннадцать, — стоял на своем Клинг.

— Нет, только десять. А которая васа жена?

— Рыжая, — сказал Клинг.

— Рызых нет, — сказал официант.

— Высокая, рыжая, — сказал Клинг. — В зеленом костюме.

— Рызых нет, — повторил официант, качая головой. — Только три леди. Мисс Мерсье, церные волосы, ессё другая леди, тозе церная, и ессё одна с зелтыми волосами. Рызых нет.

— Это вы их обслуживали? — спросил Клинг.

— Моя — А-Вонг! — ответил официант, гордо выпрямившись. — Мисс Мерсье — оцень холосая клиент, моя сама ее обслуживать вцера вецером.

— Это было около восьми, может быть, чуть раньше… — сказал Клинг.

— Заказ на восемь, — кивнул А-Вонг. — Десять целовек. Рызых нет.

— А во сколько они разошлись?

— Поздно.

— А когда именно?

— Когда покусать, сидеть и пить. Уходить в одиннадцать.

— В одиннадцать… — повторил Клинг. В одиннадцать Огаста была уже дома. — Ну ладно, спасибо. Было очень вкусно.

— Приходите ессё, — сказал А-Вонг.

Клинг заплатил по счету и ушел из ресторана. Мотоцикл уехал. Цепочка от него по-прежнему болталась на чугунном столбике, запертая на здоровенный замок. Клинг подумал, не съездить ли в жилые кварталы, в Квортер, чтобы разыскать Бианку Мерсье и спросить, была ли Огаста у нее на вечеринке. Потом решил, что не стоит. Была она там или нет — это неважно. Она ушла из дома в шесть ноль-ноль (по крайней мере, так говорилось в записке на холодильнике) и ушла оттуда предположительно в половине восьмого или чуть раньше («Я вышла от Бианки в семь часов двадцать две минуты четырнадцать секунд! Устраивает?»). Полтора часа — это мелочь по сравнению с тремя часами, во время которых она находилась неизвестно где. «Три часа!» — подумал Клинг. Огасте иногда хватало трех минут, чтобы кончить.

Он тяжело вздохнул и пошел к станции метро на Акведуке.

* * *

Шлюха, подцепившая Галлорана в баре вблизи Плей-хауз-сквер, дальше к окраине, сказала ему, что она из Миннесоты. На самом деле она была вовсе не из Миннесоты, она родилась в городе, в районе Калмз-Пойнт. Галлоран мог бы догадаться об этом в первую же минуту, по тому, как она обходилась с великим и могучим английским языком. Но Галлоран напился — впервые в жизни, — и история девицы прошла без сучка без задоринки. Она

начала говорить перспективным клиентам, что она из Миннесоты, с тех пор, как о проститутках из этого штата стали писать в газетах и говорить по телевизору. «Я из Миннесоты» означало, что ты — беспомощная жертва, попавшаяся в когти безжалостного негра-сутенера, что тебе приходится продавать себя против своей воли, а дома ты была чистой и невинной, пока большой город не развратил тебя. Мужикам нравится думать, что они трахаются с чем-то вроде девственницы, и шлюхи из Миннесоты с невинными мордашками пользовались в городе большой популярностью.

Ким — на самом деле ее звали Луиза Маршек — сделалась блондинкой в пятнадцать лет, когда сутенер — белый, между прочим, — взял ее под свое крылышко и вскружил ей голову обещаниями невообразимых богатств и блеска. Начал он с того, что купил ей трехдолларовую бутылку краски для волос. Это он посоветовал ей работать под именем Ким: «Ты здорово похожа на Ким Новак», — говорил он. Сделавшись блондинкой, она и впрямь поверила, что здорово похожа на Ким Новак — разве что бюст у нее поменьше. В последний год или около того, с тех пор, как она начала говорить клиентам, что она из Миннесоты, она стала обесцвечиваться еще и между ног, чтобы усилить впечатление деревенской невинности. Первое, что она сказала Галлорану, усевшись рядом с ним на табурет в баре, было:

— Привет! Меня зовут Ким. Я из Дулута в Миннесоте.

Она понятия не имела, где находится этот самый Дулут и даже сама Миннесота. Впрочем, Галлоран тоже. Так что в этом они были на равных.

Сидя рядом с ним, Ким думала о том, как его, наверно, должно возбуждать, что девушка, так похожая на Ким Новак, кладет ему ладонь на колено и спрашивает: «Не хочешь поразвлечься?» Галлоран начал пить в двенадцать, когда открылись бары. По воскресеньям питейные заведения открывались только в двенадцать, когда заканчивалась воскресная служба и прихожане выходили из церкви — и, естественно, шли прямиком в бар. К половине второго, когда к Галлорану подсела Ким, он успел выпить три порции виски с содовой и, по чести сказать, чувствовал себя не очень хорошо. Галлоран был ирландец, а принято считать, что все ирландцы — пьяницы, но дед Галлорана умер молодым от цирроза печени, и его отец за всю свою жизнь не взял в рот ни капли спиртного. Если бы отец узнал, что он выпил хотя бы кружку пива, он бы избил сына смертным боем. Поэтому сейчас Галлоран сознавал лишь, что девице, которая уселась рядом с ним и тянется к его паху, лет семнадцать, может быть, восемнадцать. И он был достаточно пьян, чтобы подумать, что она как две капли воды похожа на его жену, Джози, какой она была в том же возрасте, и на его дочку, Мойру, какой он увидел ее вчера, когда она послала его подальше. И он сказал девушке, сидящей на соседнем табурете:

— Зря ты так, Мойра…

— Так что, повеселимся, а? — шепнула она ему на ухо, подбираясь к его ширинке.

Галлоран двенадцать лет просидел в тюрьме и потому не понял бы смысла фразы, даже если бы был трезв — а он к тому же был пьян и плохо расслышал. Поэтому просто кивнул.

— О'кей? — уточнила она. — Пошли, да? Давай, расплачивайся за выпивку и пошли отсюда.

— Ага, — сказал Галлоран, снова кивнул, достал из бумажника десятидолларовую купюру и положил ее на стойку. Ким приметила, что в бумажнике у него толстая пачка баксов. То, что он в стельку пьян, она приметила еще раньше и решила, что, если сумеет верно разыграть свои карты, других клиентов ей сегодня ловить не понадобится. Трахнуться с ним по-быстрому, выгрести бабки — и привет, мистер, поливайте фикусы. На самом деле, не считая той десятки, в бумажнике было сто шестьдесят долларов — все, что осталось у Галлорана от двух сотен, которые ему удалось одолжить у старого приятеля — они когда-то вместе работали в телефонной компании. Это было еще до всех этих неприятностей, когда Галлоран был одним из лучших телефонистов в городе. Он слез с табурета, и девица взяла его под руку. И они вместе вышли из бара, где работал кондиционер, и окунулись в послеобеденный жар городской улицы.

К тому времени, как они дошли до отеля на одной из боковых улочек рядом с Ласситер, до Галлорана дошло, что эта девушка — не его дочь Мойра и не его жена Джози. Впрочем, Джози она и не могла быть — Джози ведь давно умерла, он сам убил ее топором двенадцать лет назад. Кроме того, до него дошло, что эта девушка — шлюха. Но он подумал: «Ну и что, черт возьми? Какая разница?» Он уже так давно не был с женщиной! В тюрьме вместо женщин были мальчишки. Берешь за глотку какого-нибудь зеленого лопуха, который только что попал за решетку, объясняешь ему, чего тебе надо, и он либо дает тебе, либо ты расписываешь его смазливую мордашку под орех. Если он настучит начальству, ловишь его где-нибудь в тихом уголке — в тюрьме таких уголков уйма, — и на этот раз его имеют уже вдесятером. И он твой с потрохами. Он ходит за тобой хвостом, бреет себе ноги, если тебе этого хочется, позволяет тебе рисовать ему сиськи на спине. В тюрьме такие порядки. Либо ты ешь, либо тебя едят. Не нравится — не воруй.

— Ты тут живешь? — спросил он.

— Не, просто комнату снимаю, — сказала Ким.

— И сколько это будет стоить? — спросил он.

— Поговорим об этом наверху, о'кей? — ответила она и подмигнула портье, который выдавал ей ключ.

Комната была на пятом этаже — зачуханная конурка, сильно смахивающая на камеру в Кастлвью. Кровать у стены, на единственном окне — пыльные перекошенные жалюзи, у противоположной стены — ободранный туалетный столик, дверь в сортир открыта, на унитазе — присохшая вчерашняя блевотина. Галлоран закрыл дверь сортира, потом подошел к окну, раздвинул жалюзи и посмотрел вниз, на улицу. Прохожие двигались как в замедленной съемке — в эту проклятую жарищу не хотелось делать резких движений. В комнате была духота. Он поднял жалюзи и распахнул окно. Когда он обернулся, девушка сидела на кровати.

— Как, ты сказала, тебя зовут?

— Ким.

— Ах да, конечно.

— А тебе что, не нравится? — улыбнулась она.

— Да нет, хорошее имя.

— Тебе не кажется, что я похожа на Ким Новак?

— Ну, вот теперь, когда ты об этом сказала…

Она была похожа на Ким Новак не больше, чем он сам.

— Говорят, я на нее здорово похожа.

— Ага, похожа. Так сколько это будет стоить?

— Как насчет пятидесяти?

— А как насчет вернуться обратно в бар?

— Сорок?

— Двадцать пять.

— О'кей, — сказала Ким. Она по-прежнему думала о деньгах, которые видела в его бумажнике. — Но только деньги вперед, ладно? В смысле, прежде, чем мы начнем. Так полагается.

— Да, конечно, — сказал Галлоран. Он достал из кармана бумажник и протянул ей две десятки и пятерку.

— Спасибо, — сказала она.

— Сколько тебе лет-то? — спросил он.

— Семнадцать. — Ей было двадцать два, она уже семь лет была шлюхой и с незапамятных времен сидела на героине. — Но мне говорили, что я выгляжу моложе своих лет.

— Да, в самом деле, — сказал Галлоран. Теперь, когда он начал трезветь, он думал, что она выглядит лет на двадцать восемь — двадцать девять.

— Ну что, давай? — спросила Ким.

— Давай сперва немного поболтаем, ладно?

— Конечно, — сказала она. — Как захочешь.

Она все еще думала о деньгах в бумажнике и о том, не удастся ли ей уболтать его послать за бутылкой. Если сунуть коридорному пару баксов, он найдет кого-нибудь, кто сбегает. Ей не нравилось, как быстро он трезвеет. Добраться до его бумажника ей удастся только в том случае, если он будет по-прежнему пьян в стельку.

— Может, пока мы будем болтать, послать кого-нибудь за бутылкой? — предложила она.

— Я не пью, — сказал Галлоран.

— Ха, — сказала Ким, — не пьет он!

— Серьезно.

— Ты не похож на непьющего, — вкрадчиво заметила она. — Такой мужчина… — и как бы невзначай стрельнула глазами в сторону его ширинки.

— Я сегодня вообще впервые в жизни попробовал крепкие напитки, — сказал Галлоран. — Сегодня. Впервые в жизни. Такое ощущение, что на тебя свалилась тонна кирпичей.

— Мужик, ты гонишь!

— Честно.

— Я вообще-то тоже не пью, — сказала Ким, решив пустить в ход образ невинной девственницы. — У нас в Миннесоте пьянство считается большим пороком…

— Ага, в Миннесоте… — сказал он.

— В Дулуте, — уточнила Ким.

— Это где это?

— В Миннесоте.

— Я впервые за двенадцать лет имею дело с женщиной, — сказал Галлоран.

— Да ну? О-о, тогда это, наверно, будет круто!

— Я за это время ни разу даже не говорил по-настоящему с женщиной.

— Это как это? Ты что, в море уходил?

— Нет, я…

— Или в монастыре жил? — спросила Ким и рассмеялась так, как, по ее мнению, должна была смеяться Ким Новак — грудным, низким, хрипловатым смехом.

— Я был в тюрьме.

— Да? — сказала она и пожала плечами. Половина ее знакомых хоть раз да побывали за решеткой. Даже ее прежний парень, тот, который говорил ей, что она похожа на Ким Новак, один раз отсидел два года за сутенерство.

— В Кастлвью, — продолжал Галлоран. — Знаешь Кастлвью?

— Слыхала. Слушай, может, все-таки послать за бутылкой? Коридорный…

— Нет. Я больше не хочу пить.

— А то бы посидели, расслабились, потрепались, выпили, все как тебе захочется, понимаешь?

— Чего мне не хочется, так это пить, — возразил Галлоран.

— Ну, как скажешь, — ответила Ким и с этого момента утратила к нему всякий интерес. Если напоить его снова не удастся, надо просто управиться с ним как можно быстрее, и все.

— Ну так что, давай? — спросила она. Теперь ее голос звучал куда более резко и по-деловому. Но Галлоран этого не заметил.

— Двенадцать лет я просидел в тюрьме, — сказал он. — Двенадцать долгих лет!

— Слушай, — сказала Ким, — если ты не против, мне хотелось бы…

— Вчера ходил к дочери, — продолжал он. — Ей теперь восемнадцать, и она замужем за ниггером. Я всего-навсего хотел повидаться с ней, понимаешь? Поговорить… — Он покачал головой. — А она мне сказала, чтоб я убирался. Прогнала меня взашей.

— Да, дети… — вздохнула Ким, надеясь, что этим все и кончится. — Ну что, мистер,

давайте, что ли? Потому что, видите ли, у меня…

— Ее я не виню, — сказал Галлоран.

Но и себя он не считал виноватым в том, что сделал двенадцать лет назад, когда узнал, что Джози спуталась с другим. Они долго грызлись в гостиной их дома на Мариен-стрит. Его маленькие сыновья спали в детской, а дочка, Мойра, — в соседней комнате. Они с Джози долго орали друг на друга, и наконец Джози крикнула, что да, это правда, она действительно встречается с другим мужчиной, что она любит другого, и сказала, с кем именно, она бросила это имя ему в лицо и разрыдалась…

— …У меня работа, понимаете?

— Чего? — переспросил Галлоран.

— Я говорю, у меня работа. Так что вы говорите? Начнем?

— Знаешь, за что я получил срок?

— Нет. За что? — сказала Ким и вздохнула.

— За убийство, — сказал Галлоран.

Она посмотрела на него.

— Я убил свою жену.

Она по-прежнему смотрела на него.

— Топором, — уточнил он.

Он держал топор на полочке у входной двери, над лестницей. Он хорошо помнил, как молча развернулся, открыл дверь, взял с полки топор, вернулся в гостиную и ударил Джози. Он ударил ее несколько раз, раскроил ей череп, изрубил лицо, он продолжал бить ее даже тогда, когда она была уже мертва, заливая кровью бледно-зеленый ковер на полу…

— Я был не виноват, — сказал он, оборачиваясь к девушке. Она по-прежнему сидела на кровати, глядя на него.

Ким молча рассматривала его, пытаясь понять, врет он или говорит правду. Мужики часто пытаются произвести впечатление, показать, вон, мол, какие они крутые, настоящие мужчины — тоже мне мужчины, бабу себе за бесплатно найти не могут! Этот был высокий, за шесть футов, и за двести фунтов весом, крупнее ее прежнего парня, широкоплечий, с мощными руками и огромными кулаками. Черноволосый, глаза темно-карие, крупный нос. Сейчас он хмурился, и густые брови были угрожающе сдвинуты. Мужиков Ким отродясь не боялась. За семь лет работы она никогда никого не боялась, даже настоящих психов — такие иногда попадаются, хотя лучше их отслеживать и отделываться от них заранее. Но сейчас, когда она вдруг ощутила себя наедине с человеком, который и в самом деле мог кого-то убить, ей сделалось страшно.

— Слушай, — сказала она, — давай забудем об этом, а? Ну, ты понимаешь, о чем я?

Он по-прежнему пялился на нее. Ким подумала, не стоит ли позвать на помощь. Удастся ли ей пробраться мимо него к столику, где она оставила свою сумочку? В сумочке у нее было лезвие опасной бритвы, которое она таскала с собой как раз на такой случай. Он, казалось, не сознавал, что не один в комнате. Смотрел на нее, но ее не видел.

— Понимаешь, я… я ведь на самом деле работаю, понимаешь? Я… — Ким облизнула губы. У нее начали дрожать руки. — Просто… понимаешь… мы ведь здесь уже довольно давно… Если… если тебе не хочется… ну… это самое… может, я тогда лучше верну тебе твои двадцать пять баксов, и разойдемся по-хорошему, потому как я…

— Да нет, оставь себе, — сказал он.

— Да не хочу я брать деньги за то, чего не делала…

— Оставь себе! — рявкнул он.

— Ну… ну тогда ладно, спасибо, но только мне как-то неловко брать деньги, когда я…

— Только уйди отсюда, ладно? Оставь меня в покое.

— Ну ладно, — сказала она, поспешно вскочила с постели и схватила со столика сумочку.

— Ты еще долго тут будешь? — спросила она. — Потому как портье предоставляет мне эту комнату на полчаса, понимаешь? Я плачу ему пятерку за полчаса. Так что если ты

просидишь здесь дольше…

— Ничего, все нормально, — сказал он.

— У тебя еще минут пятнадцать…

— Все нормально, — повторил он.

— Мне очень жаль, что у тебя так вышло с дочкой, — сказала она, отворяя дверь.

Он не ответил.

— Ну, пока, — сказала Ким и вышла, закрыв за собой дверь.

Галлоран подошел к кровати и сел на то же место, где сидела она, долго сидел неподвижно, потом лег на подушку, заложив руки за голову и глядя в потолок.

В тот вечер, когда он убил ее — не виноват он был! — он потом сел в машину и поехал в центр, искать того мужика, чье имя назвала ему Джози. Он нашел его у входа в неопрятный отель на Калвер-авеню, погнался за ним по улице с окровавленным топором в руке, наконец догнал, затащил в проулок и уже собирался сделать с ним то же, что только что сделал с Джози, когда у тротуара затормозила машина, и из нее выпрыгнул молодой парень в штатском, размахивающий пистолетом.

Он смотрел в потолок, и в глазах у него накипали слезы — жгучие слезы ярости, сожалений и ощущения потери, заставлявшие его чувствовать себя бессильным («Такой мужчина…» — и стрельнула глазами на его ширинку). Он смотрел в потолок и вспоминал, как этот сукин сын выскочил из машины, размахивая пистолетом. «Полиция! Стой, стрелять буду!» Как он глупо, заливаясь слезами, рассказывал ему обо всем, что произошло в доме на Марисн-стрит, то и дело повторяя: «Я не виноват! Не виноват я!» А полицейский, этот сукин сын, ответил ему: «Ну да, конечно, никто никогда не виноват, верно?» Эти слова звучали у него в ушах двенадцать долгих лет — «Ну да, конечно, никто никогда не виноват, верно?» Как будто мужчина должен не обращать внимания на то, что его жена трахается с другим, как будто это он виноват, а не…

«Сукин сын!» — думал он.

«Двенадцать лет тюрьмы!» — думал он.

Двенадцать лет он занимался любовью с мальчишками вместо Джози.

Сукин сын!

По лицу Галлорана текли слезы. Он стиснул кулаки. Теперь он знал, кто во всем виноват! Никто не виноват? Чушь собачья! Галлоран точно знал, кто именно виноват в том, что ему пришлось провести все эти годы в тюрьме, кто виноват, что его родная, единственная дочь так обошлась с ним вчера, кто виноват во всем этом («Никто никогда не виноват, верно?»).

«Детектив третьего ранга Бертрам Э. Клинг», — подумал он.

И угрюмо кивнул.

* * *

В то воскресенье напарником Кареллы был детектив третьего ранга Ричард Дженеро. Могло быть и хуже — Карелле могли навязать Энди Паркера. Дженеро после нескольких недель напряженных трудов наконец отказался от мысли научиться правильно писать слово «рецидивист». Это слово доставляло ему неимоверные мучения. Он делал в нем все мыслимые ошибки, так что, даже когда ему случалось написать это слово правильно, выходило это явно случайно и он сам этому удивлялся. Чаще всего он писал «рецедивист» или «рицидивист», но в целом использовал все возможные комбинации. В конце концов, отчаявшись, Дженеро стал писать в своих отчетах просто «рец.». Вскоре это сделалось общей практикой, и Дженеро обрел славу первооткрывателя.

Дженеро, словно курьер из универмага, никогда не расставался со своим портативным транзистором. Сейчас, когда он сидел за столом, печатая в трех экземплярах про своих «рецев», транзистор стоял на краю стола, извергая последние хиты рок-н-ролла. Лейтенант Бернс не раз сообщал ему, что здесь полицейский участок, а не танцплощадка («Это вам не

танцплощадка, Дженеро, мы здесь не на дискотеке!») и обещал Дженеро, что его переведут обратно в Беттаун патрульным полисменом, если он не избавится от этого «шумного предмета, не имеющего отношения к уставной экипировке». Но сегодня у лейтенанта Бернса был выходной, и приемник Дженеро, настроенный на волну той же радиостанции, которую слушали десятилетние близнецы Кареллы, орал на полную громкость. А Карелла набирал номер отеля «Беверли-Уилшир» в Лос-Анджелесе.

Разговаривавший с ним помощник менеджера был вежлив, любезен и предупредителен. В Лос-Анджелесе все старались быть вежливыми, любезными и предупредительными, так же как и лос-анджелесские копы. Карелла легко мог представить себе, как вооруженный грабитель и коп в униформе, встретившись в каком-нибудь каньоне, вежливо раскланиваются перед тем, как начать стрелять друг в друга.

— Мне нужны сведения о женщине, которая недавно останавливалась у вас, — сказал Карелла.

— Да, сэр?

— Ее имя — миссис Джереми Ньюмен, могла зарегистрироваться также как Энн Ньюмен. Согласно нашим сведениям, она должна была вселиться где-то около первого августа.

— Хорошо, сэр, — сказал помощник менеджера. — Подождите минутку, пожалуйста, я сейчас свяжусь с отделом предварительных заказов.

— Мне нужны еще кое-какие сведения, — сказал Карелла. — Давайте я скажу вам все сразу, чтобы не отнимать у вас лишнего времени.

— Конечно, сэр. Рады будем помочь.

— Я хотел бы знать, когда она вселилась — то есть мне нужно подтверждение, что это было первого августа, — и когда она выехала. И еще мне хотелось бы знать заказывала ли она какие-либо междугородные переговоры и, если да, по какому номеру она звонила, когда и сколько времени длились разговоры.

— По поводу звонков вам придется перезвонить в бухгалтерию, сэр, — сказал помощник менеджера. — Но сперва позвольте мне связаться с отделом заказов.

— Спасибо, — сказал Карелла.

В трубке раздался щелчок. Карелла от души понадеялся, что его не разъединили. На другом конце комнаты приемник Дженеро орал песню, в которой все время повторялись слова: «Если я тебя люблю, как же ты меня не любишь?» Почему бы Дженеро не обзавестись такими штучками, которые вставляются в уши? Надо будет ему сказать…

— Мистер Карелла? — послышался голос помощника менеджера.

— Да, я слушаю.

— Мне сообщили нужные вам сведения, сэр. Энн Ньюмен действительно зарегистрировалась первого августа и выписалась вечером в четверг, седьмого августа.

— Спасибо, — сказал Карелла. — Не могли бы вы соединить меня с кем-то, кто может знать о телефонных звонках?

— Им может потребоваться время, чтобы найти квитанции, — сказал помощник менеджера. — Быть может, лучше мы вам перезвоним?

— Да нет, спасибо, я подожду, — сказал Карелла.

— Ну хорошо. Много времени это не займет. Не вешайте трубку, ладно?

Снова раздался щелчок. Карелла ждал. Рок-певец по-прежнему желал знать, как же это вышло, что адресат его жалоб его не любит.

— Дженеро! — окликнул Карелла, перекрикивая шум.

— Чего? — отозвался Дженеро.

— Ты меня слышишь?

— Чего? — повторил Дженеро. Это был жилистый парень с курчавыми черными волосами и мощным неаполитанским носом. Он сидел, сгорбившись над своей машинкой и тыкая в клавиши указательными пальцами.

— Я говорю, ты меня слышишь? — заорал Карелла.

— Конечно, слышу! — ответил Дженеро. — Я ж не глухой! Извини, — добавил он тут же, вспомнив, что жена Кареллы глухонемая.
— Почему ты не купишь такие штучки для ушей? — спросил Карелла.
— Что за штучки для ушей?
— Ну, такие штучки, которые вставляются в уши. Чтобы ты мог слышать радио, а остальным его слушать не приходилось.
— Не, наушники не годятся! — сказал Дженеро. — Они звук искажают. А в этой комнате как раз очень хорошая акустика.
— А ты знаешь, что будет, если вдруг заявится лейтенант?
— Не, не заявится. Он на бейсболе, — ответил Дженеро.
— А ты откуда знаешь? — удивился Карелла. Возможно, Дженеро все же куда лучший детектив, чем он думал…
— Он мне говорил, что у него два билета на сегодняшний матч.
— Ну хоть потише сделай!
— Это испортит звук, — возразил Дженеро.
— Мистер Карелла? — послышался в трубке женский голос.
— Да, детектив Карелла слушает.
— Это бухгалтерия, — сказала женщина. — Мы нашли нужные вам квитанции. Продиктовать вам их?
— Да, говорите, пожалуйста, — сказал Карелла.
— На счет Энн Ньюмен за время ее пребывания в отеле записано четыре междугородних звонка. В тот день, когда она заселилась, то есть первого августа, она звонила в восемь часов вечера по телефону 765-38-11 в Айсоле. Разговор длился три минуты семнадцать секунд.
— Дальше, — сказал Карелла, кончив писать.
— Второй звонок был сделан днем в понедельник, четвертого августа, в четыре тридцать, по телефону 531-84-31, тоже в Айсоле. Разговор длился двадцать семь минут двенадцать секунд.
— Продолжайте, я слушаю.
— Во вторник вечером, пятого августа, она снова звонила по телефону 765 и так далее в девять двенадцать вечера, и разговор длился…
— То есть по телефону 765-38-11?
— Да. Разговор длился двенадцать минут семь секунд.
— И последний звонок?
— Седьмого августа, в пять вечера, по телефону 332-02-95, тоже в Айсоле.
— Это все по местному времени?
— Да, сэр, время калифорнийское.
— Спасибо большое, — сказал Карелла.
— Всего хорошего, — ответила женщина и повесила трубку.
— Дженеро, выключи радио! — рявкнул Карелла. — Мне еще в несколько мест позвонить надо!
— А почему бы тебе не завести такие маленькие штучки, которые вставляют в уши? — осведомился Дженеро. — Такие резиновые затычки, которые заглушают звук?
— Дженеро… — угрожающе начал Карелла.
— Итальянцам же положено любить музыку! — сказал Дженеро, но приемник вырубил.
Из трех номеров Карелле был знаком только один. Он звонил по нему вчера, перед тем как встретиться с Энн Ньюмен в квартире ее свекрови, где она сейчас жила. Тем не менее он все же проверил свою записную книжку и убедился, что номер 332-02-95 действительно принадлежит Сьюзен Ньюмен. Интересно, зачем Энн звонила ей в прошлый четверг, перед тем как вернуться из Калифорнии домой?
Телефон 765-38-11 — это, несомненно, домашний номер Энн. Она говорила Карелле,

что звонила мужу в пятницу вечером, когда приехала в отель, и во вторник. Отель «Беверли-Уилшир» это подтверждал — если, конечно, это был тот самый телефон. Карелла проверил справочник телефонов Айсолы и нашел мистера Джереми Р. Ньюмена на Сильвермайн-Овал — да, номер сходится.

Но последний телефон оставался загадкой.

Карелла снова просмотрел записи.

Она звонила в Айсолу по телефону 531-84-31 в понедельник, четвертого августа, днем, и говорила двадцать семь минут двенадцать секунд. Карелла подвинул к себе телефон и набрал 0, чтобы вызвать оператора. Когда ему ответили, он сказал:

— Детектив Карелла, восемьдесят седьмой участок. Мне нужна помощь в расследовании. Мой телефон 377-80-24, добавочный 4. Не могли бы вы попросить вашего начальника мне перезвонить?

— Минуточку, сэр, — ответила телефонистка.

Карелла повесил трубку. Надо будет еще позвонить миссис Ньюмен и спросить, о чем они с невесткой разговаривали вечером седьмого. Ему показалось странным, что последним человеком, которому позвонила Энн Ньюмен перед самым отъездом из Калифорнии, была ее свекровь. Она уже звонила домой пятого, чтобы сказать мужу, что вылетает седьмого, зачем же снова звонить на Восток? Тут зазвонил телефон. Карелла схватил трубку.

— Восемьдесят седьмой участок, Карелла!

— Да, детектив Карелла. Это Марджори Филипс из телефонной компании.

— Здравствуйте, мисс Филипс. Мне нужна справка.

У меня есть номер телефона, и мне хотелось бы знать имя и адрес владельца.

— Телефон местный?

— Да, где-то в Айсоле.

— Какой?

— 531-84-31.

— Подождите минутку, пожалуйста.

Карелла принялся ждать. Из трубки слышалась музыка. Если это не Дженеро, значит, кто-то в телефонной компании, черт бы их побрал. Какой-то поганый оркестр исполнял струнную аранжировку «Пенни Лейн», услышав которую, любой фанат рок-музыки умер бы на месте от возмущения.

— Мистер Карелла?

— Да, мисс Филипс.

— Я нашла этот номер. Карандаш у вас есть?

— Я держу его в руке.

— Этот телефон — 531-84-31 — принадлежит доктору Джеймсу Бролину, адрес — Айсола, Куртенэ-пласа, дом 493.

— Спасибо, — сказал Карелла. — Мисс Филипс, раз уж я вам позвонил, не могли бы вы помочь мне еще в одном деле?

— Да. В каком?

— Мне хотелось бы иметь список телефонных звонков, сделанных с номера…

— Извините, — сказала мисс Филипс, — для этого вам придется позвонить в канцелярию.

— Да, но сегодня воскресенье, и я…

— Они работают завтра с восьми утра.

— А вы ничем не могли бы мне помочь?

— Боюсь, что нет. У меня нет этих сведений. Извините.

— Ну ладно, все равно, спасибо вам, — сказал Карелла.

— Рада была помочь, — ответила мисс Филипс и повесила трубку.

«Доктор Джеймс Бролин…» — подумал Карелла и снова полез в записную книжку. После названия аптеки, где Энн Ньюмен купила секонал в капсулах, было записано имя врача, который выписал рецепт: доктор Джеймс Бролин. Карелла снова снял трубку и набрал

номер. К телефону подошла женщина.

— Доктора Бролина, пожалуйста, — сказал Карелла.

— Извините, а кто его спрашивает?

— Детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка.

— Минуточку, — сказала женщина. — Я погляжу, дома ли он.

В переводе на нормальный язык это означало, что доктор, разумеется, дома и она собирается узнать, хочет ли он говорить с детективом. Карелла ждал. Он слышал приглушенные голоса в телефонной трубке. Потом трубку снова взяли.

— Алло! — сказал мужской голос.

— Доктор Бролин? — спросил Карелла.

— Да.

— С вами говорит детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка. Я расследую предполагаемое самоубийство и хотел бы знать, не позволите ли вы задать вам несколько вопросов.

— Да, конечно.

— У вас найдется время?

— Вообще-то у нас гости…

— Это недолго.

— Ну хорошо, — сказал Бролин.

— Доктор Бролин, не вы ли тот врач, который выписал месячную дозу секонала в капсулах Энн Ньюмен?

— Я.

— Скажите, доктор, это обычное количество? В смысле, такая большая доза барбитурата?

— Миссис Ньюмен страдает бессонницей. Лечение секоналом является частью общего лечебного курса. В том, что я выписал такую дозу, ничего необычного нет.

— Она была у вас двадцать девятого июля, верно? Эта дата указана в рецепте…

— Это было во вторник? — уточнил Бролин.

— Да, сэр. Кажется, во вторник.

— Да, она была у меня в этот день. Она бывает у меня каждый вторник, среду и пятницу.

— Простите, сэр? — переспросил Карелла. — Каждый…

— Я психиатр, — пояснил Бролин.

— А-а, понятно, — кивнул Карелла.

— Да, — сказал Бролин.

— И вы лечите ее от бессонницы, не так ли?

— В том числе. Бессонница — это один из симптомов. Мне кажется, что я не обязан обсуждать в подробностях природу ее заболевания, мистер Карелла.

— Нет, конечно, — согласился Карелла. — Доктор Бролин, звонила ли вам миссис Ньюмен из Калифорнии в понедельник вечером?

— Звонила.

— Зачем?

— Она не смогла прийти ко мне в пятницу из-за поездки. Она ощутила приступ острой тревоги и хотела поговорить со мной.

— Доктор Бролин, не помните ли вы, сколько времени длилась ваша беседа?

— Минут двадцать. Может, полчаса. Боюсь, что точнее не помню.

— После этого она вам не звонила?

— Нет, не звонила.

— Значит, это был последний раз, когда вы разговаривали?

— Да. Ну, разумеется, мы увидимся с нею в этот вторник.

— Вы сказали, каждый вторник, среду и пятницу?

— Да.

— Доктор Бролин, знали ли вы мистера Ньюмена?

— Нет.

— Знаете ли вы, что в прошлую пятницу утром миссис Ньюмен, вернувшись домой из Калифорнии, нашла его мертвым?

— Знаю.

— А откуда вы узнали о его смерти, сэр?

— Мне сообщила миссис Ньюмен.

— Но мне казалось, что вы не разговаривали с ней после…

— Ах, простите, я думал, что вы имели в виду, не звонила ли она мне из Калифорнии. Она звонила мне вчера. Она была совершенно не в себе. Мы очень долго разговаривали по телефону.

— Понятно. Ну что ж, доктор, раз у вас гости, не стану вас задерживать. Спасибо, что уделили мне время.

— Тогда до свидания, — сказал Бролин и повесил трубку.

Дженеро стоял в другом конце комнаты, уперев руки в бока, и смотрел вниз, на улицу, сквозь металлическую решетку на распахнутом окне.

— Погляди-ка на эту парочку! — сказал он.

— Я занят, — ответил Карелла и снова снял трубку.

— Титьки вот посюда! — сказал Дженеро.

Карелла набрал номер Сьюзен Ньюмен. Она сняла трубку после третьего звонка.

— Алло?

— Миссис Ньюмен? Это детектив Карелла. Здравствуйте. Как поживаете?

— Мы только что вернулись с кладбища, — ответила миссис Ньюмен. — Принимая во внимание обстоятельства, в целом я в порядке.

— Быть может, я не вовремя?

— У нас люди, — сказала она. — Но это ничего. Что вы хотели?

— Миссис Ньюмен, насколько мне стало известно, ваша невестка звонила вам из Калифорнии в прошлый четверг вечером. Это верно?

— Да, звонила.

— Не могли бы вы мне сказать, о чем вы разговаривали?

— Н-ну… да, могла бы. Но зачем вам это?

— Это обычный сбор информации.

— Я не очень понимаю, что значит «обычный сбор информации».

— Есть некоторые вещи, которые мы обязаны проверить в случае любой насильственной смерти.

— Насильственной?

— Да, мэм. Такой, как убийство или самоубийство.

— Понимаю. Значит, вы все же подозреваете, что моего сына убили?

— Я ничего не подозреваю, миссис Ньюмен. Я просто собираю факты, чтобы иметь возможность сделать обоснованные выводы.

— А какое отношение звонок Энн может иметь к обоснованным выводам?

— Она говорила с мужем — вашим сыном — во вторник вечером. Насколько мне известно, после этого она с ним не разговаривала. Но в четверг, перед тем как вернуться домой, она звонила вам. Я хотел бы знать зачем.

— Вы подозреваете, что Энн имеет отношение к смерти Джерри?

— Нет, мэм, этого я не говорил.

— Тогда я не очень понимаю, зачем вы звоните, мистер Карелла.

Карелла посмотрел на часы на стене. Он говорил с ней уже минуты три, а она так и не сказала ему, зачем ее невестка звонила ей в четверг. В обычных обстоятельствах он мог бы только приветствовать подобную семейную солидарность. Но теперь… «Надо сказать ей о жаре в квартире! — подумал он. — О том, что есть что-то очень подозрительное в квартире, где выключен кондиционер, когда на улице жара за девяносто. Надо сказать ей, что да, черт

побери, я не исключаю возможности того, что это было убийство!»

— Миссис Ньюмен!

— Да?

— Вы не обязаны сообщать мне содержание вашей беседы с невесткой. Однако я надеялся…

— Энн не имеет никакого отношения к смерти моего сына!

— Откуда вы знаете?

— Зачем убивать человека, с которым ты собираешься разводиться?

— А она собиралась развестись с вашим сыном?

— Она именно затем и звонила мне в четверг вечером.

— Чтобы обсудить развод?

— Чтобы сказать мне, что она намерена просить о разводе, как только вернется из Калифорнии.

— Понятно. А ваш сын об этом знал?

— Нет.

— Она не говорила ему об этом, так?

— Она собиралась сказать ему, когда вернется. Она звонила, чтобы спросить моего совета.

— И что вы ей сказали?

— Я сказала, чтобы она подавала на развод. С тех пор, как мой муж покончил жизнь самоубийством, мой сын сделался никчемным пьяницей. Понимаете ли, я профессиональная сиделка, и мой сын звонил мне каждый раз, как сильно напьется, и просил, чтобы я приехала и посидела с ним. Я столько ночей просидела с ним, помогая ему гонять чертиков… ну, наверно, это был мой материнский долг. Но Энн… Я удивляюсь, что она терпела это так долго.

— А в каком настроении она была, когда позвонила вам?

— Взволнована, озабочена. Все время, пока мы разговаривали, она плакала.

— А к концу разговора?

— Она приняла решение. На следующее утро она собиралась сказать ему все. Полагаю, я придала ей мужества, чтобы решиться. Но потом, когда она приехала домой…

— Было уже поздно.

— Да, она нашла его мертвым.

— Но почему вы так не хотели говорить мне об этом, миссис Ньюмен?

— Просто потому, что это не ваше дело, мистер Карелла.

— Быть может, — сказал Карелла. — Спасибо вам. Я ценю вашу откровенность.

— Он покончил жизнь самоубийством, вот и все, — сказала миссис Ньюмен. И, поколебавшись, добавила: — Это у нас семейное, видите ли.

И повесила трубку.

Глава 5

В понедельник утром Карелла прежде всего позвонил в канцелярию телефонной компании. Он представился как детектив из 87-го участка и начал объяснять женщине на том конце провода, что ему нужно, когда она перебила его:

— С какого номера вы звоните, сэр?

— 377-80-24, — ответил Карелла. — Но…

— Это учреждение или квартира?

— Ни то, ни другое.

— То есть?

— Это полицейский участок.

— А значит, видимо, все-таки учреждение, — сказала она.

Карелла никогда не думал о своем участке как об учреждении, но, наверно, ей лучше

знать…

— Как бы то ни было, — сказал он, — мне нужно…

— Вам нужен счет?

— Нет, мэм, я собираю сведения в связи с полицейским расследованием.

— Так чего вы хотите, сэр?

— Мне нужен список звонков, сделанных с номера в Айсоле…

— С какого номера, сэр?

— Минутку, — сказал Карелла, заглянул в записную книжку, провел пальцем по странице. — 765-38-11. Номер принадлежит Джереми Р. Ньюмену, адрес — Сильвермайн-Овал, 74.

— Понятно, сэр. Так чего же вы хотите?

— Список звонков с этого номера, начиная с первого августа по восьмое включительно.

— Так, значит, вам все-таки нужен счет?

— Нет, я собираю сведения в связи с полицейским расследованием.

— Мы составляем списки звонков только с целью оплаты. И регистрируем только междугородные звонки. Внутригородские звонки…

— Да, хорошо, но как бы то ни было — не могли бы вы…

— Так, значит, вам нужен дубликат счета, так?

— Нет, мне нужен только список звонков, сделанных с номера…

— Так это и есть счет, сэр! Подождите минутку, сейчас я достану папку.

Он подождал.

— Алло? — сказала женщина.

— Да, я слушаю.

— Сэр, счет на этот номер будет выслан только семнадцатого.

— Да мне не нужен счет! — сказал Карелла. — Мне нужен только список звонков, сделанных…

— Ну да, сэр, все это будет в счете.

— Этот счет сейчас перед вами?

— Нет, сэр. Счет будет выслан только семнадцатого. Его подготовят к четырнадцатому, и в нем будет список всех звонков, сделанных до этой даты включительно.

— Сегодня одиннадцатое, — сказал Карелла.

— Одиннадцатое, сэр.

— Я не могу ждать до четырнадцатого, — сказал Карелла. — Мне нужен…

— До семнадцатого, сэр. Счет будет выслан мистеру Ньюмену только семнадцатого.

— Мистер Ньюмен…

— А почему бы вам просто не узнать у него самого, когда он получит счет?

— Он не получит счета! — воскликнул Карелла. — Он умер!

— Ну, сэр, тогда я даже не знаю, чем я могу вам помочь.

— Вы можете соединить меня со своим начальством, — сказал Карелла.

— Хорошо, сэр. Подождите, пожалуйста.

Карелла подождал.

— Доброе утро! Мисс Шульц слушает! — раздался веселый голос.

— Доброе утро. С вами говорит детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка, здесь, в Айсоле. Я только что имел весьма неудовлетворительную беседу с…

— О сэр, извините, пожалуйста!

— Мне нужен список звонков, сделанных с номера 765-38-11 с первого по восьмое августа включительно, и мне только что сказали…

— Да, мисс Корнинг мне говорила, — сказала мисс Шульц. — Счет на этот номер придет семнадцатого.

— Я понимаю. Но это полицейское расследование, время не терпит, и мне нужно получить копию этого списка как можно быстрее.

— Угу, — сказала мисс Шульц.

— Поэтому, если вы не возражаете, пусть кто-нибудь сделает мне ксерокопию, а я немного погодя его заберу…

— Боюсь, выдавать копии счетов кому-то, кроме владельца номера, не положено, сэр.

— Я полицейский, — возразил Карелла.

— Я понимаю, сэр. Но, видите ли, тайны частного лица…

— Этого частного лица нет в живых! — не выдержал Карелла. — Послушайте, в чем дело? Это самая элементарная просьба, а вы мне мотаете нервы, как…

— Прошу прощения, сэр, если вам кажется, что мы мотаем вам нервы…

— Мне не кажется, а так оно и есть! Так когда я могу забрать этот список? Или мне, черт побери, придется ради этого выписывать ордер?

— Не ругайтесь, сэр, — сказала мисс Шульц.

— Так когда можно его забрать?

— Минутку, пожалуйста, — сказала мисс Шульц.

Карелла снова принялся ждать. Он думал о том, что в один прекрасный день народ Соединенных Штатов объявит войну телефонным компаниям. И танки загрохочут по улицам, ведущим к телефонным узлам, и…

— Мистер Карелла!

— Да?

— Я могу выслать вам его завтра днем.

— Нет, — терпеливо сказал Карелла. — Не надо мне его высылать. Я пришлю за ним курьера.

— Но мне сказали отправить его по почте, сэр.

— Кто это вам сказал?

— Мой начальник, сэр.

— Ну, так скажите вашему начальнику, что не надо посылать его по почте, скажите вашему начальнику, что я пришлю патрульного полицейского в вашу контору — где она находится? Дайте мне адрес!

— Сэр…

— Дайте мне адрес, черт возьми!

— Пожалуйста, не ругайтесь, сэр!

— Какой у вас адрес?!

— Бенедикт, 384.

— Бенедикт, 384, — повторил Карелла. — Хорошо. Патрульный будет у вас ровно в два, мисс Шульц, и он спросит вас лично, и я надеюсь, что он получит список этих звонков и распишется в получении, потому что в противном случае я пойду в магистрат и потребую ордер на…

— Минуточку! — сказала мисс Шульц.

Карелла снова принялся ждать.

Ждать пришлось довольно долго.

— Алло! — сказала мисс Шульц.

— Да, я слушаю.

— Нам нужен письменный запрос, — сказала мисс Шульц.

— Хорошо, забудем об этом. Я сам, лично съезжу в центр, возьму этот треклятый ордер…

— Ну пожалуйста, сэр, не надо ругаться! — сказала мисс Шульц. — Если вас не затруднит прислать человека с письменным запросом, список этих звонков будет подготовлен к завтрашнему утру. Простите, что не могу сделать этого раньше, но у нас все это на компьютере, сэр, а это значит…

— Завтрашнее утро меня устраивает, — перебил Карелла.

— Но ваш письменный запрос понадобится нам сегодня.

— Патрульный завезет его и передаст из рук в руки.

— Спасибо, сэр, — сказала мисс Шульц. — Всего хорошего.

Когда десять минут спустя позвонили из бюро по найму автомашин, Карелла ожидал новых проволочек. В этом городе простейший запрос влечет за собой такую бюрократическую волокиту, что просто невозможно работать! Но женщина из бюро, которая с ним разговаривала, сказала, что они проверили своих таксистов, подняли списки вызовов за первое августа, когда Энн Ньюмен должна была улететь в Лос-Анджелес, и за восьмое, когда она вернулась. И действительно, в списках за первое августа обнаружился вызов к 8.45 на Сильвермайн-Овал, 74, пассажиру нужно было ехать в международный аэропорт, а восьмого августа — вызов в аэропорт к 7.30, пассажира довезли до Сильвермайн-Овал, 74.

Удостовериться в том, что этим пассажиром была действительно Энн Ньюмен, не представлялось возможным, но, принимая во внимание то, что это подтверждалось обстоятельствами, выясненными Дженеро (он обзвонил три аэрокомпании, самолеты которых летали в Лос-Анджелес, и наконец в четвертой выяснил, что в их списках действительно значится Энн Ньюмен, которая прилетела в Лос-Анджелес и улетела оттуда в указанные числа), в то время, когда умер ее муж, она, видимо, действительно была в Калифорнии. Невзирая на невыясненные обстоятельства с кондиционером — а может, Клинг все-таки прав, и дело в том, что Ньюмен был мертвецки пьян, когда проглотил эти капсулы, — Карелла собирался закрыть это дело как доказанное самоубийство.

Приемник на столе Дженеро молчал — но это только потому, что лейтенант Бернс вернулся на работу и сидел у себя в кабинете. К тому же сейчас, в понедельник, в помещении сидели еще четверо детективов, которые планировали рейд на притон на Калвер-авеню. С января этого года, согласно прямому распоряжению самого комиссара, копы 87-го участка (как и всех прочих участков в городе) с удвоенной энергией принялись отлавливать торговцев наркотиками. Притон на Калвер находился под наблюдением с конца февраля. Было давно установлено, что в доме 1124 по Калвер бывают ширялы всех мастей. На улице напротив дома копы поставили фургон, замаскированный под хлебный, и засняли практически всех известных наркоманов округа. Разогнать эту лавочку было бы проще простого. Подняться на четвертый этаж, повязать ширял и мелкого торговца, продающего одноразовые порции, и отвезти всех в суд, где они получат смешные сроки — копы были уверены, что большого количества наркотиков у них не будет.

Но по крайней мере раз в месяц поток ширял внезапно иссякал. Притон, похоже, закрывался. По крайней мере, так считали копы — до тех пор, пока не обнаружили по фотографиям, что в те дни, когда посещения ширял прекращаются, в дом заходят иностранцы французского происхождения. И копы заподозрили, что в эти дни в притоне огромные партии героина или кокаина обмениваются на толстые пачки долларов. На самом деле этот притон служил прикрытием для гораздо более крупных сделок. Гангстеры, видимо, рассчитывали, что копы не станут особенно интересоваться копеечными сделками, и надеялись, что крупные партии пройдут незамеченными среди ежедневной розничной торговли. Лейтенант Бернс решительно не мог поверить, что дешевый притон, работающий почти в открытую, может служить ширмой для многомиллионных операций. Но детектив Мейер Мейер — которому было поручено наблюдение и организация операции, — полагал, что гангстеры позаимствовали идею у ЦРУ. Мейер говорил, что ни одно профессиональное разведывательное управление не может быть таким тупым, как ЦРУ, и что ЦРУ явно служит прикрытием для настоящего разведывательного управления Соединенных Штатов.

Точно так же и гангстеры, покупающие наркотики у своих галльских собратьев, должно быть, решили, что мелкой невинной лавочке позволят процветать безнаказанно, поскольку копы ловят рыбку покрупнее. Но теперь копы были твердо убеждены, что крупная рыбка ловится на четвертом этаже дома 1124 по Калвер-авеню ежемесячно, раз в месяц. И рейд был назначен на ночь среды, тринадцатое августа. Детективы как раз разрабатывали планы, когда по железным ступенькам, ведущим на третий этаж здания полицейского участка, поднялась женщина и остановилась у решетчатого барьера, отгораживавшего помещение детективов от коридора.

— Чем могу помочь? — спросил у нее Карелла.

Женщине было, наверно, лет под сорок. Одета она была по-летнему, вся в белом: белое платье, белые босоножки на высоких каблуках, белая кожаная сумка через плечо и белая гвоздика в черных, как вороново крыло, волосах. Высокая, с великолепным загаром, угольно-черные глаза на остроносом средиземноморском лице, которое могло бы принадлежать испанке или итальянке, роскошные губы, в уголке рта — родинка.

— Мне нужен полисмен, расследующий убийство Джереми Ньюмена, — сказала женщина. Говорила она с отчетливым акцентом, но с каким именно — Карелла никак не мог определить. Она держалась спокойно и невозмутимо, словно приход в полицейский участок не вызывал в ней тревоги, которую испытывает здесь большинство людей, виновных или невиновных.

— Детектив Карелла, — представился он. — Это дело веду я.

— Можно войти? — осведомилась она.

— Да, пожалуйста, — сказал Карелла, встал, обошел зеленые шкафы с папками и открыл перед ней дверцу в барьере. Дженеро, сидевший на противоположном конце комнаты, поднял голову от своей пишущей машинки и оглядел женщину с головы до ног, особенно пристально рассмотрев последние. Теперь и Карелла заметил, что ноги у нее очень стройные. Женщина уселась на стул рядом со столом Кареллы, закинув ногу на ногу, и Дженеро невольно присвистнул. Женщина как будто и не услышала. Мейер, сидевший за своим столом в кругу детективов, которые внимательно слушали разработанный им план операции, поднял голову и грозно посмотрел на Дженеро. Тот пожал плечами и снова принялся печатать.

— Я Джессика Герцог, — сказала женщина. — Я когда-то была замужем за Джереми.

— Здравствуйте, — сказал Карелла и умолк, выжидая продолжения. Джессика окинула взглядом комнату, словно желая оценить обстановку перед тем, как сказать что-то еще. Дженеро снова оторвался от своей пишущей машинки. На этот раз он уставился на ее грудь, видневшуюся в глубоком вырезе белого платья, полную и крепкую. Через секунду он потянулся за ластиком.

— Мне позвонил брат в субботу, — сказала Джессика. — Сказал, что завтра похороны. Думал, может, я захочу прийти. Но я, естественно, не могла там появиться. Мы ведь уже скоро шестнадцать лет как разведены. При всем моем уважении, это было невозможно.

— Почему, мисс Герцог?

— Ну как же, из-за Энн, разве вы не понимаете?

— Боюсь, что нет.

— Это ведь из-за Энн он меня тогда бросил. Я подумала, что может выйти неловко, понимаете? Прийти на похороны вместе с его нынешней женой?

— Да, кажется, теперь я понимаю…

— Поэтому я сказала, что не смогу прийти. Надеюсь, Мартин меня понял.

— Мартин?

— Ну да, мой брат. Это ведь он познакомил меня с Джереми, когда я только что приехала сюда.

— Простите, мисс Герцог, но откуда, собственно, вы приехали?

— Из Израиля.

— А-а!

— У меня до сих пор ужасный акцент, я знаю.

— Да нет, что вы! — сказал Карелла.

— Нет, я знаю, так что не обманывайте, пожалуйста. Я здесь уже девятнадцать лет и до сих пор не научилась как следует говорить по-английски. Я приехала сюда продавать израильские облигации — я тогда была капитаном израильской армии, — пояснила она, и Карелла вспомнил, как она только что оглядела комнату — словно оценивала позицию. — Ну, это было давно, мне тогда было только двадцать два. Я осталась жить тут, но время от времени езжу в Тель-Авив. У меня там мать. Но все мои друзья теперь тут, и брат, конечно,

тоже. Мне было бы трудно вернуться туда насовсем.

— Так вы говорите, с мистером Ньюменом вас познакомил брат?

— Да. Мы полюбили друг друга и поженились. А через два года он встретился с Энн и попросил меня о разводе. Бывает, знаете ли.

— Бывает, — согласился Карелла. Зачем же она все-таки пришла? Он ждал.

— Брат мне сказал, что Джереми умер от снотворного. От того, что принял смертельную дозу снотворного.

— Да, это было установлено при вскрытии.

— Да, но этого же не могло быть, понимаете?

— Не могло? Почему?

— Ну, понимаете, я была за ним замужем всего два года, но когда живешь с человеком, то узнаешь его очень близко, и я вам говорю, что Джереми не мог бы принять даже одной таблетки снотворного, не то что такую огромную дозу, какую он якобы принял.

— Двадцать девять, — сказал Карелла.

— Не может быть, — сказала Джессика. — Только не Джереми.

— Не понимаю.

— Видите ли, он дико боялся лекарств. Это у него с тех пор, как он был подростком. Доктор прописал ему таблетки стрептомицина, а у него оказалась жуткая аллергия, и он едва не умер. Поверьте мне, Джереми не смог бы добровольно проглотить какие бы то ни было таблетки. Я знаю. Я жила с ним. Можете мне поверить, он даже аспирин не принимал. Он готов был скорее промучиться целую ночь, чем проглотить таблетку аспирина. Он говорил, что его стошнит. Как же мог человек, который так боялся таблеток, принять смертельную дозу лекарства?

— Но ведь это безболезненная смерть, мисс Герцог. Отравление барбитуратом…

— Только не для Джереми! Только не таблетки. Для него это не было бы безболезненным. Он бы раньше умер от страха.

— Понятно, — сказал Карелла.

— Я как раз на прошлой неделе говорила с Джонатаном, — продолжала она, — о том, как его брат боялся таблеток. Мы еще смеялись над этим, когда я была за ним замужем, — над тем, как Джереми бледнел, стоило только упомянуть при нем о каком-нибудь лекарстве. Конечно, его брат Джонатан об этом помнил. На самом деле, удивительно, что он сам к вам не пришел. Он у вас был?

— Нет, не был.

— Странно.

— Ну, он ведь живет в Сан-Франциско…

— Да, конечно, но сейчас-то он здесь.

— Что вы имеете в виду?

— Джонатан здесь.

— Вы хотите сказать, что он в городе?

— Да, конечно.

— То есть он приехал на похороны?

— Да нет, до похорон. Он здесь уже почти две недели.

Карелла посмотрел на нее.

— А я думала, вы поняли, когда я сказала, что говорила с ним.

— Я думал, вы говорили по телефону.

— Нет, он здесь. Он позвонил мне, когда приехал, и мы один раз пообедали вместе. Джонатан очень приятный человек.

— Странно, что его мать нам не сказала…

— Ну, у нее столько забот! Похороны, понимаете ли…

— Да. А вы не знаете, где он остановился?

— В «Пирпойнте». Знаете этот отель?

— Знаю.

— В центре, недалеко от Фарли-сквер.

— Да, я знаю.

— Вам бы стоило съездить к нему, прежде чем он уедет, — сказала Джессика. — Он вам расскажет, как Джереми относился к лекарствам. Он вам скажет, что Джереми не мог принять эти таблетки. Просто не мог! — сказала она, энергично мотнув головой.

* * *

Клингу следовало бы понять, что его брак обречен, с той минуты, как он принялся выслеживать свою жену.

Карелла мог бы сказать ему, что в любом браке есть границы, переступать которые нельзя. Стоит перешагнуть эту невидимую черту, сказать или сделать что-то, чего уже не вернешь — и семье конец. В любой нормальной семье случаются споры и даже ссоры — но, если хочешь сохранить семью, надо драться честно. А как только начнешь бить ниже пояса — все, можно идти к адвокату и оформлять развод. Вот почему Карелла просил его непременно поговорить с Огастой.

А Клинг вместо этого решил самостоятельно разузнать, не встречается ли она с другим мужчиной. Он принял это решение после жаркой бессонной ночи, душным утром одиннадцатого августа, когда они с Огастой сидели за завтраком. Он принял его за десять минут до того, как она отправилась на первую съемку этой недели.

Клинг был копом. И, естественно, первое, что ему пришло в голову, — это выследить подозреваемую. Пока Огаста лихорадочно поглядывала на часы, а Клинг в разгар утреннего часа «пик» ловил такси, он сказал ей, что у него кое-какие дела в офисе и его, вероятно, целый день не будет дома. У Клинга был выходной, но она ему поверила: он и раньше довольно часто сидел в участке даже по выходным. В конце концов ему удалось остановить такси. Когда машина затормозила у тротуара, Клинг распахнул перед женой заднюю дверцу.

— Куда тебе надо, солнышко? — спросил он.

— «Фотоателье Рейнджера», Гедкуп, 1201.

— Вы слышали? — спросил Клинг у таксиста через открытое окно.

— Слышал, — ответил тот.

Огаста послала Клингу воздушный поцелуй, и такси отъехало от тротуара, влившись в поток машин, несущихся в центр. Чтобы поймать другое такси, Клингу потребовалось минут десять. Впрочем, он не торопился. Вчера, еще только обдумывая и пережевывая свое решение, он успел проверить календарь Огасты, пока она принимала ванну перед сном. На утро в нем значилось две встречи: одна в «Фотоателье Рейнджера» в девять, другая в «Студии Куперсмита» в одиннадцать. Следующая встреча была назначена на два часа дня в «Последнем писке». Рядом с этой записью было вписано — «Катлер — если успею». «Катлер» — это было агентство, на которое она работала.

Гедкуп-авеню была расположена в самой старой части города. Ее узкие улочки и дома с черепичными крышами, выходящие на набережную, восходили к тем временам, когда здесь еще распоряжались голландцы. Этот район был расположен бок о бок с муниципальными зданиями и судами округа Чайнатаун, но, несмотря на такое соседство, он не имел никакого отношения ни к административной, ни к судебной деятельности. Гедкуп-авеню лежала в сердце деловой части города. Это был район небоскребов двадцатого века, разбавленных и смягченных старинными голландскими складами и причалами и более поздними английскими церквами и кладбищами. Там и сям в мансардах на узких боковых улочках располагались мастерские художников и ателье фотографов, которым не нашлось места в Квортере и вошедшем в моду позднее районе «Хопскотч», который назывался так потому, что первая открывшая в нем картинная галерея находилась на Хоппер-стрит и выходила на Скотч-Мидоус-парк. Клинг попросил таксиста высадить его у дома 1201 по Гедкуп, перешел улицу, огляделся в поисках телефона-автомата, потом зашел в табачную лавку на углу Гедкуп и Филдс и нашел в справочнике телефон «Фотоателье Рейнджера». Он

позвонил в фотоателье из телефонной будки рядом с журнальным прилавком.

— Рейнджер слушает! — ответил мужской голос.

— Извините, можно поговорить с Огастой Блер? — спросил Клинг. Его коробило каждый раз, как ему приходилось называть ее девичьей фамилией, хотя он понимал, что это профессиональная необходимость.

— Минуточку! — ответил мужчина.

Клинг подождал.

Когда Огаста взяла трубку, он сказал:

— Гасси, привет! Извини, что я тебя беспокою…

— Ничего, мы еще не начали, — сказала она. — Я только что приехала. В чем дело, Берт?

— Я хотел тебе напомнить, что сегодня вечером мы обедаем с Манером и Сарой.

— Да, я знаю.

— Ну, тогда все нормально.

— Мы же говорили об этом за завтраком, — напомнила она. — Ты что, забыл?

— Верно, верно. Все нормально. Они придут к семи на коктейль.

— Да-да, — сказала Огаста. — У меня в блокноте записано. Ты где сейчас?

— Я только что сюда приехал. Тебя устроит этот новый итальянский ресторанчик на Трафальгар?

— Да, конечно. Берт, мне пора. Мне уже машут.

— Я закажу столик, — сказал он. — В восемь вечера нормально будет?

— Да-да, конечно. Пока, дорогой. Потом поговорим.

В трубке раздался щелчок. «Ладно, — подумал Клинг. — Огаста там, где и должна быть». Он повесил трубку и снова вышел на улицу. На часах было всего девять двадцать семь, но солнце палило нещадно. Он снова перешел через улицу к дому 1201, зашел внутрь и проверил, нет ли тут черного хода. Нет. Только большие медные двери, через которые он вошел и через которые придется пройти Огасте, когда она будет уходить. Он снова посмотрел на часы, потом опять пересек улицу и занял наблюдательный пост.

Она вышла из здания только без четверти одиннадцать.

За пять минут до того Клинг поймал такси, показал свою бляху и сказал таксисту, что он на службе и что через несколько минут он попросит его сопровождать машину с подозреваемым. Он рассчитывал, что Огаста выйдет самое позднее через двадцать минут, чтобы ехать на следующую встречу через весь город, в жилые кварталы. Правда, в ее расписании следующая встреча была назначена на одиннадцать ноль-ноль, но она, конечно, опоздает. Таксист уже пять минут как опустил свой флажок. Теперь он сидел, ковыряясь в зубах, и читал спортивную газету. Когда Огаста вышла из здания, в трех футах от нее затормозило другое такси. Она вскинула руку, крикнула: «Такси!» и бросилась к машине, размахивая сумочкой.

— Вот она! — сказал Клинг. — Садится в такси на той стороне улицы.

— Хорошенькая, — заметил таксист.

— Угу, — сказал Клинг.

— А что она натворила-то?

— Быть может, и ничего.

— Так из-за чего шум подымать? — пожал плечами таксист, завел мотор и развернулся под самым знаком «Разворот запрещен», полагая, что раз он везет копа, то ему законы не писаны.

— Только не вплотную, — предупредил Клинг. — Но не теряйте ее из виду.

— Это вы что же, всегда так делаете? — поинтересовался таксист.

— Что именно?

— Ну, на такси ездите, когда вам надо кого-то поймать?

— Иногда да.

— А кто ж за это платит-то?

— У нас есть специальный фонд.

— А, ну да, конечно! А на самом деле за все платит налогоплательщик, вот как!

— Только не потеряйте ее, ладно? — попросил Клинг.

— Отродясь никого не терял, — ответил таксист. — Вы что думаете, вы первый коп, который вскакивает ко мне в машину и велит за кем-то гнаться? И знаете, за что я терпеть не могу таких вот копов? За то, что они вечно катаются за бесплатно! Выскакивают из машины в погоне за преступником и даже по счетчику не платят, не то чтоб на чай дать!

— Я заплачу, не волнуйтесь.

— Ну да, конечно, денежки-то несчитанные, верно?

— Прибавьте, пожалуйста, скорость, — попросил Клинг.

От этой мелодраматической погони (Клинг невольно все время думал об этом как о мелодраме) было бы, наверно, больше проку, если бы такси не привезло Огасту прямехонько к дому 21 на Линкольн-стрит, где находилась «Студия Куперсмита», — это Клинг тоже выяснил вчера вечером, пока Огаста нежилась в ванне. Клингу, конечно, больше всего хотелось убедиться, что его жена ни в чем не повинна. Он напомнил себе, что человек считается невиновным до тех пор, пока вина не доказана — это основной принцип американского уголовного законодательства. Однако в то же время какая-то извращенная часть его души жаждала столкновения с ее неведомым любовником. Если бы такси отвезло ее куда-то в другое место, ее искусная ложь оказалась бы разоблачена. Вписать в календарь съемку в «Студии Куперсмита», а вместо этого отправиться в более фешенебельную часть города, на свидание с каким-нибудь высоким смазливым ублюдком. Но нет, она приехала сюда, на Линкольн-стрит, 21, вышла из такси, сунула в открытое окно пачку купюр и бросилась к стеклянной двери, украшенной парой широких косых полос, одна синяя, другая красная, над которыми красовались огромные скошенные цифры «21». Клинг заплатил таксисту и дал пятьдесят центов на чай.

— Ну на-адо же! — протянул таксист и сунул деньги в карман.

Клинг прошел мимо дома и заглянул внутрь сквозь стеклянную дверь. В маленьком вестибюле ее уже не было. Он распахнул дверь и быстро подошел к единственному лифту, расположенному в глубине вестибюля. Стрелка указателя медленно ползла вверх. Пятый, шестой, седьмой — она остановилась на восьмом этаже. На стене рядом с входной дверью Клинг нашел список владельцев. На восьмом этаже была расположена «Студия Куперсмита». Не стоит звонить ей снова с этой затертой байкой насчет обеда. Она действительно там, где должна быть.

Ждать пришлось недолго. Огаста вышла из здания вскоре после двенадцати и направилась прямиком к пластмассовой телефонной будке на углу. Клинг следил за ней из подъезда на противоположной стороне улицы. Она порылась в сумочке, выудила монету. Уж не к нему ли в участок она звонит? Клинг продолжал следить за ней. Говорила она довольно долго. Наконец повесила трубку, но из будки не вышла. Клинг озадаченно следил за ней, потом сообразил, что у нее кончились монеты и она попросила своего собеседника перезвонить ей в автомат. Телефонного звонка Клинг не слышал — все заглушал шум уличного движения. Но он видел, как Огаста схватила трубку и снова заговорила. На этот раз она разговаривала еще дольше. Клинг видел, как она кивнула. Потом кивнула еще раз и повесила трубку. Она улыбалась. Клинг думал, что она будет ловить такси, но вместо этого Огаста пошла в сторону центра. Клинг не сразу понял, что она направляется к станции подземки на следующем углу. Он невольно подумал: «Господи, Гасси, ты что, с ума сошла — ездить в подземке в этом городе?» Потом ускорил шаг и принялся спускаться по ступенькам следом за ней. Он увидел ее у кассы. К платформе подходил поезд. Клинг показал контролеру в кабинке свою бляху и протиснулся через проход слева от турникетов в тот самый момент, как Огаста вошла в вагон.

Кто-то ему говорил, что один знаменитый американский писатель считает граффити особой формой искусства. Наверно, знаменитому писателю никогда не приходилось ездить в метро. Вагоны снаружи и изнутри были сплошь расписаны идиотскими надписями,

сделанными с помощью специальных баллончиков с краской. Надписи покрывали и таблички, сообщавшие, откуда и куда идет поезд, и схемы линий, и рекламные плакаты, и окна, и стены, и даже многие сиденья. Содержание надписей составляли в основном имена владельцев баллончиков с краской (может, потому знаменитый писатель и счел их искусством?), названия улиц, где они проживают, и иногда еще названия «клубов», к которым они имеют честь принадлежать. Граффити напоминали о том, что за воротами обитают дикари, и что многие стены уже пали, и по улицам разгуливают злые павианы. Граффити служили оскорблением и уведомлением: мы не любим этот ваш город, это не наш город, нам на него насрать! Клинг стоял в конце вагона, загнанный в движущуюся клетку со стальными стенами, окруженный кричащими красками, повернувшись спиной к Огасте, молясь, чтобы она не признала его, если вдруг случайно обернется в его сторону.

Во время обычной слежки в подземке в преследовании участвуют двое детективов. Каждый из них садится в вагон, соседний с тем, в котором едет подозреваемый, и встает у застекленной двери, ведущей из вагона в вагон. Все как в детективных романах. В последние годы увидеть что-то сквозь эти застекленные двери сделалось не так-то просто, потому что они сплошь расписаны. Нужно было вглядываться сквозь надписи и присматривать за подозреваемым, обложенным с обеих сторон, чтобы быть готовым выйти вслед за ним. Но сейчас, как ни странно, эти росписи были на руку Клингу. Посмотрев на стекло в двери, он обратил внимание, что оно расписано только снаружи, темно-синей краской, так что сквозь него было ничего не видно, но зато создавался зеркальный эффект, так что Клинг мог хорошо видеть отражение Огасты, даже стоя к ней спиной.

Она села лицом к платформам и каждый раз, как поезд тормозил, напряженно всматривалась сквозь разукрашенные окна. Клинг насчитал девять остановок. На Хоппер-стрит она внезапно встала и двинулась к выходу. Клинг вышел на платформу одновременно с ней. Она свернула налево и поспешно направилась к выходу на улицу. Ее каблучки звонко щелкали по полу. Его жена ужасно спешила. Клинг последовал за ней, держась на безопасном расстоянии. Дошел до конца платформы, толкнул дверь и увидел ее уже наверху. Ее длинные ноги так и мелькали, сумочка болталась на плече.

Он взлетел по лестнице через две ступеньки. После сумрака тоннелей солнечный свет показался ослепительным. Клинг быстро посмотрел на угол, обернулся в другую сторону и увидел ее: она стояла у светофора, ожидая, пока зажжется зеленый свет. Клинг остался на месте. Через улицу он перешел одновременно с Огастой и последовал за ней, держась на расстоянии квартала. На часах рядом с банком было уже полпервого. А следующая встреча Огасты была назначена на два, на другом конце города. Видимо, ленчем она решила пожертвовать… Вопреки очевидности, Клинг отчаянно надеялся, что ошибается. Он бы отдал свою правую руку за то, чтобы Огаста зашла в одну из столовых или ресторанов, которых в этой части города было полным-полно. Но она продолжала быстро шагать по улице, не глядя на названия улиц и номера домов. Видимо, она точно знала, куда направляется. Этот район представлял собой смесь картинных галерей, бутиков и магазинчиков, торгующих антиквариатом, цветами, обувью, бижутерией и прочей мишурой. Огаста шла в сторону Скотч-Мидоус-парка, расположенного в самом сердце квартала, населенного художниками. «Художник, — подумал Клинг. — Этот сукин сын — художник».

Он прошел вслед за ней два квартала, до угла улиц Хоппер и Мэттьюз. Потом Огаста внезапно, ни на миг не замедляя шага, не глядя на номер дома — она явно была здесь не в первый раз, — свернула в подъезд одного из старых зданий, которые когда-то были фабричными, а теперь превратились в жилые дома, квартирная плата в которых была просто астрономической Клинг подождал пару минут, заглянул в дверь, чтобы убедиться, что в подъезде никого нет, и вошел в вестибюль. Стены были выкрашены в темно-зеленый цвет.

Лифта не было — только железная лестница в конце вестибюля, вроде той, что вела в помещение для детективов у них в участке. Клинг прислушался — у хороших копов слух тренированный — и услышал слабое цоканье каблучков где-то наверху. В вестибюле висел список жильцов. Клинг поспешно просмотрел его, боясь, что Огаста вдруг вернется,

спустится вниз и обнаружит в вестибюле его.

Потом он снова вышел на тротуар. В доме было шесть этажей. В каждом из верхних этажей на улицу выходило по четыре окна. Скорее всего на каждом этаже не одна квартира. Клинг записал адрес в блокнот — Хоппер-стрит, 641, — пересек улицу и зашел в закусочную на углу. Взял отсыревший гамбургер и тепловатый гоголь-моголь и сел к окну, следить за домом напротив. Часы на засаленной стене показывали 12.40. Клинг проверил время по своим часам.

В час он заказал еще один гоголь-моголь. В половине второго он попросил принести холодный кофе. Огаста появилась только без четверти два. Она немедленно подошла к краю тротуара и остановила такси. Клинг допил кофе, потом снова вошел в дом 641 и списал все имена жильцов. Жильцов было шесть. Шесть подозреваемых. Торопиться было некуда — все, что могло случиться, уже случилось. Он сел в подземку и поехал на другой конец города, в ателье Джефферсона и Уайета, где его жена должна была быть в два часа. Он ждал на тротуаре на противоположной стороне улицы — она вышла около пяти, — и проводил ее пешком до ее агентства на Керрингтон-стрит. Он издали смотрел, как она поднялась на крыльцо узкого здания.

Потом снова сел в подземку и поехал домой.

* * *

Когда Джонатан Ньюмен впустил Кареллу и Дженеро в свой фешенебельный номер на верхнем этаже отеля «Пирпойнт», на нем не было ничего, кроме свободных брюк. Он сообщил детективам, что только что принял холодный душ и все равно задыхается от этой проклятой жарищи. Кондиционер работал на полную мощность; в номере было довольно-таки прохладно. Но Ньюмен обливался потом, и Карелла подумал, что это неудивительно. Он в жизни не видел такого волосатого человека. Ньюмен был чуть повыше Кареллы, примерно шесть футов два дюйма. Лохматая рыжая голова, рыжая бородища, закрывающая пол-лица, и густая рыжая шерсть на груди, руках и спине. Он был здорово похож на орангутанга. Такой же густой мех, и того же цвета. Он подошел к столику, на котором стоял стакан, набитый тающими кубиками льда, и спросил детективов, не хотят ли они чего-нибудь выпить. Оба отказались.

— Когда наконец кончится эта жара? — вздохнул он.

— Говорят, где-то на той неделе, — ответил Карелла. — Может быть.

— Когда я уезжал из Сан-Франциско, там было так хорошо! — сказал Ньюмен. — Знаете, мы его зовем городом сквозняков. И не зря! Там все время такие славные ветерки… Как здесь люди вообще живут летом?

— Но ведь вроде бы и вы здесь когда-то жили, разве нет? — спросил Карелла.

— Только до тех пор, пока не стал достаточно взрослым, чтобы выбирать самому, — ответил Ньюмен. — На самом деле я демобилизовался из флота на Западном побережье и решил остаться там. Самое лучшее решение, какое я принял за свою жизнь. Знаете, чем я там занимаюсь?

— Нет, — сказал Дженеро. — А чем?

Он слушал очень внимательно. Карелла подозревал, что Дженеро заворожен — впервые в жизни он видит говорящую обезьяну!

— Гробы делаю, — сказал Ньюмен.

— Гробы? — переспросил Дженеро.

— Гробы, — кивнул Ньюмен. — До флота я занимался рекламой, а потом пошел добровольцем, чтобы малость встряхнуться — тем более что меня бы все равно призвали. Меня сделали лейтенантом, потому что я закончил университет Рэмси, знаете?

— Знаем, — сказал Карелла.

— Знаем, — подтвердил и Дженеро, но как-то неуверенно.

— А потом я вышел в отставку и сразу решил остаться на побережье. И спросил себя:

чем мне хочется заниматься? Снова рекламой? Если бы я хотел заниматься рекламой, мне надо было бы вернуться обратно на восток, верно? Настоящая реклама — на востоке. И я сказал себе — нет, это не для меня. Никакой рекламы! И я спросил себя: что рано или поздно понадобится любому человеку? Вот как вы думаете?

— И что же? — спросил Дженеро, хотя заранее знал ответ.

— Гроб! — ответил Ньюмен. — Рано или поздно мы все отправляемся в это большое небесное агентство, верно? И для этого большого путешествия всем нам необходим гроб. Вот их-то я там и делаю. Гробы. Я наладил производство гробов.

Карелла молчал.

— Ну вот, и я приехал сюда по делу — хотя, надо признаться, отчасти и для собственного удовольствия, — вы ведь не побежите докладывать в налоговую полицию, верно? — а тут мой бестолковый братец покончил жизнь самоубийством, и его похоронили в гробу, который сделал не я! Ну что ж поделаешь… — вздохнул Ньюмен, осушил свой стакан и подошел к встроенному бару, чтобы налить себе новую порцию. — Эй, ребята, вы точно не хотите?

— Мы на службе, — ответил Дженеро.

— Ну и что? — удивился Ньюмен.

Дженеро, похоже, начал колебаться.

— Нет, спасибо, нам нельзя, — поспешно сказал Карелла. — Мистер Ньюмен, когда вы приехали?

— Двенадцатого июля. Тогда тут было здорово, помните? Проклятая жарища началась потом. Это просто невыносимо, честное слово! — сказал он и бросил в стакан четыре кубика льда.

— И с тех пор живете здесь?

— Ага, — сказал Ньюмен. Он взял бутылку с тоником и плеснул поверх джина и кубиков льда.

— Виделись ли вы со своим братом до его смерти?

— Не-а.

— Почему?

— Мы с ним не ладили.

— Многие люди не ладят со своими братьями, — вставил Дженеро. Потом посмотрел на Кареллу и пожал плечами.

— Тем более с тех пор, как он запил, — продолжал Ньюмен.

— После смерти вашего отца, — уточнил Карелла.

— Ну да, два года назад. До того-то он был вполне себе ничего, если не считать того, как он обошелся с Джессикой.

— Что вы имеете в виду?

— Ну, вы же знаете! Женился, прожил с ней всего ничего, а потом бросил ради Энни. Нет, Энни, конечно, покрасивее будет, я согласен. Но нельзя же терять голову из-за одной смазливой мордашки, верно? А во всех прочих отношениях Джессика куда круче. Вы с ней встречались, с Джессикой? Вот это женщина, я вам скажу! Капитан израильской армии! По-моему, у нее на счету штук семнадцать убитых арабов. А какая грудь!

— О да! — поддержал его Дженеро.

Карелла сурово покосился на него.

— Ну вот, в кои-то веки моему братцу привалила удача, а он ее сменял на эту Снежную Королеву. Вы ведь, наверно, встречались с Энни. Вы ведь должны были говорить с ней насчет моего брата, верно?

— Встречались, — сказал Дженеро и тут же стрельнул глазами в стороны Кареллы — не сболтнул ли он снова чего лишнего? — То есть встречался не я, а детектив Карелла…

— Самая холодная медуза во всем Западном полушарии, — сказал Ньюмен. — У нее в жилах не кровь, а лед. Может, в постели она и классная — по крайней мере, так говорил мне братец, когда он в нее втюрился, — но по ней не скажешь. Ну ладно, пусть даже она в

постели круче Гималаев — и что с того? Дурак мой братец, что сменял такую женщину, как Джессика, на узкую щель в два дюйма длиной.

Это выражение Дженеро явно понравилось.

— Ну ладно, что было — то прошло, — продолжал Ньюмен. — Братец мой помер — упокой Господи его душу!

И поднял свой стакан, словно произнося тост.

— Я так понимаю, что вы виделись с мисс Герцог на прошлой неделе, — сказал Карелла.

— Ага, в ту среду. Мы обедали вместе.

— И вы вспоминали об отвращении вашего брата к таблеткам.

— Ага.

— Он вообще не любил принимать какие бы то ни было таблетки, верно?

— Ну, это мягко сказано!

— А что вы скажете на то, что он проглотил двадцать девять таблеток за раз?

— Скажу, что это чушь собачья.

— Вы думаете, он не мог этого сделать?

— Ни в коем разе.

— Мистер Ньюмен, когда вы узнали о его смерти?

— Мне позвонила мама. По-моему, в пятницу. Я вернулся в отель, а тут записка — перезвоните Сьюзен Ньюмен, срочно. Я сразу понял, что это насчет брата. Наверняка, думаю, этот чертов Джерри ужрался до чертиков и вывалился в окно, или что-нибудь в этом духе. Других срочных дел у моей матушки быть не может.

— И что произошло, когда вы ей перезвонили? — спросил Карелла.

— Она мне сообщила, что мой брат умер.

— Она упоминала о том, что он умер от смертельной дозы секонала?

— Нет, она это сама узнала только на следующий день. Кажется, в пятницу еще неизвестны были результаты вскрытия.

— И как вы это восприняли?

— То, что мой брат умер? Хотите — честно?

— Да, пожалуйста.

— Я подумал — слава тебе Господи, наконец-то избавились!

— Угу…

— В последние два года он для всех для нас был все равно что чирей на заднице. Для меня, для матери, для Энни — для всех. Он задирал перед нами нос, потому что унаследовал эту кучу денег после смерти отца, думал, он лучше нас, оттого что…

— Какую кучу денег? — тут же перебил его Карелла.

— Ну, на самом деле не деньги как таковые и не сразу после смерти отца. Картины, понимаете? Он все их оставил Джерри. Отец был одним из лучших абстрактных экспрессионистов в стране. В его мастерской стояло по меньшей мере две сотни картин. И все они достались Джерри. Потому он и мог позволить себе маяться дурью.

— А что он оставил вашей матери?

— Прощальную записку, — сказал Ньюмен и мрачно усмехнулся.

— А вам?

— Хрен. Я был паршивой овцой. Я уехал из дома и занялся изготовлением гробов. А мой дражайший братец Джерри сделался художником, пошел по отцовским стопам, так сказать. Правда, художник он был от слова «худо», потому как творил он сущее дерьмо, но это папашу не волновало, ничуть не волновало. Джерри поддерживал великую семейную традицию!

— Когда вы сказали «кучу денег», вы имели в виду…

— Миллионы, — ответил Ньюмен.

— А кто получит их теперь, вы не знаете?

— В смысле?

— Кто унаследует все эти деньги теперь, когда ваш брат мертв?

— Понятия не имею.

— Он оставил завещание?

— Не знаю. Спросите лучше у Энни.

— Спрошу. Спасибо вам, мистер Ньюмен. Вы нам очень помогли. Когда вы возвращаетесь в Калифорнию?

— Через несколько дней. У меня тут еще есть кое-какие дела.

— Вот вам моя визитка на случай, если понадобится связаться со мной, — сказал Карелла.

— Зачем это мне понадобится с вами связываться? — удивился Ньюмен, но визитку взял.

На улице, по дороге к тому месту, где стоял неприметный седан Кареллы, Карелла жалел, что у Клинга сегодня выходной. Из-за гибкого графика работы напарники постоянно перетасовывались. Сегодня Карелла согласился бы на любого из них. Даже на Паркера. Правда, Паркер не отвечал представлению Кареллы об идеальном полицейском, но зато обладал многолетним опытом и был способен управиться с уличной бандой.

В полиции принято считать, что хороший напарник — это тот, на кого можно положиться в перестрелке. Вот почему многие патрульные отказываются работать в паре с женщинами-полицейскими. Они полагают, что, если дело дойдет до вооруженной стычки с гангстерами, от женщины будет мало толку. Но Карелле случалось видеть женщин, способных в тире поставить точку над «i» из пистолета калибра 0,38. В перестрелке грубая сила — не главное. Джессика Герцог была капитаном израильской армии и, если верить ее деверю, убила в бою семнадцать человек. Стал ли бы кто-то из копов возражать против такой напарницы? Вряд ли. Но на самом деле напарник — это нечто много большее.

Надежность Дженеро в перестрелке была сомнительной: он однажды ухитрился всадить пулю в ногу себе самому. Но, помимо этого, он не создавал «отдачи», необходимой всякому, кто ведет расследование. «Отдача! — подумал Карелла. — Вот чего мне не хватает. Отдачи».

— Он тоже обратил внимание, — сказал Дженеро.

— На что? — спросил Карелла.

— На ее сиськи, — пояснил Дженеро.

— Ага, — вздохнул Карелла.

Он думал о миллионах долларов, которые получил Джереми Ньюмен, продав картины из наследства отца. Интересно, зарегистрировано ли это завещание в Комиссии по наследствам, и если да, то каковы были его условия? А еще Карелла думал о том, что хороший напарник — это человек, с которым можно обмениваться фактами, пережевывать их, грызть и теребить до тех пор, пока не вытрясешь из них вразумительное объяснение тому, что произошло. Напарник — это человек, которому можно доверить не только свою жизнь, но и самые дикие идеи. Напарник — это человек, который может разрыдаться в твоем присутствии, не боясь, что ты его высмеешь. Карелла очень жалел, что с ним нет Клинга сейчас, на третий день после того, как жена Джереми Ньюмена нашла труп своего мужа в квартире, жаркой и вонючей, как подземелья ада.

* * *

В тот вечер за обедом Мейер рассказал Клингу и Огасте два анекдота, оба про иммигрантов. Один — про русского иммигранта, который, едва приехав в Америку, сменил имя. Однажды встречает он земляка и сообщает ему, что он теперь не Борис Рыбинский, а Р. П. Стемплер. «Откуда же ты взял такое имя?» — удивляется земляк. Иммигрант пожимает плечами и объясняет: «Ну, это просто. Я теперь живу на улице Стемплера, вот и взял себе фамилию „Стемплер“». Земляк подумал и говорит: «Ну ладно, а что такое „Р. П.“?» «Робертсон-парк», — отвечает иммигрант.

Второй анекдот — весьма характерный. Жители этого города никогда не отличались особой любезностью — напротив, они славятся резкостью, плавно переходящей в хамство. Анекдот очень короткий, буквально одна фраза. Иммигрант останавливает прохожего на улице и спрашивает: «Простите, вы не подскажете, как пройти в муниципалитет, или мне сразу идти на…?»

Огаста смеялась громче всех.

А Клинг думал о том, что с половины первого до без четверти два она была в доме на углу Хоппер-стрит и Мэттьюз. Когда они вышли из ресторана в десять вечера, Мейер предложил подвезти их до дома, но до них было всего несколько кварталов, поэтому они попрощались с Мейерами на тротуаре и пошли пешком.

Когда они проходили мимо ресторана, из подъезда на противоположной стороне улицы вышел мужчина и пошел следом за ними.

Это был настоящий великан с широкими, мощными плечами штангиста. Его темные глаза и черные волосы были спрятаны под сдвинутой на лоб шляпой. Он проводил Клинга с Огастой до самого дома. Когда они вошли в подъезд, он остановился на тротуаре на противоположной стороне улицы и стал смотреть на окна, загоревшиеся на третьем этаже. Свет в окнах погас после одиннадцати. И только тогда мужчина ушел.

Он отправился на окраину, искать себе пистолет.

Глава 6

Здесь было еще хуже, чем в других районах. Даже в Марин-Тайгер, расположенном на возвышенности, где когда-то были плодородные пахотные земли, временами дул ветерок с реки Дикс. Но здесь, в Даймондбеке, на краю острова, находящегося в центре города, жара была невыносимой — даже в десять минут первого, когда Галлоран вышел из подземки.

Кирпичные стены и гудроновые крыши домов целый день копили жар. Семи-восьмиэтажные здания стояли тесными рядами, квартал за кварталом, образуя лабиринт, в котором жара застаивалась и висела тяжким удушливым покровом. Все окна в домах стояли нараспашку, но воздух был неподвижен, и снаружи было так же жарко, как внутри, так что обитателям домов казалось, будто они движутся в вязком, липком, непроницаемом, буквально ослепляющем силовом поле. Люди сидели на пожарных лестницах, увешанных бельем, которое не желало сохнуть из-за влажности, на ступеньках домов, стертых и расшатанных от времени и отсутствия ремонта, вяло бродили на перекрестках, играли в шашки при свете уличных фонарей. В Даймондбеке была полночь, но с таким же успехом мог быть и полдень. Улицы были запружены народом. Все равно в такую жарищу заснуть не удастся. Завтра утром многим жителям придется ехать в центр, на работу, в офисы, рестораны, магазины и лавки, оборудованные кондиционерами. Но сейчас, ночью, вокруг была жара, тараканы и крысы.

Идя по авеню в поисках дома, адрес которого дал ему Джимми Бейкер, Галлоран слышал, как крысы шуруют в заброшенных дворах. Он видел крысиные глазки, сверкающие из темноты. Он слышал, как крысы что-то грызут. Заброшенные дворы были завалены мусором. Здесь было проще выкинуть мусор в окно, в соседний ничейный двор, чем выставлять его на обочину, аккуратно упакованным в полиэтиленовые мешки. Мусорщики заботились о Даймондбеке куда меньше, чем о более приличных районах.

Галлоран был одним из немногих белых, бродивших по Даймондбеку в ту ночь. Одной из аксиом науки выживания в городе было, что белым после наступления темноты в Даймондбек лучше не соваться. Белые, появлявшиеся здесь вечером, были либо наркоманами в поисках косячка, либо городскими фраерами, которым захотелось поиметь черную девочку. В любом случае, это была легкая добыча для местных шаек. А те, кто каждый день ездит на работу в центр, будут сидеть у себя на пожарных лестницах, смотреть на улицу, где кого-то убивают или грабят, беспомощно качать головой и проклинать расовые различия, из-за которых честных, порядочных людей ставят на одну доску с ворами,

проститутками и сутенерами. Повздыхают, потолкуют о том, что ничего не поделаешь, такова жизнь, хотя это и несправедливо, а утром оденутся в костюмы, купленные в одном из лучших магазинов в центре города, и ровно в девять явятся на работу, печатать под диктовку, продавать белье или возить пассажиров из аэропорта в роскошные кварталы на Стюарт-стрит или на набережной реки Дикс, где швейцар в ливрее отворит дверцу такси и скажет: «Доброе утро, сэр. Ужасная жара, сэр!» Но это будет утром. А сейчас ночь.

Галлоран был крупным мужчиной, и вполне мог оказаться детективом из здешнего, 83-го участка, и это было ему на руку. Кроме того, было в нем нечто, говорившее о том, что этот человек не новичок в уличных драках и связываться с ним опасно. Лучше поискать добычу полегче, чем нарываться на копа или, наоборот, бандюгу, которого разыскивают за убийство в четырнадцати из пятидесяти штатов. Так что Галлоран беспрепятственно шагал по оживленной ночной улице.

Джимми Бейкер был его товарищем по камере в Кастлвью. В прошлом октябре Джимми был отпущен на поруки, отмотав десять лет за вооруженное ограбление. Они с Джимми делили между собой самых хорошеньких мальчиков в тюрьме. Они работали на пару. Выбирали какого-нибудь смазливого пацана, и Галлоран запугивал его до потери сознания, разыгрывая из себя большого страшного зверя, который того и гляди съест парня живьем. Тут в дело вступал Джимми. Джимми был довольно хрупким и слабым, но он бесстрашно вставал на защиту пацана и заявлял Галлорану, что, если тот не оставит мальчишку в покое, он, Джимми, ему яйца отрежет. Благодарный пацан прилипал к Джимми, и через недельку Джимми начинал трахать его, пригрозив, что, если парень не уступит, он отдаст его на съедение страшному Галлорану. Классический прием доброго и злого дяди. А еще через недельку Джимми с Галлораном уже трахали парня по очереди. К тому времени мальчишка, конечно, понимал, что его облапошили, но рассчитывал, что зато эти двое не подпустят к нему других зверюг. А зверюг в Кастлвью было не меньше, чем крыс во дворах Даймондбека.

Бильярдная, которой владел Джимми, находилась в центре квартала, межцу баптистской церковью и салоном красоты, рекламировавшим выпрямление волос и осветление кожи. Когда Галлоран вошел в бильярдную около четверти первого, там было человек двадцать молодых негров, игравших на бильярде. «Чертовым ниггерам делать больше нечего, как играть на бильярде посреди ночи! — подумал Галлоран. — Моя дочь, черт бы ее побрал, вышла замуж за ниггера!» Как ни странно, он никогда не думал о Джимми Бейкере как о ниггере. Джимми Бейкер был просто его товарищ по камере. И лучшего мужика Галлоран за всю жизнь не встречал. «Это исключение из правил», — подумал Галлоран. Они с Джимми поимели уйму мальчишек там, в Кастлвью. Нет, Джимми — свой парень. Черный или белый, Джимми — он свой. В его присутствии Галлоран никогда не употреблял слово «ниггер». Несмотря на то, что Джимми был ниггером.

Когда он вошел, все парни, игравшие в бильярд, оторвались от своего занятия и уставились на него. Глаза у них забегали, как шарики по бильярдному столу. Они приняли его за копа. Вот сейчас раздастся: «Руки вверх, лицом к стене, мать вашу!» Сидящий за высокой стойкой у самого входа толстый негр, читавший утренний выпуск какой-то бульварной газеты, поднял глаза. Над головой у негра висела вывеска, на которой было написано, сколько стоит час игры. В зубах у негра была сигара. Он, видимо, решил не обращать на Галлорана внимания и снова уткнулся в газету. Если этот мужик из полиции, пусть сам скажет, чего ему надо.

— Мне нужен Джимми Бейкер, — сказал Галлоран, не тратя времени на приветствия.

— А кто его спрашивает? — осведомился негр.

— Джек Галлоран.

— А по какому вопросу?

— Мы вместе сидели в Кастлвью.

— Секундочку, — ответил негр и снял трубку телефона, стоявшего на стойке. Набрал одну цифру, подождал.

— Джеймс! — сказал он. — Тут пришел мужик, назвался Джеком Галлораном, хочет тебя повидать.

Выслушал, кивнул, повесил трубку.

— Вон туда, — сказал он. — Красная дверь в дальнем углу.

— Спасибо, — ответил Галлоран.

Негр продолжал курить сигару и читать газету. В комнате снова застучали бильярдные шары. Играющие тихо переговаривались:

— Три сбоку… Неплохой удар, приятель… Четыре сюда…

Галлоран подошел к красной двери и отворил ее.

Джимми Бейкер сидел за столом, заваленным бумагами. На столе стояли два телефона. Он слегка располнел с тех пор, как Галлоран видел его в последний раз, но в остальном остался прежним Джимми. Он улыбнулся Галлорану через стол, на черном лице блеснули крупные белые зубы. Джимми поднялся ему навстречу, протягивая обе руки, радостно скалясь и качая головой. Теперь вместо короткой тюремной стрижки на голове у него красовалась пышная шапка курчавых волос. На нем были джинсы в обтяжку, черная шелковая рубашка, расстегнутая до пупа, и на шее болтался золотой медальон на цепочке.

— Привет, дружище! — сказал он, пожимая Галлорану обе руки. — Ну, мужик, и видок же у тебя, я тебе скажу!

— С чего это ты вдруг сделался Джеймсом? — поинтересовался Галлоран, улыбаясь в ответ. Он действительно был рад видеть Джимми.

— О-о, я тут теперь большая шишка! — ответил Джимми, закатывая глаза. — Иначе как Джеймсом меня никто и не величает — а временами даже мистером Джеймсом! Так бы и начистил ему рожу! Ты когда вышел, дружище?

— Неделю тому назад. Какое у нас сегодня число?

— По часам или на самом деле? — уточнил Джимми. — Если по часам, то сейчас уже вторник, двенадцатое августа. Ну а на самом деле сейчас все еще ночь понедельника — по крайней мере, до тех пор, пока не рассветет. Садись. Выпить хочешь? Не, мужик, ты классно смотришься, на самом деле! Неделю как вышел, да? Пива хочешь? У меня есть холодное пиво. А может, тебе чего покрепче? Ты только скажи! Гос-споди, как же я рад тебя видеть!

— Я тоже рад тебя видеть, Джимми, — сказал Галлоран. Он все еще улыбался. — Как ты тут устроился?

— Так-сяк, — ответил Джимми. — У меня есть бильярдная, я проворачиваю кой-какие делишки, приторговываю наркотиками — короче, в целом нехило. Ну и попутно подыскиваю себе дельце покрупнее, выжидаю. Рано или поздно что-нибудь да подвернется. А ты как?

— Ну, я ведь только вышел, ты же знаешь. Куча дел.

— Ну да, конечно, тебе надо устроиться. Такой геморрой, верно? Временами хочется вернуться в тюрягу — как хорошо, все о тебе заботятся, сидишь, ни о чем думать не надо! Так хочешь пива? Слушай, выпей бутылочку пивка, а?

— Ну давай, — сказал Галлоран.

Джимми подошел к небольшому холодильнику, стоявшему под столом у дальней стены. Достал две бутылки пива, открыл.

— За наш гребаный Касл! — сказал он.

— Твое здоровье, — ответил Галлоран и едва пригубил пиво. Ему не хотелось снова ужираться, как вчера, когда его подцепила та шлюха.

— Как тебе эта жарища? — осведомился Джимми. — Родной город устроил тебе роскошную встречу, а? Большой и горячий привет. Сдохнуть можно!

— Ага, — сказал Галлоран.

— И ты, значит, пришел повидать старика Джимми, а? — сказал Джимми, снова улыбаясь. — Ох, дружище, как же я рад тебя видеть!

Наступило продолжительное молчание.

— Мне нужна пушка, — сказал наконец Галлоран.

— Ого! — сказал Джимми, и глаза его сузились.

— Я подумал, что ты можешь знать, где ее раздобыть.

— А что ты задумал? Может, меня это тоже заинтересует?

— Не думаю.

— Потому как, я ж говорю, я выжидаю, когда подвернется стоящее дельце.

— Нет, это не для тебя.

— Нет, а все-таки, на что тебе пушка? В смысле, я, конечно, помогу тебе ее раздобыть — блин, да мы ее моментом добудем! Но только для чего она тебе?

— Надо повидать одного мужика.

— А-а, вот оно что!

— Ага.

— И какая же пушка тебе нужна?

— Чтоб живым не ушел, — ответил Галлоран.

— Кому ж это так повезло? — рассмеялся Джимми.

— Пожалуй, лучше тебе не говорить, — сказал Галлоран. — Так оно будет безопасней для тебя.

— Меньше знаешь — крепче спишь, а?

— Вот именно.

— Ну ниче, мужик, мы тебе добудем пушку, которая проделает дырку в этом пидоре! Здо-оровую дырку! Только дай я сперва кой-куда звякну, идет? Выясню, как обстоят дела на рынке в эту чудную летнюю ночку. Ты давай допивай свое пиво — это минутное дело.

Дела на рынке обстояли великолепно. Прежде чем они ушли из бильярдной, Джимми позвонил в три места, и к часу ночи они уже сидели у невысокого негра, на вид смахивающего на бухгалтера. Он был в белой рубашке с закатанными рукавами и расстегнутым воротом, в толстых очках без оправы и обильно потел. Джимми называл его просто Сэмом. На столе перед Сэмом был разложен целый арсенал — штук сорок пистолетов и револьверов.

Они находились в квартире на четвертом этаже дома на Карлтон-стрит. Много лет назад, во времена Великой депрессии, на первом этаже дома располагался бар, незаконно торгующий спиртными напитками. А в соседнем доме был бордельчик, где часто бывали белые, которые потом возвращались в центр, к своим мехам и бриллиантам. Но это все было во времена Депрессии. А сейчас это был просто многоквартирный дом, по которому бегали крысы. Сэм сидел у себя на кухне, и оружие, разложенное на белом кухонном столике, сверкало в свете лампочки без абажура, горящей под потолком. В соседней комнате кто-то тихо храпел. Должно быть, жена Сэма. Лицо и голые руки Сэма блестели от пота.

— Для чего вам, собственно, нужна пушка? — осведомился Сэм.

— Это неважно, — отрезал Джимми.

— Я имею в виду, что, ежели вам надо спрятать ее под пиджаком, тогда я посоветовал бы взять вот этот, курносенький, калибра 0,38.

— Ему нужна такая пушка, которая сделает свое дело за один раз, — сказал Джимми.

— Я ж только хочу знать…

— За один раз, и наверняка, — уточнил Джимми.

— То есть надо что-то помощнее, так?

— Да, — сказал Галлоран.

— И неважно, что она будет торчать, и все такое?

— Неважно.

— А дело дневное или ночное?

— Пока не знаю.

— Потому как если это будет днем, тебе, мужик, таки придется ее спрятать как следует, а здоровая пушка — вроде вот этого «раджер-магнума» — будет торчать, словно хер.

— Ну, тогда я, наверно, сделаю это ночью.

— Мощнее «раджера» ничего не найти, — сказал Сэм.

— Который из них «раджер»? — спросил Галлоран.

— Вот этот вот.

— Блин, да это же настоящий миномет! — заметил Джимми.

— Он и бьет как миномет, — сказал Сэм. — В некоторых штатах его даже фараонам носить запрещают. Потому как если фараон пальнет из него в какого-нибудь фраера, пуля прошьет этого фраера насквозь и еще убьет какую-нибудь брюхатую бабу в соседней лавочке. Эта пушка действительно охренительно мощная. Ты говоришь, тебе надо наверняка, — ну, так она сделает свое дело наверняка, и еще с запасом.

— И во сколько мне это обойдется? — спросил Галлоран.

— Только говори настоящую цену, слышь, мужик, — сказал Джимми.

Сэм решил, что они были любовниками в тюрьме. А что, обычное дело: мужик сходится с соседом по камере, и вскоре они начинают обращаться друг с другом, как муж с женой. Наверно, и эти из таких.

— Эта пушка стоит сто пятьдесят, — сказал он.

— Дороговато будет, — немедленно ответил Джимми.

— В магазине такая потянет на две сотни, — возразил Сэм. — А эта новенькая, с иголочки, ни разу не стреляная. Сто пятьдесят — это минимум.

— Сто двадцать пять, — сказал Джимми. — И патроны, сколько понадобится.

Сэм покачал головой.

— Патроны не проблема. Но за сто пятьдесят.

Джеймс, эта пушка мне самому обошлась в сотню, клянусь мамой! Пятьдесят сверху — это ж не навар!

— Ну че, как по-твоему? — спросил Джимми у Галлорана.

— У меня столько бабок не наскребется, — ответил Галлоран.

— А сколько у тебя есть?

— Около сотни.

— Не, так не пойдет! — сказал Сэм, встал и потянулся, показывая, что разговор окончен.

— Тебе эта пушка таки нужна? — спросил Джимми.

— Похоже на то, что она мне подходит, — сказал Галлоран.

— Эта пушка череп сносит на раз, — заметил Сэм.

— Так она тебе нужна или нет? — уточнил Джимми.

— У меня не будет ста пятидесяти, — вздохнул Галлоран. Он взял пистолет и взвесил его на ладони.

— Патроны — 0,44 «магнум» или 0,44 «спешиал», — сказал Сэм. — У меня есть и те, и другие, так что на этот счет не беспокойтесь.

— Хорошая пушечка, — сказал Галлоран.

— Дуло семь с половиной дюймов, — продолжал Сэм. — «Магнум» 0,357 по сравнению с этим — дерьмо собачье. Этот в два раза мощнее.

— Ага, — кивнул Галлоран.

— Эту пушку еще называют «черный коршун-супер», — говорил Сэм. — Калибр как у карабина! В любом магазине за нее возьмут не меньше двух сотен. А я прошу всего-то сто пятьдесят!

— Да у меня просто нет таких бабок! — сказал Галлоран.

— Если эта пушка тебе нужна, ты ее получишь, — отрезал Джимми. Он обернулся к Сэму. — Патроны прилагаются, я правильно понял?

— Сколько потребуется.

— Ну, тогда по рукам, старый мошенник! — Джимми рассмеялся и полез в карман. Он достал пачку банкнот, стянутую резинкой, стянул резинку, надел ее на руку и отсчитал три бумажки по пятьдесят. И, все еще смеясь, заметил: — Дороговато заламываешь, мужик! Надо было отвести его к Никки Гарджеру.

— У Никки «раджеров» нету! — возразил Сэм.

— Вот погоди, зайдешь ты ко мне в бильярдную! — пригрозил Джимми, протягивая ему деньги. — Я с тебя сдеру двадцать баксов за час игры!

— Джимми, я ж за него сам сотню выложил!

Галлоран еще раз взвесил пистолет на ладони. Посмотрел Джимми в глаза и очень тихо сказал:

— Спасибо тебе.

«Ну точно, любовники! — сказал себе Сэм. — Я так и думал!»

* * *

В спальне на третьем этаже тихо гудел кондиционер. В комнате было прохладно, но Клингу не спалось. Два часа ночи, а на работу ему только к четырем вечера. Но он собирался встать пораньше, чтобы выйти из дому вместе с Огастой. Он хотел проверить, не пойдет ли она снова к своему дружку на Хоппер-стрит. Хотел выяснить, неужели она ходит к нему каждый день вместо ленча, трахается вместо того, чтобы обедать где-нибудь в китайском ресторанчике. Клинг испытывал искушение выложить ей все как есть, рассказать, что он выследил ее на Хоппер-стрит, видел, как она входила в дом 641, и спросить, что ей там было надо. Покончить с этим раз и навсегда! Он вспомнил совет Кареллы.

— Огаста! — шепнул он.

— М-м?

— Гасси!

— М-м…

— Ты не спишь?

— Сплю… — ответила она и повернулась на другой бок.

— Гасси, мне надо с тобой поговорить.

— Давай спать, а? — сонно пробормотала Огаста.

— Гасси…

— Спи!

— Солнышко, это важно.

— Черт!

— Солнышко…

— Черт, черт, черт, черт! — сказала Огаста, села, включила ночник. — В чем дело? — спросила она и посмотрела на часы на столе. — Берт, сейчас два часа ночи! А мне на работу к половине девятого. Это что, так срочно?

— Мне нужно поговорить с тобой. Сейчас, — сказал Клинг.

— Мне вставать в полседьмого!

— Извини, Гасси, но это действительно важно.

— Ну ладно. В чем дело? — со вздохом спросила она. Взяла пачку сигарет, лежавшую рядом с часами, вытряхнула одну и закурила.

— Я беспокоюсь, — сказал Клинг.

— Беспокоишься? О чем?

— Насчет нас с тобой.

— Насчет нас?

— Мне кажется, мы с тобой потихоньку расходимся.

— Смешно!

— Серьезно.

— С чего ты взял?

— Ну, мы… Ну, хотя бы потому, что мы теперь занимаемся любовью куда реже, чем раньше.

— У меня месячные, ты же знаешь, — сказала Огаста.

— Знаю, но… раньше ведь это не мешало? Когда мы только что поженились?

— Ну… — Огаста помолчала. — Мне лично казалось, что у нас все в порядке.

Клинг покачал головой:

— Не думаю.

— Так, значит, все дело в сексе? В смысле, тебе кажется, что мы мало занимаемся сексом?

— Дело не только в этом… — начал он.

— Потому что, понимаешь, если тебе хочется…

— Да нет, нет…

— Мне казалось, что у нас все прекрасно, — повторяла Огаста, пожала плечами и затушила сигарету.

— Ты знаешь эту девушку, которая работает у вас в агентстве? — спросил Клинг. «Вот оно! — подумал он. — Добрались до сути дела!»

— Какую девушку?

— Такую маленькую блондиночку. Она демонстрирует молодежные моды.

— Монику, что ли?

— Ну да.

— Монику Торп? А что с ней такое?

— Она была тогда на пляже во время приема. Четвертого. Помнишь?

— И что?

— Мы с ней разговорились, — сказал Клинг.

— Угу… — Огаста потянулась за сигаретами и снова закурила. — Не понимаю, какой интерес болтать с этой дурехой?

— Ты слишком много куришь, тебе не кажется? — спросил Клинг.

— Это что, еще одна претензия? — осведомилась Огаста. — Мы не занимаемся сексом, я слишком много курю… Ты что, собрался предъявить мне весь список обвинений, и непременно в два часа ночи?

— Я всего лишь забочусь о твоем здоровье!

— Ну, так что там Моника? О чем вы с ней говорили?

— О тебе.

— Обо мне? Вот это новости! Я-то думала, Моника вообще не способна говорить ни о чем, кроме себя, хорошей. И что же она тебе сказала? Она тоже считает, что я слишком много курю?

— Она сказала, что видела тебя в городе с разными мужиками! — проговорил Клинг на одном дыхании и остановился, чтобы перевести дух.

— Чего-чего?

— Она сказала…

— Ах-х, сопливая сучонка! — воскликнула Огаста и затушила только что раскуренную сигарету. — Она видела меня, меня!..

— Особенно с одним, — добавил Клинг.

— Особенно с одним? Так-так…

— Так она сказала.

— И с каким же?

— Не знаю. Скажи мне сама, Гасси…

— Смешно! — сказала Огаста.

— Я только повторяю то, что сказала мне она.

— И ты ей поверил.

— Я… скажем так, я прислушался к ее словам.

— Но она тебе не сказала, с кем именно она меня якобы видела. Так, Берт?

— Нет. Я спрашивал, но…

— Ах, ты ее спрашивал! Значит, ты ей поверил, так?

— Я только выслушал ее, Гасси.

— Сопливую шлюшку, которая перетрахалась со всеми фотографами в городе и у которой хватает наглости…

— Успокойся, — сказал Клинг.
— …Хватает наглости утверждать, что я…
— Ну же, Гасси!
— Я убью эту сучонку! Как Бог свят, убью!
— Значит, это неправда?
— Конечно, неправда! А ты что, поверил?
— Ну… в общем, да.
— Ну, спасибо, дорогой!

Некоторое время они молчали. Клинг думал, что надо спросить ее насчет дома 641 по Хоппер-стрит. Зачем она ходила туда сегодня днем? Он думал, что выполнил совет Кареллы, но толку с этого никакого, потому что ответа, который успокоил бы его, он так и не получил. Только расковырял рану.

— Гасси…
— Я люблю тебя, Берт, — сказала она. — Ты же знаешь.
— Я тоже думал, что любишь…
— Я тебя люблю!
— Но ты бываешь повсюду без меня…
— Ты же сам это предложил, Берт, ты же знаешь! Ты терпеть не можешь этих вечеринок…
— Да, но все-таки…
— Ну хорошо, больше я без тебя не хожу. Договорились?
— Но…

«А днем? Или во время дежурств, когда я гоняюсь за какими-нибудь мелкими воришками? Во время ночной смены? Что ты будешь делать тогда? Вечеринки — это фигня. Если, конечно, не считать тех случаев, когда ты говоришь, что ужинала в китайском ресторане с толпой народу, а мистер А-Вонг лично сообщает мне, что в компании мисс Мерсье рыжих не было. Жаль, что ты не брюнетка, Гасси. Брюнетки не так бросаются в глаза…»

— Все, обещаю, — сказала Огаста. — Без тебя — никуда. А теперь ляг.
— Есть еще кое-какие вопросы…
— Ложись, — перебила она. — На спину.

Она стянула с него простыню.

— Просто лежи спокойно, — сказала она.
— Гасси…
— Тише.
— Солнышко…
— Тс-с! — сказала она. — Те-с, малыш. Я сейчас поиграю с тобой. Бедный заброшенный мальчик! Мамочка сейчас с тобой поиграет, — сказала она и жадно склонилась над ним…

* * *

Когда расследуешь убийство или то, что может оказаться таковым, расписание не имеет значения. Ты приходишь в участок и грызешь это дело, иногда круглыми сутками, потому что у убийцы есть выигрыш во времени и каждый потерянный час дает ему лишний шанс.

Во вторник Карелле полагалось выйти на работу только в четыре, но он явился в десять утра, и никого из дневной смены это не удивило. Труп был обнаружен в прошлую пятницу, а любой коп знает, что самоубийство без предсмертной записки — все равно что хот-дог без кетчупа. Карелла сообщил лейтенанту Бернсу о жаре в этой проклятой квартире, а Бернс сообщил всем прочим детективам — на случай, если кому-нибудь придет в голову блестящая идея насчет того, почему кондиционер оказался отключенным в середине самой жаркой

недели за лето. Блестящих идей пока не возникло.

Однако все от души сочувствовали Карелле, который появился на работе в десять ноль-ноль утра, когда ему полагалось прийти только в четыре часа дня. Они все не раз бывали в его шкуре. Приходилось расследовать дела, способные довести детектива до ручки, спать урывками на кушетке в комнате отдыха, трясти проклятое дело, как терьер полудохлую крысу, пока оно не сдохнет совсем — и когда его можно будет спокойно похоронить в папке под грифом «Закрыто». С Кареллой говорили вполголоса и приносили ему кофе из канцелярии. Все знали, что он очень озабочен. Коллеги думали, что его беспокоит только отсутствие предсмертной записки и неработающий кондиционер в комнате, раскаленной, как Сахара. Но, кроме того, Карелла был озабочен еще и тем, что предполагаемый самоубийца якобы проглотил двадцать девять капсул секонала, в то время как он на пушечный выстрел не подходил к обычному аспирину. Этого коллеги не знали, потому что Карелла пока не говорил этого лейтенанту Бернсу, а лейтенант Бернс не сообщал остальным.

В то утро Карелла первым делом позвонил в лабораторию техэкспертизы на Хай-стрит. Разговаривал он с тем самым экспертом, который возглавлял группу, работавшую в квартире Ньюмена. Он был детективом третьего ранга, и звали его Джон Оуэнби. Он с самого начала испортил Карелле настроение, сообщив, что результаты еще не готовы.

— То есть как? — удивился Карелла. — Это ведь было в пятницу, а сейчас вторник! В чем дело?

— В жаре, — ответил Оуэнби.

— Какое отношение имеет жара к…

— Какое у вас дело? — спросил Оуэнби. — Что вы предположительно расследуете?

— Самоубийство.

— Вот именно, самоубийство.

— Но существуют обстоятельства…

— Не надо мне про обстоятельства, — сказал Оуэнби. — Вы не в суде. У вас имеется предполагаемое самоубийство, пустой пузырек из-под секонала…

— Почти пустой, — уточнил Карелла.

— С нашей точки зрения, — объяснил Оуэнби, — если в пузырьке осталась всего одна капсула, а все остальные этот мужик проглотил, пузырек считается пустым.

— Ну так и что же вы возитесь столько времени? Вон, медэксперты уже сообщили причину смерти — а им, между прочим, пришлось вскрывать этот чертов труп…

— Порядок срочности, — сказал Оуэнби. — Может, у медэкспертов порядок срочности другой. Давайте я вам объясню, как с этим у нас. Когда мы имеем…

— Может, лучше вы мне расскажете, не нашлось ли в квартире неопознанных отпечатков пальцев?

— До черта. Они сейчас в отделе отпечатков. Я с ними говорил сегодня утром. Они еще не успели сравнить их с отпечатками покойника и его жены, которые вы нам прислали. Порядок срочности, Карелла! Убийство важнее самоубийства, вооруженное ограбление важнее кражи со взломом, изнасилование важнее мелкого хулиганства. Вы знаете, сколько у нас убийств? Все из-за этой жары! Из-за жары у людей крыша едет. А в эту пятницу еще и полнолуние. Знаете, что будет? Все психи в городе повыползут! На нас свалится столько застреленных, зарезанных, зарубленных, задушенных и задавленных, что вы себе просто и представить не можете! Так что идите вы со своим паршивым самоубийством знаете куда? Результаты я вам завтра пришлю.

— Где капитан Гроссман? — спросил Карелла. — Я хочу поговорить с ним.

— Если вы собираетесь жаловаться начальству, это вам…

— Где он?

— В суде. И пробудет там до конца недели. Он проходит свидетелем по делу об убийстве. А убийство важнее самоубийства. Порядок срочности, Карелла!

— Как вы думаете, когда я смогу получить результаты?

— Через сутки или около того.

— А завтра утром?

— Я сказал — через сутки или около. Мы работаем над тем, что удалось заснять, мы проверяем эту капсулу…

— Медэкспертиза уже определила состав…

— Но мы должны провести свои анализы. Как только мы все подготовим…

— Значит, завтра, договорились?

— Сделаю все, что смогу, — сказал Оуэнби и повесил трубку.

* * *

Минут через десять Карелле вручили конверт из телефонной компании. Патрульный, принесший конверт в помещение детективов, подождал, пока Карелла распишется в получении, и бросил конверт на стол, на кучу всякой ерунды, включавшую распечатанное на компьютере приглашение на ежегодный праздник полицейского управления с пикником и танцами, запрос из 31-го участка обо всех известных случаях применения револьвера «смит-и-вессон» калибра 0,38, послание от копов из Сарасоты, штат Флорида, и пачку полученных из фотолаборатории глянцевых снимков восемь на десять, отснятых в пятницу в квартире Ньюмена.

Карелла разорвал конверт.

В нем было четыре страницы ксерокса со списком всех звонков, сделанных с телефона Ньюмена со времени последней оплаты, имевшей место быть в июле. Здесь, как и в большинстве американских городов, счет телефонной компании представлял собой табличку, в графах которой были указаны даты междугородных звонков, город, в который звонили, телефон в этом городе, время звонка, продолжительность разговора в минутах и сумма оплаты.

Карелла начал с последней страницы.

Энн Ньюмен ушла из квартиры на Сильвермайн-Овал первого августа в восемь сорок пять и вернулась только восьмого. Следовательно, можно было предположить, что за это время из квартиры не мог звонить никто, кроме самого Джерри Ньюмена, пока он был еще жив.

Последний пункт гласил:

дата: междугородный звонок: время: мин.: сумма:
07.08 Беверли-Хиллз, Кал. 18.21 ЗБ 35 (213)-275-42-82

* * *

Стало быть, седьмого августа Джерри Ньюмен звонил в Беверли-Хиллз в 18.21 по местному времени, или в 15.21 по калифорнийскому. Он говорил в течение трех минут, и разговор обошелся ему в тридцать пять центов. Карелла не знал, что означает буква в в колонке «время», но номер телефона показался ему знакомым. Карелла позвонил в калифорнийскую справочную и спросил номер отеля «Беверли-Уилшир». «(213)-275-42-82», — ответила дежурная. Он поблагодарил дежурную и позвонил в телефонную компанию, от души надеясь, что там не будет ни мисс Корнинг, ни мисс Шульц. Вместо них он застал некую безымянную дежурную, которая сообщила ему, что буква «Б» означает всего-навсего, что звонок производился вечером либо в выходные и оплачивается по льготному тарифу. Карелла поблагодарил и повесил трубку.

Итак, можно предположить, что в 18.21 накануне того дня, когда было обнаружено тело Джерри Ньюмена, он был еще жив. Он звонил в отель «Беверли-Уилшир» и, предположительно, разговаривал со своей женой в 15.21 по тихоокеанскому летнему

времени. Карелла достал свой блокнот. В 17.00 по тихоокеанскому летнему времени того же дня Энн Ньюмен звонила своей свекрови и сообщила ей, что подумывает о разводе. Потом она, предположительно, собрала вещи и отбыла в аэропорт, чтобы сесть на самолет в 22.30, прилетающий в город в 6.30 следующего дня. Но если она разговаривала со своим мужем в четверг, почему же тогда она сказала Карелле, что в последний раз говорила с ним во вторник, когда сообщила ему время своего прибытия?

Карелла снова снял трубку и набрал номер Сьюзен Ньюмен. Телефон прозвонил раз десять. Карелла уже собирался повесить трубку, когда запыхавшийся голос Энн Ньюмен ответил:

— Алло?

— Миссис Ньюмен?

— Да. Минутку, пожалуйста.

Карелла подождал.

Когда Энн снова взяла трубку, она сказала:

— Извините, я была в душе. Кто это спрашивает?

— Детектив Карелла.

— А, здравствуйте!

— Если я не вовремя…

— Нет, все в порядке. В чем дело?

— Миссис Ньюмен, передо мной лежит телефонный счет, из которого следует, что ваш муж звонил в отель «Беверли-Уилшир» седьмого августа — то есть в четверг — в 18.21 по нашему времени, в 15.21 по калифорнийскому.

— И что? — спросила она.

— Когда мы говорили с вами в прошлую пятницу, вы мне сказали, что в последний раз разговаривали с мужем во вторник, пятого августа. Не так ли?

— Да, именно тогда я с ним и разговаривала.

— Но ведь он, видимо, звонил в «Беверли-Уилшир» в четверг, седьмого?

— Во сколько он звонил, вы говорите?

— В 15.21 по Калифорнии.

— Меня не было, — сказала она.

— Вас не было?

— Да, я уходила гулять.

— Понятно. А когда вы вернулись к себе?

— Наверно, незадолго до пяти.

— Перед тем, как вы позвонили своей свекрови, так?

— Да. Я много размышляла в тот день, и мне хотелось обсудить с ней принятое решение.

— Понятно. А вам не передавали, что вам звонил муж?

— Мне никто ничего не передавал.

— Значит, вы не знали, что он пытался с вами связаться.

— Нет, я узнала об этом только от вас. Вы уверены, что он?..

— Ну, у меня тут счет за телефон, — сказал Карелла.

— Значит, в четверг он был еще жив.

— Похоже, что да.

— О Господи!

— Ну, спасибо вам, — сказал Карелла. — Я просто хотел проверить. Простите, что побеспокоил.

— Ничего-ничего, — ответила Энн и повесила трубку.

Карелла подумал о том, что скажет муниципалитет по поводу всех его междугородных звонков, послал муниципалитет к черту и позвонил в отель «Беверли-Уилшир» в Лос-Анджелесе. Дежурный сообщил ему, что все, что передают по телефону клиентам, записывается, один экземпляр послания кладется в личный ящик постояльца через несколько

минут после звонка, а другой просовывается под дверь вскоре после этого. Дежурный не думал, что клиент, пришедший в отель около пяти, мог не увидеть сообщения о звонке, имевшем место быть в 15.21.

Карелла поблагодарил и повесил трубку. Через полчаса ему позвонили из Комиссии по наследствам. Звонила служащая отдела распоряжения наследством по имени Хестер Этгингер, которую Карелла вчера попросил проверить, оставил ли Джереми Ньюмен завещание. В этом штате закон требовал, чтобы завещанию давался ход в течение десяти дней после известия о смерти. Большинство адвокатов внимательно следят за колонками некрологов в газетах, чтобы вовремя узнать, не усоп ли накануне кто-нибудь из их клиентов. И поскольку большинство простых смертных плохо разбираются в законах, если у них на руках окажется завещание или даже если им просто придется подписывать чье-то завещание в качестве свидетелей, они скорее всего обратятся к своему адвокату, чтобы спросить, что им делать. Так что большинство завещаний — конечно, кроме тех, которые хранятся на дне колодца или под половицей, — так или иначе попадают в Комиссию по наследствам. Завещание Джереми Ньюмена поступило туда вчера.

— Это завещание должно быть предано огласке, — сообщила мисс Эттингер, — так что вы можете в любое время прийти и ознакомиться с ним.

— А не могли бы вы зачитать его мне по телефону? — попросил Карелла.

— Ну-у…

— Я расследую убийство, — позволил он себе маленькую ложь. Мысленно он давно уже считал этот случай именно убийством. — Это сбережет мне уйму времени.

— Я его только просмотрела, — сказала мисс Эттингер. — Если не вдаваться в подробности, можно просто сказать, что по завещанию все отходит человеку по имени Луи Керн.

— Он единственный наследник?

— Да.

— А кто должен наследовать имущество после Керна?

— Жена Керна и двое его детей.

— А вы не знаете, кем представлено завещание?

— Его зовут Чарльз Вебер. Я так понимаю, он адвокат. Завещание прислано в голубой папке, и на папке стоит название адвокатской конторы — «Вебер, Герцог и Ллевеллин». Ллевеллин — с двумя «л»…

— Вы сказали «Герцог»?

— Что-что?

— Один из партнеров — Герцог?

— Да, Герцог.

— А как пишется?

Мисс Эттингер произнесла по буквам.

— А адрес там указан?

— Адрес — Айсола, Холл-авеню, 847.

— Спасибо вам большое! — от души сказал Карелла.

— Да не за что, — ответила мисс Эттингер и повесила трубку.

* * *

Адвокатская контора «Вебер, Герцог и Ллевеллин» располагалась на двадцать восьмом этаже здания в самом сердце Айсолы. Внутри здания царила блаженная прохлада — окна были заделаны наглухо, и на всех сорока двух этажах работали кондиционеры. Замечательная система — когда нет перебоев с электричеством. Но если электрическая компания ощутит перегрузку сетей — а такое частенько случалось в эту треклятую жарищу, — пиши пропало. В этом случае открыть окно оказывалось невозможно, и небоскреб превращался в сорокадвухэтажную парилку. Но зато выброситься из окна этого

небоскреба было сложновато.

Карелла позвонил Чарльзу Веберу около десяти, и ему ответили, что адвокат очень занят и сможет уделить ему не более получаса перед ленчем. Когда Карелла приехал, Вебер беседовал с клиентом. Он позвонил секретарше и попросил ее впустить Кареллу только без четверти одиннадцать. Чарльз Вебер был представительный мужчина немного за пятьдесят, с седеющими темно-русыми волосами и проницательными голубыми глазами. На нем был бледно-голубой, под цвет глаз, тропический костюм и белая рубашка с голубым же, но более темным галстуком. Из-под левого лацкана пиджака выглядывала вышитая темно-синим монограмма «ЧПВ». Он восседал за большим, не заваленным бумагами столом в просторном кабинете с двумя окнами, выходящими на авеню и на западную оконечность Гровер-парка. Приятно улыбнулся, взглянул на часы, чтобы показать Карелле, что тому следует быть кратким, и спросил:

— Чем могу служить, мистер Карелла?

— Мистер Вебер, я расследую предполагаемое самоубийство Джереми Ньюмена. Насколько я понимаю, вы…

— Предполагаемое? — переспросил Вебер.

— Да, сэр, предполагаемое.

— Насколько я понял, он скончался от смертельной дозы барбитуратов…

— Да, сэр, это так. Но дело еще не закрыто как доказанное самоубийство.

— Понимаю.

— Мистер Вебер, насколько я понимаю, вы вчера передали его завещание в Комиссию по наследствам.

— Да.

— Вы сами его составляли?

— Да.

— Если не ошибаюсь, по завещанию все имущество отходит человеку по имени Луи Керн?

— Да.

— Кто такой этот Керн, сэр?

— Владелец «Галереи Керна».

— Это картинная галерея?

— Да, и притом очень знаменитая и влиятельная.

— А где она находится?

— Здесь, в городе. Более того, на этой же улице.

— Не можете ли вы мне сказать, сколько унаследует мистер Керн?

— Полагаю, я не обязан этого делать, мистер Карелла.

— Мне уже известно, что мистер Ньюмен унаследовал от своего отца картины на сумму в несколько миллионов долларов. Это было всего два года назад. Могу ли я предположить…

— Не буду создавать вам лишних трудностей, — улыбнулся Вебер. — Пожалуй, вы можете предположить, что наследство стоит по меньшей мере два миллиона долларов.

— И мистер Ньюмен оставил все это Луи Керну.

— Да.

— Почему?

— Почему? Мистер Карелла, ваш вопрос мне неясен. Любой человек имеет право сам избрать своего наследника.

— В обход своей жены? Своей матери? Своего брата?

— Его жена получит внушительную страховку.

— Сколько?

— Сто тысяч долларов.

— То есть он оставил сотню тысяч своей жене и два миллиона постороннему человеку?

— Мистера Керна нельзя назвать посторонним человеком. Когда Лоуренс Ньюмен был

жив, он все свои работы выставлял в «Галерее Керна». На самом деле именно мистер Керн оценил оставшиеся после него картины и позднее помог Джерри продать часть из них.

— То есть Джерри испытывал к нему благодарность.

— Да.

— Которую он оценил в два миллиона долларов.

— Мы только составляем завещание, — сказал Вебер. — К его содержанию мы никакого отношения не имеем. Мистер Ньюмен избрал своего наследника. Завещание составлено согласно его желанию. Лично мне его требования не понравились, но…

— Почему нет?

— Видите ли, я не знаю, знакомы ли вы с законами относительно наследства, действующими в нашем штате…

— Незнаком.

— Я изложу вам их так же кратко, как самому мистеру Ньюмену. В нашем штате, если человек принимает решение оставить наследство кому-либо в обход своей жены, она все равно получает долю наследства, не меньшую, чем если бы он скончался, не оставив завещания. Иными словами, даже если он не включит ее в завещание, она может получить половину наследства, чтобы утвердить свое избирательное право.

— И вы объяснили все это мистеру Ньюмену?

— Да.

— И какова была его реакция?

— Он, видимо, стремился таким образом наказать ее.

— Наказать?

— Да. Он настаивал на том, чтобы вообще исключить ее из завещания. Принимая во внимание его намерения, я предложил ему альтернативную возможность.

— Какую?

— Ну, если хотите, своего рода обходной маневр. Он мог бы оставить жене минимальную сумму, необходимую для обеспечения избирательных прав. Если причитающаяся ей доля наследства составит более двух тысяч пятисот долларов — а в данном случае это, разумеется, так и есть, — он по закону имеет право оставить ей две тысячи пятьсот долларов наличными, а остальные деньги положить на депозит на ее имя, с пожизненной выплатой процентов.

— Но он на это не согласился.

— Он сказал, что не желает оставлять ей ни гроша. Сказал, что остается надеяться на то, что она не пожелает утверждать свое избирательное право. И настаивал, чтобы все его наследство перешло к Луи Керну.

— И именно на этих основаниях вы и составили завещание.

— Именно на этих основаниях. Обязанность адвоката — давать советы. Но клиент, разумеется, вовсе не обязан им следовать. Я полагаю, что он совершил ошибку. Если бы он принял мое предложение, она получила бы ту же самую половину наследства, которую теперь получит по закону. А наказание было бы куда ощутимее.

— Почему?

— Ну, ведь выдача денег растянулась бы на много лет. Всего лишь проценты с депозита. В качестве кругленькой суммы наличными она бы их никогда не получила. Разумеется, утверждение избирательного права повлечет за собой расходы на адвокатов, тяжбы и тому подобное. Возможно, именно на это он и рассчитывал. Причинить ей как можно больше неприятностей и хлопот.

— Мистер Вебер, а с чего бы ему желать ей неприятностей?

— Понятия не имею.

— А вы его не спрашивали?

— Советы по семейным проблемам не моя специальность.

— А у них были семейные проблемы?

— Мистер Ньюмен пил.

— Я знаю. Но, насколько мне известно, Энн Ньюмен была преданной и любящей женой, и…

— Я не спрашивал у мистера Ньюмена, почему он пожелал изменить свое завещание. Я просто дал ему советы относительно существующих законов и следовал его пожеланиям.

— Мистер Вебер, а когда он составил это новое завещание?

— Где-то в прошлом месяце.

— В июле?

— Да.

— А не могли бы вы сообщить мне точную дату?

— Конечно, — сказал Вебер и нажал кнопку на интеркоме. — Мисс Уэлан! — сказал он. — Не могли бы вы сообщить мне дату составления завещания Джереми Ньюмена?

И отключился, не дожидаясь ответа.

— А Луи Керну известно, что он унаследует такую большую сумму денег? — спросил Карелла.

— Я уверен, что ему сообщили.

— Кто ему сообщил?

— Наверное, отдел доверенностей «Первого свободного банка». Этот банк назначен душеприказчиком покойного.

— А когда это должно было произойти?

— Вчера. Я вчера позвонил им и сообщил о кончине мистера Ньюмена и напомнил им, что они назначены душеприказчиками.

— И вы полагаете, что они в свою очередь позвонили Луи Керну?

— Я так думаю. Вам, мистер Карелла, видимо, представляются сцены из фильмов, где все сидят в конторе адвоката и ждут, когда зачитают завещание. Но такого почти никогда не бывает. Обычно наследнику сообщается об этом письмом, иногда по телефону. Даже в таком случае, как сейчас, когда мистер Ньюмен потребовал, чтобы завещание держалось в секрете до его кончины…

— А оно должно было держаться в секрете?

— Конечно.

— Мистер Вебер, является ли некий Герцог членом вашей фирмы?

— Да, это один из наших старших партнеров.

— А как его зовут?

— Мартин.

— Мартин Герцог.

— Да.

— Он не в родстве с Джессикой Герцог?

— Это его сестра.

— Понятно.

— На самом деле, это он и познакомил ее с Джерри. Ох, как же давно это было! — Вебер неожиданно улыбнулся. — А-а, мистер Карелла, я по вашему лицу вижу, что вы углядели здесь конфликт интересов? Зря.

Мой клиент попросил меня составить для него завещание. Тот факт, что некогда он был женат на сестре одного из партнеров нашей фирмы, не имеет никакого отношения ни к содержанию завещания, ни к нашему стремлению соблюсти интересы клиента.

— Угу… — сказал Карелла.

— На самом деле у нас действует правило, что ни наша фирма, ни один из ее работников не может быть назначен душеприказчиком составленного нами завещания. Это правило установлено именно затем, чтобы избежать даже предположения о возможности конфликта интересов.

— Значит, вы считаете, что мисс Герцог ничего не знала об этом завещании.

— Я в этом твердо уверен.

— Вы думаете, что мистер Герцог не мог упомянуть об этом в разговоре с сестрой?

— Нет, конечно.

Зажужжал звонок интеркома. Вебер нажал на кнопку.

— Да?

— Я нашла дату, сэр, — сообщил женский голос.

— Да, мисс Уэлан.

— Восемнадцатое июля, сэр.

— Спасибо, — сказал Вебер и отключился. — Восемнадцатого июля, — сказал он Карелле.

— Ровно за три недели до того, как его нашли мертвым в его квартире, — заметил Карелла.

— Да, вроде бы так.

— Ну, спасибо вам большое, — сказал Карелла. — Не буду отнимать у вас лишнего времени…

— Ну что вы! — сказал Вебер и посмотрел на часы.

Глава 7

Когда Джессика Герцог открыла им дверь в три часа того же дня, она была ничуть не похожа на капитана израильской армии. Карелле подумалось, что она похожа на танцовщицу из фильма о театральной жизни тридцатых годов. Клинг подумал, что она похожа на теннисистку. На ней были коротенькие белые шорты, обтягивающие бедра и привлекающие внимание к длинным ногам с великолепным загаром. Еще она была одета — если это называется «одета» — в белую топ-маечку с оборками, подчеркивающую роскошную грудь. Белые сандалии на высоких каблуках, с ремешками по колено, добавляли еще пару дюймов к ее и без того не маленькому росту. Лицо и обнаженные плечи блестели от пота. Она извинилась за свой вид — им обоим показалось, что неискренне, — объяснила, что загорала на балконе, и пригласила в дом.

— Хотите холодного чая? — спросила она. — Только что приготовила.

— Да, пожалуйста, — сказал Карелла.

— Пожалуйста, — повторил Клинг и кивнул ей. Она ушла на кухню.

Стены квартиры были увешаны картинами. Карелла сразу решил, что картины, должно быть, весьма ценные. В искусстве он разбирался плохо, но однажды читал статью об аукционах — по сравнению с этим торговые сделки большого бизнеса были мелочью, вроде детской торговли фантиками. Если верить той статье, влиятельные маклеры и критики даже средненького художника могут раскрутить так, что его картины будут продаваться по бешеным ценам. Интересно, этот Лоуренс Ньюмен, после которого осталось картин на два миллиона, тоже был обязан своей славой подобной рекламной кампании? Кроме картин, в комнате было множество скульптур — на подставочках и столиках. Несколько бронзовых статуэток — обнаженная натура, а в основном абстракции. Карелла подумал, что, наверно, самые непонятные как раз и стоят настоящих денег. С потолка перед раздвижными застекленными дверьми, ведущими на балкон, свисала большая металлическая конструкция — нарочно, что ли, так подвесили, чтобы об нее лбом стукаться?

— Выйдем на воздух? — предложила Джессика.

Она принесла поднос с тремя стаканами холодного чая, в котором плавали ломтики лимона. Темно-янтарный чай, бледно-желтый лимон, белые шорты, майка и сандалии — казалось, все было нарочно подобрано так, чтобы подчеркнуть великолепный загар Джессики, точно так же, как белые стены гостиной подчеркивали колорит картин, висящих на них, и изящество скульптур, витающих в пространстве. Джессика и сама, казалось, не шла, а витала. Она подплыла к раздвижным дверям, подождала, пока Клинг отодвинет одну из створок, провела детективов на балкон и опустила поднос на круглый столик, рядом с которым стояли два шезлонга.

Отсюда раскинувшийся внизу город казался почти раем.

— Ну вот, — сказала Джессика. — Пожалуйста, угощайтесь. Сахар я не положила. Хотите сахару?

— Нет, спасибо, — сказал Карелла.

— Спасибо, не надо, — сказал Клинг.

— Действительно жарко, — вздохнула Джессика, протирая смятой освежающей салфеткой шею и грудь в вырезе майки. — Присаживайтесь, пожалуйста. Я сейчас принесу еще один стул.

Она раздвинула дверь, вернулась в гостиную, вскоре вышла со стулом с прямой спинкой и поставила его у низкой ограды балкона. Детективы по-прежнему стояли.

— Садитесь, — повторила она, указывая на шезлонги.

Оба сели.

— Ну, — сказала она, — так о чем вы хотели поговорить? Вы мне сказали по телефону, что появилась новая информация…

— Да, мисс Герцог, — сказал Карелла. — Сегодня утром я узнал от адвоката вашего бывшего мужа, что он оставил все свое состояние человеку по имени Луи Керн. Более двух миллионов долларов.

— Ну, меня это не удивляет, — сказала Джессика. — Картины его отца, знаете ли, стоят довольно дорого.

— Мисс Герцог, адвокатская контора, которая составляла завещание для мистера Ньюмена, называется «Вебер, Герцог и Ллевеллин».

— И что?

— В этой фирме работает ваш брат.

— И что?

— Мистер Ньюмен изменил свое завещание восемнадцатого июля, за три недели до того, как его нашли мертвым в его квартире на Сильвермайн-Овал.

— И какое отношение это имеет ко мне или моему брату?

— Вы знали, что мистер Ньюмен изменил завещание?

— Нет, конечно!

— Брат вам об этом ничего не говорил?

— Разумеется, нет. Во всяком случае, какое отношение это имеет ко мне? Разве я тоже что-нибудь унаследовала?

— Насколько мне известно, нет. А что, вы что-то унаследовали?

— Нет, конечно.

— Вы знаете Луи Керна?

— Нет. Кто он такой?

— Он владелец картинной галереи. Здесь, в Айсоле.

— Я его не знаю.

— Но вы ведь общались с миром искусства…

— И что?

— …пока еще были замужем за Джерри?

— Да, общалась.

— Разве вы не знали, что его отец выставлял свои картины в «Галерее Керна»?

— Может, и знала.

— Да или нет?

— Почему я вообще должна отвечать на подобные вопросы? — возмутилась Джессика. — Это что, нацистская Германия?

— Нет, мэм, — сказал Карелла. — Но неужели вам так трудно ответить на простой вопрос относительно картинной галереи?

— Вы хотите сказать, что я знала о завещании Джерри! Вы хотите сказать, что завещание связано с его смертью!

— Я просто спрашиваю, знали ли вы, что ваш свекор выставлял свои картины в «Галерее Керна».

— Нет, вы спрашиваете о том, говорил ли мне брат о завещании Джерри. А я ведь вам уже сказала, что нет. Почему же вы…

— Мисс Герцог, — медленно произнес Карелла, — это не Агата Кристи.

— Что-что?

— Я государственный служащий, у меня работа. Мне вовсе не нравится таскаться по городу в такую жарищу, мне не нравится распутывать отношения между братьями и сестрами, которые могут привести, а могут и не привести к нарушению конфиденциальности. Честно, не нравится. Я бы предпочел загорать тут, на балкончике, и попивать холодный чаек. Но ваш бывший муж умер через три недели после того, как изменил завещание. Если кто-то знал об этом до того, как…

— Я ничего не знала!

— Я вовсе не хочу сказать, что вы имеете отношение к…

— Не имею!

— Но если вы знали о завещании и если вы сообщили об этом человеку, который мог извлечь выгоду из…

— Я незнакома с этим Луи Керном. Я не знала о завещании. Вы что, забыли: это я сказала вам, что Джереми не мог принять таблетки по доброй воле?

— Нет, мисс Герцог, не забыл.

— А теперь вы подозреваете, что я или мой брат имеем отношение к его смерти. Из-за этого завещания. Хотя это именно я пришла к вам, детектив Карелла, сказать, что он не мог покончить жизнь самоубийством, приняв…

— Да, мисс Герцог, я знаю.

— Я не обязана отвечать на ваши вопросы!

— Мисс Герцог…

— Здесь вам не нацистская Германия! — повторила она и вдруг расплакалась.

Для обоих детективов это было полной неожиданностью.

— Не надо было мне к вам приходить вообще, — всхлипнула она. — Я просто думала исполнить свой гражданский долг, а вместо этого…

Она на ощупь нашарила смятую салфетку, засунутую за вырез майки, и принялась вытирать глаза.

— А теперь у всех у нас будут неприятности. Зря я вообще к вам полезла. Нечего было соваться не в свое дело.

— У всех нас? — переспросил Карелла.

— Да! — всхлипнула она, вытирая глаза. — У меня, у Луи, у всех нас…

Детективы переглянулись.

— Вы имеете в виду Луи Керна?

— Ну да, — сказала она. — Господи, ну зачем я к вам пришла? Теперь начнутся сплошные неприятности!

— Какие неприятности, мисс Герцог?

— Он женат, у него двое детей…

Они ждали.

— Мы любовники.

Детективы по-прежнему молчали.

— Уже много лет. И когда брат сказал мне, что Луи может унаследовать такую огромную сумму, я, естественно… Ну, мы же любовники… Я ему сказала.

— Значит, вы все-таки знали о завещании.

— Да.

— Когда ваш брат сообщил вам об этом?

— Только на той неделе.

— И вы сказали мистеру Керну?

— Да.

— Когда?

— В прошлый четверг. Когда мы были вместе.

Карелла кивнул.

— Теперь будут неприятности, — повторила Джессика. — Я знаю.

* * *

«Галерея Керна» находилась на широкой прямой, как стрела, улице, ведущей от моста Маджеста на южном берегу Айсолы к докам на реке Гарб на севере. В витринах галереи висели картины французских импрессионистов и афиша, извещавшая прохожих, что нынешняя выставка открылась шестого августа и продлится до конца месяца. Карелла с Клингом остановились у стола сразу за дверью и спросили у блондинки, продававшей билеты, где можно найти мистера Керна. Она направила их в офис на третьем этаже.

Они сели в лифт, поднялись на третий этаж и оказались в большом помещении размером с остров Гуадалканал, заставленном чем-то вроде обломков полудюжины бомбардировщиков времен второй мировой. На стене висел плакат с фотографией одного из бомбардировщиков, извещавший, что это произведение скульптора по имени Манфред Уиллс. Детективы прошли мимо останков задней турели, из которой выглядывал покореженный пулемет. За башенкой оказалась скромная табличка с надписью «Офисы» и маленькой стрелкой, указывавшей налево, к двери с аркой. В конце коридора Карелла предъявил свою бляху молодой брюнетке за столом.

— Нельзя ли встретиться с мистером Керном?

— Как о вас доложить, джентльмены?

— Детективы Карелла и Клинг, восемьдесят седьмой участок.

Девушка встала из-за стола. Стоя она оказалась выше, чем они сперва подумали. На ней были сшитые на заказ брючки в обтяжку, подчеркивавшие ее высокую, стройную фигурку. Она ушла — и тут же вернулась обратно. Сообщила Карелле, что мистер Керн говорит по телефону, но скоро сможет их принять.

— Можно еще раз на нее взглянуть? — попросила она. — На вашу бляху.

Карелла показал ей бляху и закатанное в пластик удостоверение.

— Ух ты! — сказала девушка. — А знаете, я такую штуку в первый раз вижу. Там так и написано — «Детектив»?

— Да, — сказал Карелла.

— Ух ты! — повторила она. Телефон у нее на столе зазвонил. Она сняла трубку, выслушала и сказала детективам: — Входите.

Луи Керн сидел за белым столом в современном стиле. Стены его кабинета были увешаны абстрактными картинами. В буйстве ярких красок совершенно терялся сам Керн — обычный бесцветный человек. Несмотря на то, что на дворе стояла жара под сто, на нем был темно-серый фланелевый костюм и белая рубашка с черным шерстяным вязаным галстуком. Он был лыс, только над ушами торчали пучки седеющих волос. Судя по его бледному, почти прозрачному лицу, на пляже он бывал не часто. Карелла прикинул, что ему, должно быть, под семьдесят или где-то около.

— Мистер Керн, — сказал он, — мы расследуем самоубийство Джереми Ньюмена. Не могли бы вы уделить нам немного времени?

— Да, конечно, — ответил Керн.

У него был густой хриплый голос заядлого курильщика. В пепельнице на столе красовалась груда окурков. Керн распечатал новую пачку сигарет без фильтра, предложил их Карелле и Клингу — оба покачали головой — и закурил сам. Над головой Керна поднялось облако дыма, того же цвета, что волосы у него над ушами.

— Мистер Керн, — спросил Карелла, — известно ли вам, что по завещанию мистера Ньюмена вы являетесь его наследником?

— Известно, — ответил Керн.

— Когда вы узнали об этом?

— Вчера. Мне позвонили из банка.
— Сказали ли вам, сколько именно вам предстоит унаследовать?
— Да. Более двух миллионов.
— Вас это удивило?
— Что, сумма? Нет. Я знал, что Джерри преуспевает.
— Нет, тот факт, что вы назначены единственным наследником.
Керн поколебался.
— На самом деле нет, — сказал он наконец. — Честно говоря, не очень.
— Значит, вы знали об этом до того, как вам позвонили из банка?
— Да, знал.
— Вы узнали о завещании от Джессики Герцог?
Керн был застигнут врасплох.
— Мистер Керн!
— Да, — кивнул он. — Джессика сказала мне об этом на той неделе.
— Как бы вы определили свои отношения с ней, сэр?
Керн снова заколебался. Потом вздохнул и сказал:
— В последние пять лет мы находимся в очень близких отношениях.

Выражение «близкие отношения» показалось Карелле ужасно старомодным. Старик Керн мог бы употребить его в те времена, когда по улицам Айсолы еще ездили кабриолеты, запряженные лошадьми. Но в двух миллионах долларов в городе, где могут убить человека за пару баксов — все, что отыщется в кошельке жертвы, — ничего старомодного не было. Два миллиона долларов — это вам не тыквенные семечки. Джерри Ньюмен подписал свое новое завещание восемнадцатого июля, а Луи Керн узнал об этом в четверг, перед тем как Ньюмена нашли мертвым.

— Мистер Керн, — сказал Карелла, — я хотел бы, чтобы вы рассказали мне обо всех своих перемещениях в четверг, седьмого августа.

— Что-что?

— Я говорю, я хотел бы, чтобы вы…

— Я слышал, что вы сказали, но почему я должен сообщать вам подобную информацию?

— Потому что я — офицер полиции, проводящий расследование в установленном порядке, и был бы очень благодарен вам за содействие.

— То есть вы предполагаете, что, поскольку я знал, что мне предстоит унаследовать крупную сумму денег, я…

— Нет, сэр, не предполагаю.
Керн пожал плечами.
— Ну, мне скрывать нечего.
И снова пожал плечами.
— Прекрасно, сэр. Тогда не можете ли вы сказать…
— Сейчас, достану свой календарь, — перебил его Керн.

В послеобеденной тишине сурового белого кабинета Карелла с Клингом склонились над календарем-ежедневником Керна, в котором были расписаны встречи на неделю, предшествовавшую обнаружению трупа. Они начали с прошлого четверга, седьмого августа, когда Джерри Ньюмен позвонил в Калифорнию в 18.21.

В календаре Керна на этот день были назначены встречи на десять, одиннадцать и двенадцать часов. Он объяснил, что люди, с которыми он встречался, — это, соответственно, художник, владелец галереи в Палм-Бич и хранитель частной коллекции из Бостона. На время ленча у него была назначена встреча с человеком, обозначенным просто как Дж. Г. — теперь Керн признался, что это была Джессика Герцог. После ленча он поехал к ней на квартиру, где, помимо прочих радостей, узнал приятную новость, что после смерти Джерри Ньюмена ему предстоит унаследовать два миллиона долларов. В четыре часа того же дня он встретился с человеком, желавшим продать галерее обширную коллекцию искусства

доколумбовских времен.

В шесть часов в тот же вечер он был на коктейле, а шесть тридцать отправился обедать — все это вместе женой и несколькими друзьями, которых Керн перечислил поименно. Потом они пошли на премьеру мюзикла «Капер» — если верить отзывам, появившимся в газетах на следующее утро, это была очередная безнадежная попытка скрестить музыку с мистерией. Когда они дошли до этого пункта в календаре, Керн высказал свое собственное мнение — музыка хреновая, содержание матерное. Он сообщил также, что после мюзикла они отправились к «Баффину» — в ресторан, где бывают в основном артисты и прочая театральная публика, и пробыли там до часа ночи. К этому времени уже вышли утренние газеты с отзывами; телевизионные критики тоже высказали свое мнение, и мюзикл был обречен.

— Со мной была моя жена, — сказал Керн. — И еще человек пятьсот.

— Куда вы отправились после «Баффина»? — спросил Клинг.

— Прямо домой.

— А где вы живете, мистер Керн?

— На Южной Маккормик, дом 1241.

— В доме есть швейцар?

— Есть. Он видел, как мы с женой возвращались в квартиру.

— Во сколько примерно это было?

— Около половины первого.

— А во сколько вы ушли из дома на следующее утро?

— В половине десятого.

— И куда вы направились?

— Прямо сюда, в галерею.

Керн казался таким же чистеньким, как его блестящая лысина. Детективы поблагодарили его за помощь и снова спустились в уличное пекло. Карелла забыл опустить табличку «Машина принадлежит полицейскому управлению», и какой-то ретивый патрульный уже успел сунуть под «дворник» извещение о штрафе за неправильную парковку.

— Класс! — сказал Карелла, отпер дверь и наклонился, чтобы отключить охранное устройство, расположенное со стороны пассажирского сиденья. Заводя мотор, он спросил: — Ты еще не говорил с Огастой?

— Говорил, — ответил Клинг. — Сегодня ночью.

— И?

— Мы во всем разобрались. — Он поколебался и добавил: — Все нормально.

Карелла пристально взглянул на него.

— Ну и хорошо.

— Все нормально, как ты и говорил.

— Хорошо, — повторил Карелла, но еще раз взглянул на Клинга перед тем, как влиться со своей машиной в сплошной поток автомобилей.

* * *

В тот же вечер без десяти девять Клинг стоял у дома на Хоппер-стрит и смотрел на его фасад. Первый этаж, второй, третий, четвертый, пятый, шестой. На каждом этаже, начиная со второго, по четыре окна. 3 окнах на четвертом и пятом этажах сейчас света не было. «Какие-нибудь ателье», — подумал Клинг. Быть может, она все же ездила сюда по делу? Но среди шести владельцев, списанных им с таблички в вестибюле, не было ни одного названия фотоателье или чего-нибудь в этом духе. Он подошел к двери подъезда и подергал за ручку. Заперто. Клинг нашел на косяке кнопку с надписью «Швейцар» и нажал ее. Где-то внутри раздался громкий звонок. Он позвонил еще раз.

Внутри послышались шаги, приближающиеся к двери, и мужской голос крикнул:

— Иду, иду!

Клинг ждал.

— Кто там? — спросили из-за двери.

— Полиция! — сказал Клинг.

Он услышал, как повернулся замок. «Хороший замок надежный», — подумал он, глядя на замочную скважину. Дверь чуть приоткрылась. В щелке появился глаз и кусок лица.

— Покажите! — потребовал мужчина.

Клинг предъявил свою бляху.

— Детектив Атчисон, — сказал он.

Такого детектива в 87-м участке не было. Своего имени Клинг называть не стал — этот неуловимый любовник Огасты наверняка его знает. Именами своих коллег он тоже решил не пользоваться — Огаста могла упоминать о них, когда болтала в постели с этим сукиным сыном. Удостоверение он предъявлять не собирался. На бляхе его имени не было. Кроме названия участка и герба города, там стояло только «Детектив» и регистрационный номер Клинга.

Мужчина распахнул дверь.

Белый, лет шестидесяти, в майке и мешковатых хлопчатобумажных штанах. Он окинул Клинга взглядом и сказал:

— Я Генри Уоткинс, управдом. Что стряслось на этот раз?

— Ничего не стряслось, — сказал Клинг. — Можно войти?

— Как вы сказали, как вас зовут?

— Атчисон.

— Это как Атчисон в штате Миссури? — спросил Уоткинс.

— Ну да.

— Я раньше на железной дороге работал, — пояснил Уоткинс и отступил в сторону, давая Клингу пройти. — Так в чем же дело? — спросил он, закрывая и запирая дверь.

— Я ищу девочку, которая сбежала из дома, — сказал Клинг. — К нам поступили сведения, что она может находиться в этом доме.

Он обычно носил с собой под обложкой блокнота с десяток фотографий сбежавших из дому подростков, которые могли найти себе убежище на территории 87-го участка, где процветала торговля наркотиками, «травка» была зеленее и куда доступнее, чем где-либо еще в городе. Клинг достал блокнот из заднего кармана и выбрал выпускную фотографию круглощекой семнадцатилетней девчушки, улыбающейся в камеру. На конопатом носу — очки в черной оправе, светлые волосы аккуратно расчесаны, глаза блестят. Интересно, какая она теперь? Если она очутилась в городе…

Он показал фото Уоткинсу:

— Вот эта девочка. Ее зовут Хезер Лафлин. Не случалось ли вам видеть ее в этом здании?

— Да тут куча народу шляется, — сказал Уоткинс, разглядывая фотографию. — У нас здесь два фотоателье, и девицы так и снуют туда-сюда.

«Фотоателье… — подумал Клинг. — Может, Огаста все же действительно приходила сюда по делу». Он достал список имен, переписанный с таблички в вестибюле.

— Кто из них — владельцы фотоателье? — спросил он.

Уоткинс просмотрел список.

— Вот, Питер Лэнг с четвертого этажа и Эл Каравелли с пятого. Они оба фотографы.

— А почему же это не указано в табличке в вестибюле?

— Ну, если вы коп, вы это должны знать.

— Что именно?

— Грабители очень часто заходят в вестибюль и смотрят на список жильцов. Если они видят, что в доме есть фотоателье, они могут вернуться ночью и попытаться ограбить студию. Там ведь куча камер и прочей аппаратуры — загнать ее ничего не стоит. А потом, многие фотографы работают под музыку. А это дорогие стереосистемы. Фотоателье очень

часто грабят. Вы это должны знать.

— Ну, теперь буду знать, — сказал Клинг и улыбнулся. — А живут они тоже здесь? Ну, эти Лэнг и Каравелли?

— Нет, здесь они только работают. С девяти до пяти Правда, обычно они задерживаются. У меня есть их домашние адреса, если вам понадобится. На всякий случай, знаете ли. Мне надо знать, где в случае чего разыскивать своих квартиросъемщиков. Впрочем, это вы тоже должны знать.

— А как насчет остальных? — спросил Клинг и снова показал ему список.

— Ну, они тут живут.

— Кто-нибудь из них сейчас есть дома?

— Ну, вообще-то я не обязан следить, когда кто приходит и уходит. Вы должны это знать. У них у всех есть ключи от подъезда, они приходят и уходят, когда хотят. Как и везде в городе.

— Мне надо с ними поговорить, — сказал Клинг.

— Ну ладно, сейчас надену рубашку и провожу вас.

— Да нет, зачем вам беспокоиться, — сказал Клинг.

— Да ведь мне же за это и платят. Квартиросъемщикам не понравится, если кто-то будет шататься по дому без моего…

— Но я же офицер полиции! — сказал Клинг.

— Ну, вообще-то да, конечно…

— Я уверен, что они не захотят, чтобы вы…

— Ну, может, и так, — сказал Уоткинс. — На четвертом и пятом этажах света нету — это студии Лэнга и Каравелли. Поднимайтесь наверх, попытайте удачи у остальных.

Он взглянул на часы.

— Вообще-то уже почти десять, а люди не любят, когда копы ломятся к ним в дом посреди ночи. Вы должны это знать.

— Извините, но, по моим сведениям…

— Конечно, конечно, — сказал Уоткинс. — Постучитесь ко мне, когда управитесь, если это будет не слишком поздно. Я вам дам адреса Лэнга и Каравелли. И смотрите, не забудьте сказать жильцам, что я предлагал пойти с вами, слышите?

— Скажу, конечно, — ответил Клинг. — Спасибо.

— Пожалуйста, — сказал Уоткинс.

Клинг поднялся по лестнице с железными ступенями на второй этаж. Он слышал, как Уоткинс внизу закрыл и запер дверь в свою квартиру. На лестнице и площадке второго этажа было почти темно. На площадку выходила только одна дверь. Клинг подошел к ней вплотную. Звонка нет. Он постучал. Тишина. Он постучал еще раз.

— Че? — сонно спросили из-за двери. Голос был мужской.

— Полиция.

— Чего? — переспросил мужчина.

— Полиция! — повторил Клинг.

— Минуточку! — сказал мужчина.

Клинг ждал.

Дверь приотворилась, придерживаемая цепочкой.

— В чем дело? — спросил мужчина.

— Извините, можно войти? — спросил Клинг, сунув ему под нос свою бляху. — Я детектив Атчисон, полиция Айсолы. Я хотел бы задать вам несколько вопросов, сэр.

Он не назвал номера участка и почти сразу сунул бляху в свой кожаный бумажник.

— Ага, минуточку.

Мужчина снял цепочку и отворил дверь.

На нем были только спортивные трусы и кроссовки, больше ничего. Рост примерно пять футов восемь дюймов, сухощавый, лысеющий, белый, с темно-карими глазами, тонким носом и усами, черными, как и курчавые волосы на голой груди. Где-то в квартире работал

вентилятор. Клинг слышал жужжание и ощущал легкий ветерок.

— Ну, заходите, — сказал мужчина. — Не поздновато ли для визитов, а?

— Извините, сэр, но нам приходится идти по следу, как только мы на него напали.

— А что за след? — поинтересовался мужчина. — Да вы проходите, проходите.

— Извините, сэр, — повторил Клинг, заходя в квартиру. — Вы…

Он справился со списком жильцов, переписанным внизу. Квартира 1–1 — М. Лукас.

— Вы — мистер Лукас?

— Ага, Майкл Лукас, — сказал мужчина, закрыл и запер дверь, и снова набросил цепочку.

Квартира представляла собой переделанное складское помещение, которое теперь, видимо, служило одновременно и жильем, и мастерской художника. У окон, выходящих на север, стоял мольберт. Снаружи чернело ночное небо. Большая абстрактная картина заполняла комнату своими кричащими цветами. У одной стены стояла кушетка, у стены напротив — плита и холодильник. Помещение было большое. Деревянные полы уляпаны краской. У третьей стены стоял стеллаж, на котором красовалось с десяток холстов, на первый взгляд уляпанных краской столь же беспорядочно, как и пол.

— Ну, так что же у вас за срочное дело? — спросил Лукас.

— Мы ищем девочку, сбежавшую из дома, — сказал Клинг и достал из блокнота фотографию. — К нам поступили сведения, что она, возможно, живет в этом доме. Вы ее когда-нибудь видели?

Лукас посмотрел на фотографию и сразу сказал:

— Нет.

— Вы здесь один живете, мистер Лукас? — спросил Клинг.

— А при чем тут это?

— Я хотел бы знать — быть может, кто-то еще из жильцов этой квартиры видел девочку.

— Я здесь живу один.

— Вы занимаете весь этаж, так?

— Да, весь этаж.

— Я вижу, вы художник…

— Стараюсь, по крайней мере.

— Хорошая картина, — сказал Клинг, кивая на мольберт.

— Спасибо.

— Вам для этой работы требуются натурщицы?

— Для какой? — спросил Лукас.

— Ну, знаете, для этой, как ее… нерепрезентативной. Это ведь так называется?

— Обычно это называется абстрактный экспрессионизм, — сообщил Лукас.

— Вы знакомы с работами Лоуренса Ньюмена? — спросил Клинг.

Лукас удивился.

— Да, — сказал он. — А откуда вы знаете его работы?

— Да так, знаете ли, — улыбнулся Клинг. — Я иногда захаживаю в «Галерею Керна».

— Ага… — сказал Лукас и ненадолго замолчал. — Послушайте, если честно, в чем дело-то? — внезапно спросил он. — Это из-за того, что сын Ларри отравился?

— Что-что? — переспросил Клинг.

— Ну как же, его сын покончил жизнь самоубийством, об этом писали во всех газетах. Вы из-за этого пришли?

— Я ничего не знаю об этом деле, — сказал Клинг.

— Во всех газетах писали.

— Нет, я ищу девочку, которая сбежала из дома. — Клинг снова улыбнулся. — Так вы ее не видели, да?

— Не видел, — сказал Лукас.

— Вы здесь весь день проводите? — спросил Клинг.

— А зачем вам это знать?

— Потому что если она действительно живет в этом доме…

— Я здесь целый день, здесь и работаю, — сказал Лукас.

— Ее видели здесь вчера, так сообщил нам наш информатор. Вы здесь были вчера?

— Был.

Клинг для виду порылся в блокноте.

— Где-то между двенадцатью тридцатью и без четверти два?

— Я ее не видел.

— Быть может, ваша натурщица…

— Я не работаю с натурщицами.

— А к вам кто-нибудь заходил в это время?

— А вам какое дело?

— Мистер Лукас, я пытаюсь найти девочку, которая почти два года назад сбежала из своего дома в Канзасе. Это первый свежий след, на который нам удалось напасть. Я хочу найти хоть кого-нибудь, кто мог ее видеть. Я знаю, что сейчас уже поздновато обходить квартиры, но мне очень нужна ваша помощь, сэр. Ее родственники…

— Все это время я был один, — сказал Лукас.

— К вам никто не заходил?

— Никто.

— И вы ее не видели?

— Не видел.

— Спасибо вам, мистер Лукас. Я попросил бы вас еще раз взглянуть на это фото, и если вдруг вы ее увидите…

Клинг едва успел вовремя остановиться. Он уже готов был последовать обычной процедуре: выдать Лукасу свою визитную карточку и попросить позвонить в 87-й участок, если ему вдруг что-то станет известно.

— То что? — спросил Лукас.

— Я зайду еще раз через пару дней, и вы мне скажете.

— А я думал, дело срочное, — заметил Лукас.

— Я дам вам свою карточку, — сказал Клинг, — с телефоном, по которому меня можно найти.

Он снова сделал вид, что роется в блокноте, несмотря на то, что карточки он носил в отделении бумажника, вместе с бляхой и закатанным в пластик удостоверением.

— Кончились, — сказал Клинг. — Если у вас найдется листок бумаги, я вам его напишу.

— Просто скажите его мне, я запомню, — ответил Лукас.

Клинг знал, что Лукас вовсе не собирается его запоминать. Он дал ему номер центрального управления на Хай-стрит, поблагодарил Лукаса за помощь и снова вышел на лестницу. Не надо было упоминать имени Лоуренса Ньюмена. Клинг заговорил о нем только затем, чтобы разрушить враждебную настороженность Лукаса, показать ему, что он знаком с миром абстрактного экспрессионизма, а вместо этого лишь внушил ему подозрения насчет своей легенды. Больше он этой ошибки не совершит. Клинг поднялся по тускло освещенной лестнице на третий этаж. Здесь было две двери, одна напротив другой. Он нажал на кнопку звонка у двери справа. Квартира 2–1. М. Хили и М. Роузен. В квартире зазвонил звонок.

— Кто там? — спросил женский голос.

— Полиция.

— Полиция?! — Женщина была совершенно ошеломлена. Клинг подождал, пока она откроет дверь, снова представился детективом Атчисоном, мельком показал свою бляху и спросил, можно ли войти и показать ей фотографию девочки, которую он разыскивает.

Женщину звали Марта Хили.

Она была высокой, угловатой, в черных рейтузах и желтой маечке на лямках — того же цвета, что ее волосы, взбитые и уложенные в прическу на макушке. Глаза у нее были зеленые

— как у Огасты. По жилистым рукам и ногам Клинг догадался, что она танцовщица, еще прежде, чем сама Марта ему об этом сказала. В квартире была и другая женщина, маленькая темноглазая брюнетка лет двадцати с небольшим. Она была в одних трусиках и футболке. На футболке красовалась надпись «Обними меня!». Она лежала на диване у стены, листала журнал и курила. Когда Клинг вошел, она подняла взгляд — и снова углубилась в журнал.

Эта квартира раньше тоже явно была частью складского помещения, теперь разделенного на две квартиры. Одна стена была сплошь в зеркалах от пола до потолка.

— Я здесь занимаюсь, — пояснила Марта.

Нормальных стен в квартире не было — во многих квартирах, переделанных из складских помещений, архитекторы стараются сохранить первоначальное ощущение простора. Гостиная плавно переходила в спальню и кухню, а дальше находился небольшой закуток, уставленный книжными полками. Клинг почуял запах марихуаны и понял, что девушка на диване курит наркоту. В наше время люди не спешат тушить косяки при появлении представителя закона — в кинотеатрах иногда висит такое облако дыма, что вздохнешь поглубже — и закосеешь. Огаста тоже курила марихуану. Да и сам Клинг иногда покуривал.

— Не случалось ли вам видеть ее? — спросил Клинг, протягивая Марте фотографию.

— Нет, — ответила Марта. — А тебе, Мишель?

— Чего? — переспросила брюнетка.

— Ты не встречала эту девчонку где-нибудь поблизости? — спросила Марта и направилась к дивану несколько напряженной и косолапой походкой танцовщицы. Она протянула фотографию Мишель. Та принялась разглядывать ее сквозь дым марихуаны.

— Нет, — сказала Мишель. — Я ее не знаю.

— Вы большую часть времени проводите здесь? — спросил Клинг.

— То приходим, то уходим, — ответила Марта.

— А как насчет вчерашнего дня? Где-то между половиной первого и без четверти два?

— Я была на занятиях. А ты, Мишель?

— Я была здесь.

— Одна? — уточнил Клинг.

— Одна, — сказала Мишель, взглянула на него и внезапно ослепительно улыбнулась. Зубы у нее были как у зайца из мультика.

— Потому что если у вас были гости, может быть, кто-то из них…

— Гости у нас бывают только по вечерам, — сказала Марта. Она посмотрела на Мишель — та по-прежнему улыбалась. Женщины переглянулись. Клингу показалось, что Марта чуть заметно кивнула.

— Так, значит, у вас никого не было? — снова спросил он. — Между половиной первого и без четверти два?

— Нет, я сидела одна-одинешенька, — сказала Мишель, продолжая улыбаться, как заяц из мультика.

— Так, значит, вам и по ночам приходится работать? — спросила Марта, усаживаясь по-турецки на одну из подушек, разбросанных по полу.

— Ну, если дело действительно серьезное, то обычно приходится…

— Серьезное, вот как? — переспросила Марта.

— Ну, для нас…

— Слышь, Мишель, дело серьезное! — сказала Марта.

— И до скольких же вам приходится вкалывать? — спросила Мишель. Она положила свой журнал и уселась на диване по-турецки, так же, как Марта на подушке. Трусики у Мишель были голубые.

— Ну, вообще-то сейчас у меня свободное время… — сказал Клинг.

— Так, значит, вас заставляют работать даже в свободное время? — сказала Марта.

— Ну, иногда приходится…

— А как вы думаете, во сколько вы освободитесь? — спросила Марта.

— Когда обойду весь дом, — сказал Клинг. — Мне надо повидать еще нескольких человек.

— Только шестой этаж, — заметила Мишель. — Питер с Элом здесь бывают только днем.

— Да, я знаю. Это, в смысле, фотографы?

— Ага, два педика, — сказала Мишель. — А на шестом только одна квартира, много времени у вас это не займет.

— Но ведь есть еще одна квартира на этом этаже, разве нет? — спросил Клинг.

— Ага, 2–2, там Франни живет, — сказала Мишель. — Но ее почти не бывает, она все время проводит где-то на окраине, с Цуциком.

— С Цуциком?

— Ну да, это ее парень. Его зовут Фрэнк Циглер, а мы его прозвали Цуциком.

— А днем он здесь бывает? — спросил Клинг.

— Цуцик? Нет, он работает в рекламном агентстве где-то на Джефферсона.

— А как насчет Франни?

— А я и не знаю, чем она занимается, — сказала Марта. — Мишель думает, что она просто шлюха. Ой! Я все забываю, что вы коп.

— Да вы и не похожи на копа, — сказала Мишель.

— Он похож на актера или кого-нибудь такого, скажи? — добавила Марта.

— Ага, — согласилась Мишель. — Или на бейсболиста. Вы в бейсбол играете?

— А по-моему, все-таки на актера, — возразила Марта.

— Не, на спортсмена.

Женщины снова переглянулись. На этот раз Клинг был уверен, что Марта действительно кивнула.

— Не хотите чего-нибудь выпить? — спросила она.

— Нет, спасибо, мне не положено…

— Но ведь вы же сами сказали, что сейчас вы не на работе!

— Да, конечно, но фактически…

— А «травки» не хочешь? — спросила Мишель, непринужденно переходя на «ты».

— Нет-нет! — Клинг улыбнулся.

— Слушай, — сказала Марта, — а почему бы тебе не зайти сюда, когда управишься?

Клинг посмотрел на нее.

— Если, конечно, ты не против потрахаться с двоими одновременно, — сказала Мишель совершенно обыденным тоном.

— Спасибо, но… — начал Клинг.

— У нас есть водяной матрас, — заметила Марта.

— Настоящий траходром! — сказала Мишель. — А как тебя зовут?

— Джерри, — ответил Клинг. Сперва он думал, что просто выдумал это имя, но через секунду сообразил что Джерри Ньюменом звали человека, которого нашли мертвым в пятницу утром.

— Ну, возвращайся поскорей, Джерри, — сказала Марта.

— Посмотрим, — ответил Клинг и двинулся к двери.

— Слышь, Джерри, мы серьезно! — сказала Мишель.

— Спасибо, я подумаю, — ответил Клинг. — И спасибо вам за вашу…

— Тебе когда завтра на работу? — перебила Марта.

— К восьми.

— Мы тебе устроим веселую долгую ночку, Джерри! — пообещала Мишель.

— Шестой этаж ведь много времени не займет, а? — спросила Марта.

— Минут десять, не больше, верно? — сказала Мишель.

— Ну… — Клинг снова улыбнулся, подошел к двери и открыл ее. — Спокойной ночи, — сказал он.

— Пока! — сказала Марта.

— Через десять минут ждем! — добавила Мишель.

Клинг закрыл за собой дверь, услышал, как защелкнулся замок, как надели дверную цепочку. Он прижал ухо к двери.

— Как ты думаешь, он вернется? — спросила Марта.

— Конечно! — сказала Мишель.

Тишина.

— А по-моему, все это фигня, — сказала Марта. — Насчет сбежавшей девчонки.

— Конечно! — согласилась Мишель. — Ищет, с кем бы потрахаться.

Клинг ждал. Тишина. Он подождал еще. Все тихо. Он подошел к двери на противоположной стороне площадки и постучал. Квартира Франни. Это, должно быть, Ф. Харрис из списка в вестибюле. Франни, которой никогда нет дома. Франни, которая, возможно, просто шлюха. Клинг постучал еще раз. Снова никто не отозвался. Он постучал в третий раз, на всякий случай, и пошел на четвертый этаж. На площадке была только одна дверь, на которой красовалась черная пластмассовая табличка с белыми буквами: «Питер Лэнг». Один из педиков-фотографов. Клинг поднялся на пятый. Там свет вообще не горел. Он на ощупь поднялся на шестой этаж.

Человек, который отворил ему дверь, мог показаться идеализированным портретом самого Клинга. Он был чуть повыше — шесть футов три дюйма или около того, определил Клинг на глазок, — с копной белокурых волос, почти таких же, как у самого Клинга, карими глазами, мужественно-красивым, с резкими чертами лицом, с носом, ради обладания которым любой манекенщик Нью-Йорка пошел бы на преступление, подбородком с ямочкой и надменным ртом. На нем были только модельные джинсы и больше ничего. В юности он явно баловался штангой. Плечи широченные, грудь и руки вздуваются горой мускулов.

— Детектив Атчисон, — сказал Клинг. — Полиция Айсолы.

— Ну-ка, покажите еще раз, — сказал мужчина.

Клинг еще раз протянул ему свою бляху.

— Какой у вас участок? — спросил мужчина.

— Тридцать второй, — соврал Клинг.

— А где ваше удостоверение?

— Нам их заменяют на новые, — сказал Клинг.

— А старое где же?

— Пришлось сдать, чтобы получить новое, — сказал Клинг. — А в чем дело? Какие проблемы? Если хотите — можете позвонить моему лейтенанту и проверить, действительно ли я коп.

— Вам положено иметь удостоверение, — заметил мужчина.

— Эту бляху на толкучке не купишь, — сказал Клинг. — Ну ладно, забудем. Приду на той неделе, когда получу новое удостоверение. Спасибо за содействие, мистер. В такой вечер, как сегодня, одно удовольствие подниматься на шестой этаж только затем, чтобы…

— Ну ладно вам, — сказал мужчина. — Чего вы хотели-то?

— Я ищу девочку, сбежавшую из дома, — сказал Клинг.

— В этом районе то и дело происходят ограбления, — объяснил мужчина, закрывая и запирая за ним дверь. — Так что приходится быть осторожным.

— Я вас понимаю. Извините, что не могу показать вам удостоверение. Понимаете, наши дурацкие бюрократы…

— Да ладно, бросьте, — сказал мужчина.

— Вам не случалось видеть эту девочку в вашем доме? — спросил Клинг, показывая ему фотографию. — Простите, не знаю вашего имени…

— Брэдфорд Дуглас, — сказал мужчина, беря фотографию.

Брэдфорд Дуглас. Квартира 5–1. Б. Дуглас из списка в вестибюле.

— Вы ее узнаете? — спросил Клинг.

— Нет, я ее не знаю, — ответил Дуглас, возвращая ему фотографию.

— Вы здесь живете, или работаете, или?.. — спросил Клинг.

— Живу.
— А чем вы занимаетесь, мистер Дуглас?
— Какое это имеет отношение к пропавшей девочке?
— Я пытаюсь выяснить, были ли вы здесь вчера между…
— А зачем вам это знать?
— Потому что девочку видели здесь вчера где-то между половиной первого и без четверти два.
— Я здесь был только до полудня.
— Вы ушли в поддень?
— Да. Я ждал своего друга…
— Во сколько пришел сюда ваш друг?
— Сразу после двенадцати. Но какое, черт возьми, отношение это имеет к…
— Возможно, ваш гость ее видел, — сказал Клинг. — Если к вам кто-то приходил, он — или она — мог видеть эту девочку. — Он поколебался. — Вы можете мне сказать, кто это был?
— Нет.
— Почему?
— Ну, скажем так, это будет нескромно с моей стороны.
— В каком смысле?
— Ну, скажем так, брак — штука тонкая, ясно?
— А, мистер Дуглас, так вы женаты?
— Нет.
— Значит, ваш гость — или гостья?..
— Конец разговора, — сказал Дуглас.
— Мне хотелось, чтобы вы помогли мне, мистер Дуглас. Потому что, видите ли, эта девочка исчезла два года назад, и если есть человек, который мог ее видеть…
— Конец разговора, — повторил Дуглас.
— Так вы ушли в двенадцать, так?
— Немного позже двенадцати, да.
— И ваш гость остался здесь один, так?
— Я не хочу обсуждать эту тему, — отрезал Дуглас.
— А куда вы направились, когда ушли отсюда?
— На работу.
— А чем вы занимаетесь?
— Я манекенщик.
— Фотомодель?
— Да.
— Демонстрируете моды?
— Иногда моды, иногда мускулы.
— Угу, — сказал Клинг.
— А чем это поможет вам найти девочку? — поинтересовался Дуглас.
— Ничем, но…
— Вот и я думаю, что ничем. А теперь извините, я не один.
— Не один?
— У меня в комнате гость.
— Быть может, она видела…
— Это что, вопрос с подвохом?
— То есть?
— «Она». Вы пытаетесь узнать, не с женщиной ли я?
— Да нет, я…
— Ну хорошо, это женщина. Вы довольны?
— Отлично, — сказал Клинг.

— То есть?

— Могла ли она видеть девочку, которую я ищу?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вчера днем, когда, как вы говорите, здесь видели вашу беглянку, ее здесь не было.

— Ну ладно, — сказал Клинг. «Выигрыш на его стороне, — подумал он. — Если это тот самый, ты сделала неплохой выбор, Гасси».

Дуглас проводил его к двери.

— Надеюсь, вы ее найдете, — сказал он.

— Да, спасибо большое, — ответил Клинг.

Дверь за ним закрылась. Он подождал, пока Дуглас запрет дверь на замок и цепочку, а потом прижал ухо к двери.

— Все в порядке, — сказал Дуглас. — Он ушел.

Глава 8

Операция по захвату дельцов наркобизнеса была назначена на вечер среды, десять сорок пять. Незадолго до полудня все собрались в кабинете лейтенанта, и Бернс высказал мнение, что Мейер Мейер, возможно, еще не в состоянии возглавлять группу. Мейеру прострелили ногу на прошлое Рождество, и, хотя на дворе уже стоял август, Мейер все еще прихрамывал.

— Это от влажности! — говорил он коллегам. Это же ответил он и Бернсу.

— Я думал, что вам стоит пойти позади остальных, — возразил Бернс.

У лейтенанта была небольшая голова в форме пули. Серо-стальные волосы коротко подстрижены и расчесаны на косой пробор. Голубые глаза лейтенанта остановились на левой ноге Мейера, пониже коленной чашечки, пронзив ее навылет, как та пуля калибра 0,38 на прошлое Рождество.

«Остальные», о которых говорил лейтенант, расположились в кабинете лейтенанта в подчеркнуто небрежных позах. Хэл Уиллис полусидел на подоконнике. Коттон Хейз развалился на стуле рядом с книжным шкафом лейтенанта, где стояли переплетенные сборники законов. В последнее время лейтенант в них почти не заглядывал. Артур Браун стоял, прислонясь к запертой двери и сложив руки на груди. Именно они, в течение полугода занимавшиеся этим делом, должны будут первыми вломиться в подозреваемую квартиру. За этим могучим клином последуют шестеро полисменов из 87-го участка. Замыкать группу захвата будут двое отважных копов из отделения по борьбе с наркотиками.

— И как же вы собираетесь вышибать дверь? — поинтересовался Бернс.

— Правой ногой, — ответил Мейер. — Я всегда вышибаю дверь правой.

— А левая нога выдержит?

— Выдержит, лейтенант, — сказал Мейер. — Это все из-за влажности.

На лице лейтенанта отразилось сомнение.

— Если вы промахнетесь с первого удара, вас изрешетят сквозь дверь.

— С чего это я вдруг промахнусь? — осведомился Мейер. — Я не слепой, Пит, у меня всего лишь нога прострелена.

— Я имею в виду, сумеете ли вы высадить ее за один раз. Если вы ударите недостаточно сильно, эти парни внутри начнут пальбу.

— Ордер у нас есть? — спросил Уиллис.

Уиллис был самый низкорослый во всем участке — пять футов восемь дюймов без каблуков. Он едва прошел по стандартам полицейского управления в те времена, когда дюймы еще считали. А потом какой-то бывший бармен ростом пять футов шесть дюймов подал в суд на магистрат за то, что в полицейском управлении не стали даже рассматривать его заявление о приеме на работу. Он объявил, что подвергся дискриминации из-за своего

роста. После того как бармен выиграл дело, по всем полицейским участкам шутили, что скоро в полицию будут брать карликов трех футов ростом, которые смогут заворачивать пожарные краны, не наклоняясь. Но Уиллису эта шутка смешной не казалась.

— Ордер есть, — ответил Мейер.

— «Без стука»?

— «Без стука».

— В жилетах пойдем? — спросил Хейз.

В нем было шесть футов два дюйма. Длинные ноги Хейза занимали половину маленького кабинета лейтенанта. Его рыжие волосы горели огнем в падавших через окно солнечных лучах, и седая прядь на виске напоминала полоску пепла на раскаленных угольях. Хейзу зверски хотелось есть. Пока он ждал ответа лейтенанта, у него забурчало в животе, и Хейз покосился на Брауна, словно это Браун, а не он, Хейз, нарушил приличия.

— От этих чертовых жилетов больше неудобств, чем пользы, — сказал Мейер. — А вы как думаете?

— Ну, если дойдет до стрельбы…

— А может дойти.

— Ну, тогда пойдем в жилетах, — подвел черту Хейз, пожав плечами. В животе у него снова забурчало.

— Мне нужен доброволец, — ровным тоном сказал Бернс.

— Пит, это моя команда! — сказал Мейер. — Если кто-то должен выбить эту дверь…

— Давайте я вперед пойду, — предложил Браун. Он был единственным черным среди детективов. Детектив второго ранга. Браун был выше Хейза и шире в плечах. Рост шесть футов четыре дюйма, вес двести двадцать фунтов. Когда Артур Браун вышибал дверь, она действительно вылетала со свистом. Если Артур Браун вышибал дверь в Калмз-Пойнт, она перелетала мост и плюхалась в реку у Беттауна.

— Если мы пустим вперед тебя, Каролина может остаться вдовой, — возразил Хейз. — Пит, давай я пойду впереди.

— Слушайте, ну какого черта? — возмутился Мейер. — Что я вам, калека, что ли? Может, мне попросить пенсию по инвалидности?

— Риск слишком велик, — ответил Бернс.

— Вам что, доказательства требуются? — разгорячился Мейер. — Заприте вашу гребаную дверь, лейтенант, и я ее вышибу!

— Это не имеет никакого отношения к…

— А в чем тогда дело? Объясните, какого…

— Дело в том, что вы рискуете всей командой, ясно? — сказал Бернс.

— Тогда, может, мне вообще остаться дома в постели? Нет, ну какого черта?!

— Он хочет быть героем, — заметил Уиллис.

— Ну дайте ему побыть героем, — сказал Браун.

— Я уже герой! — обиделся Мейер. — Я был ранен в перестрелке! Мне вообще медаль полагается!

— Дайте ему медаль, — сказал Хейз.

— Дайте ему вышибить дверь, — сказал Уиллис.

— Щас я из него мозги вышибу! — взорвался Бернс.

— Может, мне вообще перейти в ассенизаторы? — сердито спросил Мейер. — Как вы думаете, лейтенант, я еще способен ворочать мусорные бачки?

— Мейер…

— Что Мейер, что Мейер? Это моя команда, я ее и поведу!

— А пусть впереди идет кто-нибудь из «нарков», — предложил Уиллис.

— Ага, то-то весело будет! — заметил Браун.

Бернс вздохнул.

— Но только в жилете! — сказал он.

— Ладно, в жилете, — согласился Мейер.

— Во сколько начинаем?

— Без четверти одиннадцать.

— А что так рано?

— Они собираются сразу после ужина, часов в девять — в полдесятого. Если вломиться туда незадолго до одиннадцати, они все будут в сборе, и наркотики, и деньги будут на месте.

— А француз там будет?

— Надеюсь, даже оба.

— Вы видели их у того дома?

— С прошлого месяца они не появлялись. Но Арти прослушивал телефон…

— Они туда звонили?

— Два дня тому назад, — сказал Браун. — Они там будут сегодня вечером, лейтенант, это без вопросов.

— Они говорили о деньгах.

— Тот, что с низким голосом, сказал, что он готов.

— По-английски?

— По-английски.

— Так и сказал?

— Так и сказал — готов, — кивнул Браун. — Он и в прошлом месяце говорил точно так же.

— В смысле, готов совершить сделку, — уточнил Мейер.

— Будем надеяться, — вставил Бернс.

— А что еще он мог иметь в виду? Что он готов идти на танцульки?

— А кто их знает, этих преступников! — философски заметил Бернс.

— Полисменов отобрали?

— Шесть лучших полисменов в городе, — сухо ответил Хейз.

— А кого посылает отдел по борьбе с наркотиками?

— Миллера и Джерарди, — сказал Мейер. — Я их обоих не знаю.

— Я тоже, — Бернс пожал плечами. — В котором часу они здесь будут?

— Я им сказал приезжать за час до облавы.

— Хорошо, — кивнул Бернс.

— Ну ладно. Что-нибудь еще?

— Да вроде все.

— Мне все же хотелось бы…

— А мне хотелось бы стать миллионером! — отрезал Мейер.

— А разве ты еще не миллионер? — сказал Уиллис.

— С твоими-то нетрудовыми доходами! — подмигнул Браун.

— Может, тебе еще удастся урвать кусок «дури» сегодня вечером, — сказал Хейз. — То-то ты так рвешься пойти первым! Схватишь кило героина, сунешь в карман и поминай как звали.

— Себе в задницу засунь! — дружелюбно огрызнулся Мейер.

На этом военный совет завершился.

* * *

Кабинет доктора Джеймса Бролина находился в той части города, которую местные жители ласково именовали Дурдомом и которая тянулась от южной оконечности Гровер-парка у Холл-авеню, мимо Джефферсона и до Гардена. Улица, пестревшая вывесками психоаналитиков, служила неофициальной границей между среднезажиточными кварталами на западе и пуэрто-риканскими трущобами на востоке. На пуэрто-риканской стороне Карелла повсюду видел открытые пожарные краны, расходующие впустую драгоценные запасы воды. Мальчишки в плавках поливали друг друга водой, шлепали по

лужам, скалили зубы, перекрикивались. Карелле ужасно хотелось присоединиться к ним.

Встреча была назначена на час пятьдесят, в десятиминутный перерыв между пациентами Бролина. Карелла приехал за пять минут до условленного времени. В маленькой приемной Бролина сидел человек с зонтиком. На нем были серые фланелевые брюки и теплое шерстяное пальто, под которым Карелла разглядел твидовый спортивный пиджак и свитер с треугольным вырезом. При этом казалось, что человеку довольно холодно. Может, он открыл способ не чувствовать жары? Ровно без десяти два из кабинета Бролина вышла женщина. Она посмотрела на человека в пальто, на Кареллу и ушла в маленькое помещение рядом с приемной — видимо, туалет. Карелла услышал, как щелкнула задвижка.

— Писать пошла, — сказал человек в пальто. — Она всегда писает.

— Мистер Карелла?

— Да? — отозвался Карелла, отвернувшись от человека в пальто. — Вы доктор Бролин?

— Заходите, пожалуйста.

— По-моему, сейчас моя очередь! — возмутился человек в пальто.

— Не волнуйтесь, мистер Гарфильд, это не займет много времени, — сказал Бролин.

— Вам ведь положено хранить в тайне имена пациентов! — сказал человек в пальто и повернулся к Бролину спиной. Доктор любезно улыбнулся, провел Кареллу в кабинет и закрыл за собой дверь.

Он был примерно того же роста, что и сам Карелла — ну, может, на пару дюймов выше или ниже. Но сложения более крепкого — плечи шире, шея толще.

Волосы у него были совершенно седые, так же как и ван-дейковская бородка. Карелла прикинул, что ему, должно быть, под пятьдесят или даже за пятьдесят.

— Ну что ж, — сказал Бролин. — Вы насчет мистера Ньюмена?

— Да, — ответил Карелла, продолжая стоять. В кабинете был кожаный диван, стоящий под углом к столу, единственный стул у стола и кожаное кресло напротив.

— Садитесь в кресло, — сказал Бролин.

Карелла сел.

— Так что вы хотели узнать? — спросил Бролин. — Вы извините, но нам придется быть лаконичными — у меня прием расписан по минутам…

— Понимаю, — сказал Карелла. — Доктор Бролин, я знаю, было бы неэтично обсуждать то, что говорят пациенты в этом кабинете…

— Неэтично, — кивнул Бролин.

— Но то, о чем я хочу вас спросить, касается не самой Энн Ньюмен, а ее отношений с мужем.

— Угу, — сказал Бролин.

— Так что если вы сможете ответить на некоторые мои вопросы…

— Сперва мне нужно их услышать.

— Конечно, — сказал Карелла. — Во-первых, не могли бы вы сказать, упоминала ли миссис Ньюмен о том, что ее муж может покончить жизнь самоубийством?

— Упоминала, — ответил Бролин.

Этот мгновенный ответ удивил Кареллу — он уже был готов к длинному рассуждению о конфиденциальности. Застигнутый врасплох, он кивнул и переспросил:

— Она говорила об этом?

— Да.

— Когда это было, доктор Бролин?

— Несколько раз.

— Она говорила, что боится, как бы ее муж не покончил жизнь самоубийством?

— Она говорила, что он угрожает покончить жизнь самоубийством.

— А не говорила — почему? — спросил Карелла.

— Ну, этот человек страдал алкоголизмом, — сказал Бролин. Он поставил локти на стол, сложил пальцы домиком и принялся смотреть на Кареллу поверх них. Карелла

обнаружил, что глаза у него ярко-голубые.

— Постепенно, — продолжал Бролин, — ему становилось все труднее справляться со своими проблемами. Работа помогала мало. Он был вольным художником, работал по договорам и большую часть времени проводил в одиночестве. Без обычных компромиссов и обмена мнениями — того, что называется социальными отношениями, того товарищества своего рода, которое обычно существует в атмосфере делового офиса, магазина или любой другой организации, — его проблемы сделались неразрешимыми. Я не раз предлагал миссис Ньюмен посоветовать ему обратиться за помощью. Но, по-видимому…

— Какой именно помощью?

— Психиатрической.

— И что он на это ответил?

— Он отказался. Он каждый раз отвечал ей, что вполне способен сам распоряжаться собственной жизнью. И вот… — Бролин вздохнул. — И вот он покончил с собой. Видимо, счел это лучшим способом распорядиться…

Карелла кивнул и спросил:

— Доктор Бролин, а эти угрозы покончить жизнь самоубийством имели место до составления завещания?

— Какого завещания? — спросил Бролин.

— В прошлом месяце мистер Ньюмен составил новое завещание.

— О Господи! Да он грозился покончить с собой почти все то время, что миссис Ньюмен лечилась у меня.

— То есть это не было чем-то новым.

— Вовсе нет.

— Доктор Бролин, миссис Ньюмен когда-нибудь обсуждала с вами вопрос о разводе?

— Я боюсь, что, ответив на ваш вопрос, я нарушу тайну личности пациента.

— А вам не кажется, что вы на него уже ответили?

— Возможно, — улыбнулся Бролин. — Да, она обдумывала возможность развода.

— А что вы ей посоветовали?

— Мистер Карелла, в обязанности психиатра не входит давать советы. Моя задача — помогать пациентам принимать взвешенные решения.

— Когда она впервые обсуждала с вами вопрос о разводе?

— Где-то в прошлом месяце.

— Доктор Бролин… Как вы думаете, могла ли миссис Ньюмен знать о новом завещании мужа?

— Я впервые узнал о существовании какого бы то ни было завещания от вас, несколько минут назад.

Упоминание о времени, видимо, заставило Бролина вспомнить о пациенте, ожидавшем в приемной. Он взглянул на часы.

— У меня еще пара вопросов, — сказал Карелла, тоже посмотрев на часы. — Когда миссис Ньюмен обсуждала с вами вопрос о разводе, не упоминала ли она о том, что это имеет отношение к завещанию ее мужа?

— Я же вам только что сказал…

— Я имею в виду тот факт, что мистер Ньюмен оставил все свое состояние владельцу картинной галереи по имени Луи Керн.

— Это имя никогда не упоминалось в моем кабинете.

— Доктор Бролин, я пытаюсь выяснить, могла ли миссис Ньюмен испытывать негодование…

— Негодование?

— Да, по поводу того, что муж оставил ей в наследство только сравнительно небольшую сумму страховки, в то время как в своем завещании…

— Даже если она и знала о таком завещании, здесь она о нем ни разу не упоминала.

— Доктор Бролин, с точки зрения…

— Мистер Карелла, я должен извиниться, но меня ждет пациент.

— Один последний вопрос!

— Пожалуйста.

— С точки зрения профессионала, как вы считаете, мог ли человек, испытывавший стойкое отвращение к любым медикаментам, добровольно принять смертельную дозу секонала?

— Я не могу ответить на этот вопрос, не ознакомившись подробно с историей человека, которого вы имеете в виду.

— Вы, наверно, догадываетесь, что я имею в виду…

— Мистера Ньюмена. Но я знаю о нем только то, что его жена рассказывала мне здесь, в кабинете. Мне недостает эмпирических данных, чтобы вынести профессиональное суждение.

— Понятно, — сказал Карелла и встал. Он протянул руку через стол. — Спасибо, доктор Бролин, — сказал он. — Благодарю за помощь.

— Рад был помочь, — ответил Бролин.

В маленькой приемной по-прежнему сидел человек в пальто. Когда Карелла проходил мимо, он поднял голову и спросил:

— А вы разве не пойдете писать?

— Потом, — ответил Карелла.

* * *

Вся команда по очереди зашла в туалет помочиться.

Когда они спустились вниз за снаряжением в маленькую кладовку справа от железной лестницы, часы, висящие над столом в дежурке, показывали 10.10. Карманные рации на батарейках были собственностью полицейского управления, и на них это было написано. Бронежилет же каждому детективу, который думал, что он ему может пригодиться, приходилось приобретать самому. В этом городе бронежилеты выдавались только копам из отдела тяжких преступлений; все прочие копы, которые хотели иметь бронежилеты, должны были покупать их за свои кровные баксы. На спинах жилетов были карандашом надписаны имена владельцев. Копы часто одалживали свои бронежилеты другим, менее богатым, если у тех назревало жаркое дельце. Не у всех детективов 87-го участка были свои бронежилеты, но обычно их хватало на всех нуждающихся.

Жилеты были громоздкие и неудобные и часто настолько сковывали движения, что многие детективы предпочитали рискнуть и обойтись без них. Разумеется не существует на свете копа, который считал бы себя проворнее пули, но все же в перестрелке быстрота часто имеет жизненно важное значение, так что, если не успеть пригнуться, можно получить пулю в голову — ведь на голову жилет не натянешь. Сегодня полицейские собирались надеть жилеты, только прибыв на место действия, к зданию на Калвер-авеню. Они всегда надевали их только на месте, даже когда было не так жарко, как сегодня. Детективы из отделения по борьбе с наркотиками жилетов с собой не захватили и хотели теперь одолжить жилеты в 87-м участке.

В рейде участвовали четверо детективов из 87-го участка и шестеро полисменов. Жилетов было всего восемь. Уиллис решил, что ему жилет не нужен. Шестеро полисменов разыграли оставшиеся пять жилетов. Один из них и оба «нарка» остались без жилетов. Джерарди, один из «нарков», принялся жаловаться, что в 87-м участке ведут себя не по-товарищески. Миллер, другой «нарк», заметил, что это вообще не их работа — вся слава от этой облавы достанется 87-му участку, а им придется подставлять задницу под пули, да еще без жилетов. Мейер предложил им вернуться домой к маменьке. Перед выездом все снова зашли помочиться.

Когда несколько седанов без опознавательных знаков подъехали к дому 1124 на Калвер-авеню, полицейский фургон, замаскированный под хлебный, уже стоял во дворе. Не

доезжая трех кварталов до места, все надели бронежилеты, и теперь им было тесно и неудобно. Машины затормозили у бровки, все с радостью вывалились на тротуар и, выхватив оружие, бросились к подъезду. Впереди бежал Мейер. Следом за ним, чуть позади, двигались Браун и Хейз, а за ними — Уиллис и патрульный полисмен по имени Роджер Хиггинс, который был перепуган до полусмерти. Они поднялись по лестнице, стараясь идти как можно тише. Впрочем, совершенно бесшумно такая толпа двигаться не может. Главным была скорость. Подняться на третий этаж выбить дверь, захватить их с поличным и арестовать. На площадке третьего этажа один из «нарков» споткнулся и буркнул: «Черт!» Один из патрульных шикнул на него. А потом они как-то вдруг оказались уже на четвертом. Теперь уже страшно стало не только Хиггинсу. Когда Мейер подошел к двери подозреваемой квартиры, сердце у него отчаянно колотилось. Ему было знакомо это чувство — страх перед неизвестностью. Он предполагал, что ему известно, кто ожидает их за дверью, которую он сейчас вышибет; но он не знал, сколько у противников оружия и какого.

В этом штате для того, чтобы войти в подозреваемое помещение, нужно было получить специальный ордер на обыск либо у кого-то из судей уголовного суда, либо в суде одной из высших инстанций — в Айсоле это был Верховный суд. Форма и содержание ордера были установлены законом. Если детективы, ведущие расследование, полагали, что в подозреваемом помещении могут храниться контрабандные товары — наркотики, оружие и т. п., — они могли потребовать, чтобы ордер давал право входить «без стука», то есть не представляясь и не спрашивая разрешения войти. Ордер Мейера, подписанный вчера в здании уголовного суда, давал им такое право. Но то, что они по закону имели право войти в квартиру не представляясь, не рассеивало настойчивого страха перед неизвестностью, перед возможностью внезапной смерти, подстерегающей их за запертой дверью. Мейер весь вспотел. Он прислонился к стене напротив двери, поднял правую ногу и ударил каблуком точно в замок.

Замок сломался, дверь распахнулась настежь.

— Полиция! — крикнул Мейер. — Не двигаться!

В комнате было только двое.

Оба сидели за длинным столом.

Женщина в одной ночной рубашке. И мужчина в трусах. Женщина — белая, мужчина — негр. Женщина — худая, на грани истощения. Мужчина относительно крепок, но глаза такие же стеклянные, как у женщины. На столе лежал шприц, книжечка картонных спичек, закопченная столовая ложка и два разорванных, пустых прозрачных пакетика. Когда детективы и полицейские в форме вломились в комнату, мужчина и женщина подняли головы и взглянули на детективов. Ни один не произнес ни слова. Копы разбежались по комнате, распахнули двери в другие комнаты, дверцы стенных шкафов, заглянули в маленький туалет. В квартире не было никого, кроме этих двоих, которые ошеломленно сидели за столом и молча глазели на полицейских.

— Здесь еще кто-нибудь есть? — спросил Мейер.

Женщина покачала головой.

— Как ваше имя?

— Мэри…

— А фамилия?

— Как моя фамилия? — спросила она у негра.

Тот пожал плечами.

— А вас как зовут? — спросил у него Мейер.

— Джефферсон Хилл.

— Где вы взяли «дурь»? — спросил один из «нар-ков», беря со стола прозрачный пакетик.

— Мэри! — окликнул Хилл. — Где мы это взяли?

— Хорошая «дурь», — кивнула Мэри.

— Где те парни, которым принадлежит эта квартира? — спросил Браун.

— Где эти парни, Мэри? — спросил Хилл.

— Ага, — ответила Мэри и пожала плечами.

— Столько шуму, и все из-за пары паршивых ширял! — сказал другой «нарк».

Ну что ж, раз на раз не приходится.

* * *

Огаста сказала ему, что сегодня они будут сниматься на открытом воздухе, в больнице «Лонг-Дженерал». Снимать новый стиль лыжных мод на фоне сурового каменного здания больницы и накрахмаленных белых халатов обслуживающего персонала. Огаста объяснила что реклама появится на телеэкранах не раньше декабря, но снимать ее будут заранее. Предстоящие съемки ее не очень радовали. Демонстрировать лыжные куртки в удушающую жару под светом мощных прожекторов — не лучший способ проводить летний вечер.

Клинг не поверил ни единому ее слову.

Он позвонил начальнику охраны больницы и выяснил, что ни в самой больнице, ни рядом с ней никаких съемок сегодня вечером не будет.

— Это же больница! — несколько резковато ответил ему охранник. — У нас тут больные! Только телевизионщиков нам тут не хватало.

Клинг вежливо поблагодарил охранника, подивился беспардонному вранью Гасси и еще некоторое время сидел за своим столом в помещении для детективов, глядя в окно и прислушиваясь к приглушенным звукам летней ночи. Через некоторое время он попрощался с Кареллой, спустился вниз, сказал Мерчисону за столом в дежурке, что уходит, прошел два квартала до станции подземки на Гровер-авеню и поехал в центр.

На втором этаже здания на Хоппер-стрит, в квартире, принадлежащей художнику Майклу Лукасу, свет не горел. На третьем этаже тоже — Марта и Мишель скорее всего бродили по городу, а Франни, предполагаемая шлюха, была Бог весть где. Он ожидал, что в фотоателье на четвертом и пятом этажах будет темно — и так оно и было. Но в квартире на шестом этаже, принадлежавшей человеку, который демонстрировал «иногда моды, иногда мускулы», человеку по имени Брэдфорд Дуглас, с могучими мышцами и гривой белокурых волос, — в этой квартире свет горел во всех окнах вдоль верхнего этажа здания. Клинг испытывал большое искушение подняться туда и вышибить дверь — безо всякого там ордера с правом на вход «без стука», просто вышибить эту проклятую дверь и найти там Огасту.

Он стоял на противоположной стороне улицы в тени, футах в тридцати от единственного фонаря на углу. Магазины и рестораны вдоль улицы уже закрылись на ночь. Было около одиннадцати, а Огаста отправилась на свои «съемки» без четверти девять. Клинг смотрел на освещенные окна. И на месте окон перед его мысленным взором возникли экраны, на которых демонстрировали порнографию. Огаста в одном белье, Дуглас без рубашки, Огаста в его объятиях, Огаста, принимающая его ласки и поцелуи, отдающаяся…

Первый выстрел застал его врасплох.

Он услышал грохот откуда-то слева, из-за пределов круга света, отбрасываемого фонарем на углу, услышал, как пуля вошла в кирпичную стену, увидел краем глаза, как всего в футе от его головы кирпич рассыпался фонтаном тускло-красных осколков. К тому времени, как прозвучал второй выстрел, он уже распластался на тротуаре с пистолетом в руке, сердце его отчаянно колотилось, глаза обшаривали темноту по ту сторону круга света. Прозвучал еще один выстрел — поспешный, сделанный наугад, — а потом топот, удаляющийся во тьму. Поднимаясь на ноги, Клинг увидел, как фигура бегущего человека пересекла круг света под другим фонарем. Темная ветровка и фетровая шляпа с широкими полями. В правой руке у него блестел пистолет. Он мчался, точно чемпион мира по легкой атлетике. Не успел Клинг пуститься в погоню, как человек уже скрылся за углом. Когда Клинг добежал до фонаря, незнакомец… исчез.

Запыхавшийся, он вернулся к тому месту, откуда предположительно были сделаны выстрелы. Он долго ползал на четвереньках, обшаривая руками мостовую в поисках

стреляных гильз. Без толку, только руки испачкал. Либо стреляли не отсюда, либо стреляли не из пистолета, а из револьвера. Клинг вернулся на то место, где стоял, когда в него стреляли. Дыра в кирпичной стене оказалась дюймов шести в диаметре — оружие было мощное. Здесь было темно. Клинг оглядел улицу, надеясь увидеть патрульную машину — у полисмена должен быть с собой фонарик. Но улица была пуста.

Вот всегда так — никогда этих копов нет под рукой когда надо. Клинг снова встал на четвереньки и в темноте принялся ощупывать тротуар в поисках пуль. Ему повезло — он нашел пулю, и в довольно хорошем состоянии, не слишком расплющенную. Он сунул ее карман, подумал, не стоит ли сообщить о происшествии в местный участок, и решил этого не делать. Вместо этого он прошел два квартала, вышел на освещенную авеню, поймал такси и попросил шофера отвезти его к больнице «Лонг-Дженерал». Никакой съемочной группы и фотомоделей у больницы не было. Клинг дал таксисту свой домашний адрес, потом нервно достал сигарету из купленной утром пачки и трясущимися руками закурил ее. Последний раз он курил в ночь своей свадьбы, почти четыре года назад, когда Огаста, его невеста, была похищена психом, который три дня продержал ее в плену.

— Простите, — сказал таксист, — не могли бы вы затушить сигарету? У меня аллергия на табачный дым.

— Чего? — очнулся Клинг.

— Там сзади табличка, видите?

Клинг затушил сигарету.

* * *

Они вернулись в участок и принялись обсуждать неудавшуюся операцию.

— Их, должно быть, предупредили, — сказал Джерарди, старший из полисменов из отдела по борьбе с наркотиками.

— Не думаю, — ответил Мейер.

— Тогда почему же мы обнаружили там только двоих ширял, исколотых от плеча до задницы?

— Наверно, встречу отменили, — сказал Браун. — Возможно, груз задержался.

— Черта с два! — возразил Миллер, другой «нарк». — Их кто-то предупредил.

— Вам следовало бы тщательнее следить за ними, — сказал Джерарди.

— Кто там сидел? — спросил Миллер. — Какой-нибудь коп? Наверняка ему дали на лапу.

Браун посмотрел на него и ничего не сказал. Взгляды Брауна бывали куда выразительнее тысячи слов.

— Где этот сукин сын, который сидел в хлебном фургоне? — осведомился Джерарди. — Я думаю, ему следовало бы прийти сюда.

— Разбирается с фотографиями, — ответил Уиллис.

— Чего? — переспросил Джерарди.

— Он в фотолаборатории, ему надо разобраться со своими ребятами.

— Разобраться? В чем? Он придет сюда, чтобы объяснить, что, черт побери, стряслось сегодня ночью?

— Придет, — сказал Уиллис.

— Когда? Уже полдвенадцатого!

— Как разберется, так и придет.

— Он просто пытается спасти свою шкуру, вот и все! — высказался Миллер. — Как это вышло, что нас никто не предупредил?

— В смысле? — поинтересовался Хейз.

— Как вышло, что этот парень в фургоне, который сидит там круглыми сутками, не сообщил нам по рации, что там никого нет, кроме пары ширял?

— А по-моему, — сказал Джерарди, — ему, если хотите знать, просто дали на лапу.

— А я себе едва шею не свернул на этой проклятой лестнице! — пожаловался Миллер.

— Двое ширял, окосевших в дымину. И квартирка пуста, как сердце шлюхи, — сказал Джерарди. — Я вам точно говорю, их кто-то предупредил!

— А вот и он! — сказал Мейер и поспешно подошел к решетчатому барьеру, отделявшему комнату от коридора. — Эл, заходи! Ты со всем разобрался?

— Я вообще не знаю, почему я должен был с чем-то разбираться, — проворчал полисмен. Он был одет в пеструю спортивную рубашку с короткими рукавами, голубые хлопчатобумажные брюки и сандалии. Едва войдя в дежурку, он немедленно прикрепил к карману рубашки свое закатанное в пластик удостоверение, как будто входил в центральное управление или что-нибудь в этом духе.

— Это Эл Родригес, — представил его Мейер. — Это Джерарди и Миллер из отдела по борьбе с наркотиками. Остальных, думаю, ты знаешь.

— Ага, — сказал Родригес. — Привет.

— Это вы сидели в том фургоне? — спросил Джерарди.

— Ага, — ответил Родригес.

— И что же произошло сегодня вечером?

— В смысле?

— Мы поднялись наверх и нашли там только двух ширял. Где все эти мужики с фотографий, которые вы снимали?

— А я-то почем знаю, черт возьми?

— Да вы что, дрыхли, что ли, в этом проклятом фургоне?

— Я фотографировал! — обиделся Родригес.

— Ну и что же вы нафотографировали сегодня? Пару ширял, которые поднимались наверх, чтобы словить кайф?

— Я не знаю, кто туда поднимался, а кто нет! — сказал Родригес. — Я навожу камеру на подъезд, камера фотографирует. Когда кончается пленка, я вставляю новую. Я не знаю, что там на пленке. Пленку проявляют где-то в центре. Иногда я даже не знаю, что было на той пленке, которую уже проявили.

— Кто нажимает на кнопку, чтобы делать снимки?

— Я.

— Когда?

— Когда кто-нибудь подходит к подъезду.

— Ну и кто подходил к нему сегодня вечером?

— Уйма народу.

— И вся эта уйма народу вошла в здание?

— Ну конечно!

— И куда же они подевались?

— Блин, а я что, знаю? Может, на крышу вылезли, голубей гонять. Мне за ними следить не положено, мне положено фотографировать.

— Вы узнали кого-нибудь из тех, кто заходил в здание?

— Некоторые из них показались мне знакомыми.

— Двое французов заходили?

— А я что, знаю, французы они или нет?

— Ну, француза же сразу видно! — сказал Джерарди.

— Вам следовало нам позвонить, — сказал Миллер.

— Зачем?

— Сообщить о том, что там происходит.

— Блин, а я что, знал, что там происходит? Все было как месяц назад. Толпа народу заходила, те же самые, что всегда. Мне что, положено было сообщить, что все как обычно?

— Вам следовало позвонить! — упрямо повторил Миллер.

— Слушайте, я устал, — сказал Родригес. — Вы что, за этим меня сюда и притащили? Чтобы выслушать уйму всякой чуши о том, что мне следовало и чего не следовало делать?

Слушайте, скажите это все моему лейтенанту, о'кей? Если хотите жаловаться, идите вешать лапшу на уши ему. А я пошел домой спать.

— Мы намерены просмотреть эту пленку! — сказал Джерарди.

— Ну так идите и смотрите! — горячо ответил Родригес. — Счастливо оставаться!

— Не напрягайся, — сказал ему Мейер.

— Эти гребаные «нарки» только и делают, что воняют! — сказал Родригес. — Почему бы вам не заняться чем-нибудь полезным? — Это было сказано Джерарди. — Пока, Мейер! Если понадоблюсь, ты знаешь, где меня искать.

Он подошел к барьеру, открыл дверцу и сердито затопал вниз по лестнице. Железные ступеньки гудели у него под ногами.

— Ну и что теперь? — спросил Мейер.

— Попробуем через месяц, — сказал Мейер.

— Да через месяц эти парни будут уже в Китае! — возразил Джерарди. — Я вам говорю, их кто-то предупредил. Они знают, что мы их засекли, и у них хватит ума держаться оттуда подальше. Так что об этой операции можно забыть, ничего не выйдет.

— Если ничего не выйдет, мы вам позвоним, — сказал Мейер.

— Это он так шутит! — пояснил Джерарди своему напарнику.

** * **

Домой она вернулась немного за полночь. Он сидел у телевизора, смотрел начало старого фильма.

— Привет! — сказала она от входа, вынула ключ из замка, вошла в гостиную и чмокнула его в макушку.

— Как дела? — спросил он.

— Съемку отменили.

— Да ну?

— Какие-то нелады с больницей. Они не хотели, чтобы рядом со зданием велись съемки. Сказали, это обеспокоит пациентов.

— Ну и где же в конце концов происходили съемки? — спросил Клинг.

— А их не было. Вместо съемок устроили большое совещание. На «Челси».

— «Челси»?

— Объединенная компания «Челси-ТВ». Хочешь сандвич или чего-нибудь этакого? Я жутко проголодалась! — сказала Огаста и ушла на кухню.

Он посмотрел ей вслед и продолжал следить за ней, пока она разворачивала на кухонном столе порезанную на ломтики буханку. Он вспоминал их первую встречу, вспоминал так отчетливо, словно это происходило здесь и сейчас. Звонок из дежурки от Мерчисона. «На Ричардсон-драйв, в доме 657, квартира 11-Д, произошла кража со взломом. Съезди, поговори с девушкой».

У девушки оказались длинные рыжие волосы и густой загар. Она была одета в темно-зеленый свитер, копоткую коричневую юбку и коричневые ботинки. Она сидела, скрестив ноги, и тупо глядела в стену. Первое, что он почувствовал, увидев ее, было ощущение полной гармонии, небрежное совершенство цвета и рисунка, рыжее и зеленое, волосы и глаза, свитер и юбка, ботинки сливались с ногами, покрытыми ровным загаром, длинные, стройные, грациозные ноги, вопросительно склоненная набок голова, водопад блестящих рыжих волос.

У нее, у девушки, были высокие скулы, чуть раскосые глаза, горящие зеленым на фоне посмуглевшего лица, вздернутый носик, чуть оттягивающий верхнюю губку, так что видны ровные белые зубы. Свитер обтягивал груди — крепкие, без всякого там лифчика, — и на талии был туго стянут коричневым поясом с медной пряжкой, попка мягким изгибом вминалась в пухлый диван, и, когда девушка повернулась, юбка чуть задралась, обнажив бедро.

Он ни разу в жизни не встречал более красивой женщины.

— Кто это такие? — спросил он.

— Кто? — переспросила Огаста с кухни.

— «Челси-ТВ».

— Рекламная фирма, снимает ролик.

— А-а. А что там было на совещании?

— Утрясали расписание, подыскивали новое место — ну, знаешь, вся эта канитель. — Гасси облизала нож, которым намазывала арахисовое масло, и сказала: — М-м, вкусно! Ты уверен, что не хочешь?

— И ты им для этого была нужна?

— Для чего?

— Ну, утрясать расписание, подыскивать место и…

— Да, Ларри хотел, чтобы я была под рукой.

— Ларри?

— Паттерсон. Из «Челси-ТВ». Он сам написал сценарий, и режиссер тоже он.

— Ах, ну да.

— Ему нужно было знать, когда я смогу подъехать и все такое.

Она вернулась в гостиную с сандвичем в руке. Клинг поймал себя на том, что уставился на нее точно так же как когда-то на первом свидании, — смотрел и глаз не мог отвести. Тогда Огаста в конце концов сказала ему:

«Ну что ты на меня пялишься?» Клингу пришлось признаться, что ему еще никогда не приходилось разговаривать с такой красивой девушкой. Огаста просто ответила, что ему придется к этому привыкнуть. Клинг помнил ее ответ слово в слово.

«Знаешь, придется тебе к этому привыкнуть. Ты ведь тоже очень красивый — а если мы только и будем делать, что сидеть и пялиться друг на друга, что же из этого выйдет? В смысле, я думаю, что мы будем видеться довольно часто, и мне хотелось бы думать, что я могу иногда позволить себе вспотеть, к примеру. Я здорово потею, знаешь ли».

«Да, Гасси, — думал он, — ты здорово потеешь, теперь я это знаю. А еще ты иногда рыгаешь, и я не раз видел тебя сидящей на унитазе, а однажды ты напилась вдрызг с этими твоими педиками-фотографами, чтоб их черт побрал, и я держал тебе голову, пока ты блевала, а потом уложил тебя в кровать, а сам пошел вытирать пол в ванной, да, Гасси, я знаю, что ты потеешь, я знаю, что ты не ангел, но, Господи, Гасси, зачем… зачем ты это сделала, зачем ты так поступила со мной, неужели ты не могла иначе — не как… не как сука в течке?!»

— …Поехать в Южную Америку, чтобы снять этот ролик там, — говорила Огаста.

— Чего? — очнулся Клинг.

— Ларри хочет поехать в Южную Америку, чтобы снять этот ролик там, — повторила Огаста. — Там теперь лежит снег. К черту символическую гору, давайте снимать в настоящих горах!

— Что еще за символическая гора?

— Ну, больница «Лонг-Дженерал». Ты когда-нибудь видел это здание? Оно похоже на…

— Да, на гору.

— Ну вот, значит, ты понимаешь, о чем я.

— Так ты поедешь в Южную Америку, да?

— Всего на несколько дней. Если получится.

— Когда?

— Ну, я пока не знаю…

— А приблизительно?

— Наверно, довольно скоро. Пока там еще лежит снег. У них ведь сейчас зима, ты же знаешь.

— Ага, — сказал Клинг. — А когда именно? В этом месяце?

— Да, вероятно.

— И ты ему сказала, что поедешь?

— Знаешь, Берт, мне так редко приходится сниматься для телевидения… Ролик будет идти целую минуту, это для меня очень важно…

— Да, конечно. Я знаю.

— Это всего на несколько дней.

— А кто туда поедет? — спросил он.

— Только мы с Ларри и съемочная группа.

— А другие модели?

— Остальных он собирается набрать на месте.

— Я, по-моему, с ним ни разу не встречался, — сказал Клинг. — Я его знаю?

— Кого?

— Ларри Паттерсона.

— Нет, не думаю, — ответила Огаста и отвела взгляд. — Ты точно не хочешь есть?

— Не хочу. Спасибо.

Глава 9

Манфред Лейдер был полицейским психологом. Он однажды помог Карелле в расследовании убийств нескольких слепых. Лейдеру было за пятьдесят, и он носил седую бородку, чтобы быть похожим на психиатра. В этом штате психиатр должен был четыре года проучиться в колледже, еще четыре в мединституте, год в интернатуре, три года клинической ординатуры, и еще два года проработать в клинике, прежде чем получить разрешение держать устный и письменный экзамен, дающий право на получение лицензии на частную практику. Вот почему психиатры берут пятьдесят баксов за часовую консультацию — это как минимум. А Лейдер был всего лишь психологом. Вот почему он работал в полицейском управлении за годовое жалованье в 36 400 долларов.

Когда Карелла позвонил Лейдеру утром в четверг, у него сидел пациент — полицейский, который неожиданно начал впадать в истерику ют одного вида собственного пистолета. Не надо быть психиатром или даже психологом, чтобы знать, что именно символизирует пистолет. Секретарь Лейдера сказал Карелле, что доктор (Лейдер действительно имел докторскую степень, но степень доктора философии, а это не так уж высоко котируется) перезвонит ему попозже, когда освободится. Лейдер позвонил в четверть двенадцатого.

— Это Лейдер, — назвался он по телефону.

— Здравствуйте, — сказал Карелла. — Может, вы меня не помните — я детектив Карелла из восемьдесят седьмого участка. Нам с вами не так давно приходилось разговаривать по поводу…

— По поводу подсознательной памяти, не так ли?

— Да, кошмаров и всего такого…

— Помню, помню. Ну что, пригодилось?

— Да, мы его нашли.

— Это хорошо, — сказал Лейдер. — Рад был помочь.

— На этот раз у меня очень простой вопрос, — сказал Карелла.

— Угу, — ответил Лейдер. Он давно привык к очень простым вопросам, требующим исследований, сравнимых с научной диссертацией.

— У меня имеется жертва предполагаемого самоубийства, человек, умерший от смертельной дозы секонала. Бывшая жена этого человека и его брат единодушно утверждают, что он в рот не брал никаких лекарств.

— У него была фобия?

— Он в детстве испытал сильную аллергическую реакцию на стрептомицин и с тех пор не принимал даже аспирина.

— Пожалуй, это можно назвать фобией.

— Вот вопрос: мог ли такой человек добровольно проглотить двадцать девять капсул секонала?

— Хм… — сказал Лейдер.

Карелла ждал.

— Тут вся проблема вот в чем, — сказал наконец Лейдер, — я вполне могу представить себе ситуацию, в которой он мог его принять.

— Какую именно?

— Видите ли, при фобии человек может вести себя двояко, — начал Лейдер. — Во-первых, он может избегать всего, что вызывает страх. Например, если вы боитесь открытого пространства, вы попросту запретесь у себя в квартире и будете отказываться выходить на улицу, где фобия может вызвать крайнюю тревогу.

— А во-вторых?

— А во-вторых, вы можете броситься навстречу своему страху. Например, многие люди, проявляющие героизм на войне, очень боятся сражений. Но они побеждают свой страх. Ну, возможно, «побеждают» — это сильно сказано. Они преодолевают его, добровольно вызываясь исполнять опасные миссии, и это куда лучше помогает им справиться со своим страхом, чем просто сидеть и трястись от ужаса каждый раз, как где-то рядом рванет снаряд. Вы понимаете, о чем я?

— Думаю, что да.

— Мы называем первое уклонением от опасности, а второе, противоположный механизм, — противофобической конфронтацией. Бросаться навстречу страху. Когда я занимался частной практикой, много лет тому назад, мне пришлось работать с пилотом, который пошел в авиацию, потому что боялся высоты. Это был его способ борьбы с фобией.

— Это весьма утешительно, — сказал Карелла.

— Да, конечно, — согласился Лейдер.

— В смысле, для пассажиров самолетов, — сказал Карелла.

— Ну да, — ответил Лейдер. Карелла понял, что у этого человека чувство юмора как таковое отсутствует напрочь.

— Так вот, — продолжал Лейдер, вернувшись к первоначальной теме разговора, — в вашем случае человек мог попытаться преодолеть свою лекарственную фобию, нарочно проглотив больше лекарства, чем требовалось в качестве снотворного. Если принять во внимание то, что он намеревался сделать…

— То есть?

— Ну, вы ведь сказали, что это предполагаемое самоубийство?

— Да.

— Ну, значит, человек намеревался покончить с собой…

— Да.

— Возможно, это был его способ поддаться наконец своей фобии, так сказать, броситься в ее объятия, поддаться одновременно и фобии, и смерти. Окончательное решение конфликта, так сказать.

— Понятно, — сказал Карелла.

— Извините, если я вас разочаровал, — сказал Лейдер.

— Нет-нет, мне следует рассмотреть все…

— Ну да, понимаю.

И все же Карелла был разочарован.

Он надеялся получить четкий ответ профессионала, отличающийся от того, что лишь вчера сказал ему Джеймс Бролин: «Я не могу ответить на этот вопрос, не ознакомившись подробно с историей человека, которого вы имеете в виду». Возможно, психологи позволяют себе совать нос туда, куда психиатры лазить не решаются. Но разве не мог Лейдер ответить попросту: «Нет, ни в коем случае! Этот человек не мог бы покончить жизнь самоубийством, приняв лекарство». А как все было бы просто! О да, проще некуда. Тогда Карелле только и

оставалось бы, что найти убийцу. Так ли уж много убийц в наши дни?

Карелла знал, что нельзя вести дело на одной интуиции. Он видел слишком много случаев, когда копы продолжали упрямо идти по ложному следу только потому, что «чувствовали — в этом что-то есть», и в результате оставались на бобах. Быть может, это только интуиция заставляла его сбрасывать со счетов хрупкого владельца картинной галереи и бывшего капитана израильской армии в качестве подозреваемых в убийстве (которого, кстати, могло и не быть), быть может, ему следовало натравить на них целую команду, чтобы за ними следили день и ночь — теперь, когда поезд уже ушел, — может быть, он слишком рано решил оставить их в покое. Но… Может быть, не всегда можно определить, что человек врет, но, когда человек говорит правду, это видно сразу. Правда звучит иначе — словно удары топора по дубовому стволу. Карелла интуитивно чувствовал — да, чувствовал, да, интуитивно! — что и Луи Керн, и Джессика Герцог рассказали ему всю правду. И он не хотел тратить драгоценное время на преследование этих двоих. Тем не менее Карелла хотел убедиться, что ничего не упустил. Он позвонил Ролли Шабрье, в юридический отдел.

Шабрье привык ко всяческим странным звонкам от детективов 87-го. Сегодня, когда столбик термометра за окном упорно отказывался спускаться ниже отметки в девяносто девять градусов,[5] система кондиционирования в здании уголовного суда решила устроить себе выходной. Когда зазвонил телефон, Шабрье сидел у себя за столом в одной рубашке. Как только Карелла назвался, Шабрье сразу настроился на худшее. Бог троицу любит: жара, отказавшие кондиционеры и теперь еще звонок одного из этих чертей из 87-го.

— Чем могу помочь, Стив? — осторожно спросил он.

— Я расследую подозрительный смертный случай, — сказал Карелла, — и мне нужны кое-какие сведения.

— Убийство? — уточнил Шабрье.

— Предполагаемое самоубийство.

— Угу.

— Но речь идет о двухмиллионном завещании, и я хочу узнать кое-что насчет законов о наследстве, действующих в нашем штате.

— Например?

— Например, если я убью мужика, от которого я должен унаследовать два миллиона баксов, я их все равно получу?

— В законах на этот счет ничего не говорится.

— То есть?

— То есть в данной ситуации все зависит от решения суда. Согласно прецедентам, человек, убивший того, чье наследство он должен был получить, лишается права наследовать его имущество согласно завещанию или по праву наследования в случае, если тот скончался, не оставив завещания. То есть, если вы решите убить человека, потому что знаете, что он должен оставить вам целый сундук денег, и позднее будет доказано, что вы его действительно убили, вам не светит ни цента.

— Хорошо, — сказал Карелла.

— Вам нужны точные сведения? Посмотрите дело «Ригги против Палмера», цитата номер…

— Не надо, — перебил Карелла. — Спасибо большое.

Он повесил трубку. Не успел он отнять руку, как телефон зазвонил снова, заставив Кареллу вздрогнуть.

Он снова поднял трубку.

— Карелла слушает!

— Это Дорфсман, баллистик, — сказали из трубки. — Клинг на месте?

— Только что вышел.

---

[5] Примерно 36 градусов по Цельсию.

— Ну ладно, тогда запишите и передайте ему, чтобы мне лишний раз не звонить, — сказал Дорфсман. — Я обещал, что сообщу ему результаты до двенадцати.

— А что у него?

— Пуля, которую он сдал сегодня утром.

— Быстро вы обернулись!

— Порядок срочности, — объяснил Дорфсман. — Это покушение на убийство. Ручка есть?

— Давай, — сказал Карелла.

— На этот раз все было проще простого. Скажите ему, что пуля — «ремингтон-магнум», калибр 0,44. Все нудные подробности относительно местности, траектории, диаметра отверстия и так далее я, пожалуй, опущу, но, на мой просвещенный взгляд, пуля была выпущена из пистолета калибра 0,44 «раджер-магнум», именуемого также «черный коршун». Если Клингу понадобятся подробности, можете сообщить ему, что средняя скорость пули — около тысячи семисот футов в минуту и парциальное давление — почти тысяча четыреста фунтов. Этого хватит, чтобы свалить гризли на лету!

— Я ему передам. Слушайте, не могли бы вы соединить меня с офисом Гроссмана?

— Он все еще в суде, — сказал Дорфсман.

— А как насчет Оуэнби?

— Минуточку!

В трубке раздался щелчок. Дожидаясь, пока его соединят, Карелла пытался вспомнить, над каким это покушением на убийство работает Клинг. Насколько ему известно…

— Оуэнби слушает.

— Привет, — сказал Карелла. — Как там с моим делом?

— К концу дня будет на столе у капитана.

— А когда он до него доберется?

— Он в суде. Когда вернется — не знаю. Вроде как сегодня должен с ними развязаться.

— А сегодня он успеет прочесть ваш отчет?

— Если руки дойдут.

— А почему бы вам не прислать мне копию прямо сейчас?

— Это против правил.

— Ну, тогда хоть скажите, что там написано!

— Не могу. Играть в испорченный телефон, знаете ли…

— Ладно, я сам приеду и посмотрю.

— Его еще не распечатали. Я вам говорю, отчет будет к концу дня. Почему бы вам не позвонить ему где-нибудь в четыре — в полпятого?

— Спасибо большое, — сказал Карелла и повесил трубку.

* * *

Он нарочно выбрал именно ресторан А-Вонга на Бун-стрит. Тому было три причины: во-первых, Гасси сказала ему, что сегодня будет работать в «Тру-Вью», фотоателье совсем рядом с рестораном; во-вторых, именно здесь она должна была быть вечером в прошлую субботу, и, забрасывая наживку, он хотел, чтобы Огаста невольно вспомнила, что она — женщина, замешанная в дешевую интрижку; и, в-третьих, поблизости было несколько судов, куда он намеревался отправиться, чтобы получить ордер на обыск, едва ему передадут обещанный краткий отчет Дорфсмана по поводу пули.

Они встретились после двенадцати.

Огаста выглядела такой ослепительно прекрасной, что Клинг едва не забыл о своей решимости.

Она пожаловалась, что пришлось все утро проработать под жаркими софитами, а он рассказал, что ему все утро пришлось провести в суде, куда его вызвали свидетелем по делу взломщика, которого он арестовал два месяца назад. Он не сказал только, что, перед тем как

ехать в суд, он зашел в лабораторию и оставил для анализа пулю, которую выпустили в него накануне вечером. Наконец он неловко принялся расставлять тщательно продуманную им ловушку.

— Черт бы их всех побрал, — сказал он. — У меня сегодня снова ночное дежурство.

Каждому детективу ночное дежурство выпадало раз в месяц, две ночи подряд: сперва с четырех до часу ночи, потом с часу до девяти утра, а потом два выходных. Огаста это знала. Знала она и то, что он свое отдежурил две недели тому назад.

— С чего это вдруг? — спросила она.

— Паркер заболел, — объяснил Клинг.

Он нарочно выбрал Паркера, потому что это был один из немногих копов, с кем они не дружили домами. Он не рискнул назвать Манера, Брауна или кого-то еще из тех, кого Огаста знала лично: звонок жены или подружки мог испортить весь замысел.

— Он вчера дежурил с четырех до часу, — сказал Клинг, — а сегодня вдруг свалился с простудой. По-моему, он сочиняет, но кто его знает, этого Паркера? Во всяком случае, Пит попросил меня отдежурить за него сегодня.

— Это когда?

— С часу до девяти утра.

Огаста ничего не сказала. Клингу показалось, что на какой-то миг она перестала жевать. Глаз ее он не видел — она смотрела в тарелку.

— Десяток детективов со всего города, — сказал Клинг. — Ну, ты знаешь.

— И где ты будешь? — спросила Огаста.

— В центральном управлении. В том офисе на четвертом этаже, где мы обычно сидим, — это на случай, если тебе вдруг понадобится меня найти, — сказал он и немедленно пожалел об этом. А вдруг она решит позвонить в управление, чтобы проверить? И он поспешно добавил: — Но большую часть времени мы будем дежурить на улицах.

— А я думала, мы сегодня вместе в кино сходим! — протянула Гасси.

— Хорошо бы, но что поделаешь!

— Хотя, послушай, мы все равно можем сходить в кино! Тебе ведь туда только к часу?

— Нет, солнце, до того я буду сидеть в участке, — сказал Клинг. — Надо разобрать бумаги по тому делу о самоубийстве, которое мы сейчас расследуем.

— Отравление секоналом — как же, помню! — кивнула Огаста.

— Оно самое. Единственное утешение — что в том офисе в штабе есть кондиционер.

— Да, полагаю, это плюс, — сказала Огаста. Потом, поколебавшись, спросила: — Может, я тогда одна в кино схожу? Ты не возражаешь?

— С чего бы вдруг?

— Ну, после всего, что эта паскуда Моника тебе наболтала…

— Да я уж все забыл! — махнул рукой Клинг.

— В следующий раз, когда мы встретимся, ей придется заказать себе парик, — сказала Огаста. — Я этой сучке все волосы повыдираю!

— Смотри, не натвори ничего такого, чтобы мне пришлось тебя арестовать! — Клинг заставил себя улыбнуться.

— Я ей этого еще долго не прощу!

— Она была пьяна.

— И все равно…

— Почему бы тебе не выбросить все это из головы? — сказал Клинг и накрыл ее руку своей. — Как я!

— Ты точно обо всем забыл?

— Абсолютно.

— Ну, тогда ладно! — улыбнулась Огаста.

— Во сколько тебе надо вернуться? — спросил Клинг.

Огаста взглянула на часы.

— Ну, еще несколько минут у меня есть, — сказала она. — Ну так что, пообедаем

вместе сегодня вечером, или как?

— Я рассчитывал перехватить бутерброд у себя в участке.

Гасси надула губки.

— Великолепно! — сказала она. — Значит, я тебя не увижу до завтра, до девяти утра!

— До полдесятого. Пока я еще доберусь домой из центра…

— Просто замечательно! У меня, между прочим, первый сеанс назначен как раз на половину десятого.

— Солнышко, ну разве я виноват, что Паркер заболел? Если, конечно, он и вправду заболел…

— Это все из-за того, что ты самый младший детектив в участке…

— Неправда, не я, а Тэк Фудживара.

— …на тебя вешают всех собак!

— Солнышко, не в этом дело.

Огаста снова посмотрела на часы.

— Мне пора бежать, — сказала она. — А то крику будет…

Она отодвинула свой стул, подошла к Клингу, чмокнула его в щеку и сказала:

— Будь осторожен сегодня ночью, ладно?

— И ты тоже, — сказал он.

— Засяду дома и запрусь на замок, — пообещала она. — Тебе не о чем беспокоиться.

— В смысле, по дороге из кино домой.

— А я, может, вообще не пойду в кино. Надо посмотреть, что сегодня по телевизору. Позвони мне завтра утром, когда вернешься домой, ладно? Я снова буду в «Тру-Вью», телефон есть у нас в записной книжке.

— Хорошо, позвоню.

— Я там буду ровно в девять тридцать.

— О'кей.

— Ну, пока, милый! — сказала Огаста, снова чмокнула его в щеку и быстро направилась к двери. Ее сумочка болталась на плече. На пороге она обернулась, послала ему воздушный поцелуй и скрылась за дверью. Он еще несколько минут просидел за столиком, потом заплатил по счету и направился к телефону-автомату стоявшему рядом с кухней. Набрал сразу номер помещения для детективов, минуя коммутатор в дежурке. Карелла снял трубку после третьего звонка.

— А я только что собрался пойти на ленч, — сказал он. — Ты где?

— Тут, в центре, — ответил Клинг. — Только что из суда. Дорфсман из баллистики не звонил?

— Звонил. Говорит, пуля 0,44 «ремингтон-магнум». А что за?..

— А какой пистолет, не сказал?

— «Раджер-черный коршун».

— Хорошо, спасибо, — сказал Клинг. — Ну, до встречи. — И повесил трубку прежде, чем Карелла успел спросить еще о чем-то.

* * *

Впервые в жизни с тех пор, как Клинг принес присягу офицера полиции, поклявшись следить за неукоснительным соблюдением законов города, штата и страны, ему довелось солгать в официальном заявлении. Более того, он солгал дважды; письменно и позднее — устно члену Верховного суда. Докладная записка Клин-га гласила:

«1-Я являюсь детективом полицейского департамента, приписанным к команде детективов 87-го участка.

2. Я имею сведения, основанные на моих собственных знаниях, мнении и фактах, сообщенных мне жертвой на месте преступления, что на данного гражданина было совершено покушение на убийство, имевшее место у дома 641 по Хоппер-стрит в 23.10 в

прошлую среду, 13 августа.

3. Кроме того, я имею сведения, основанные на моих собственных знаниях, мнении и фактах, сообщенных мне жертвой покушения, что во время этого покушения было сделано несколько выстрелов.

4. Кроме того, я имею сведения, основанные на моих собственных знаниях и мнении, что оружием, использованным при покушении, является пистолет калибра 0,44 „раджер-черный коршун“, заряженный патронами калибра 0,44 „ремингтон-магнум“, что было подтверждено Майклом О. Дорфсманом из отдела баллистики сегодня, 14 августа, на основании исследования пули, которую я лично нашел на тротуаре у дома 641 по Хоппер-стрит.

5. Кроме того, я имею сведения, основанные на моих собственных знаниях и мнении, а также на сообщенной мне информации, что Брэдфорд Дуглас, проживающий в этом доме, владеет пистолетом того же калибра, отвечающим описанию пистолета, использованного при покушении на убийство.

6. Основываясь на вышеизложенной достоверной информации и на моих собственных знаниях, я имею достаточные основания полагать, что пистолет, которым владеет Брэдфорд Дуглас, может оказаться уликой по делу о покушении на убийство.

В связи с этим я прошу досточтимый суд выдать мне ордер установленного образца на обыск названного Брэдфорда Дугласа и его квартиры номер 5–1 в доме 641 по Хоппер-стрит. Никаких заявлений по этому делу ни в данный, ни в другой суд, ни какому-либо другому судье или члену магистрата ранее не поступало».

*****

Судья, которому Клинг предоставил эту докладную записку, внимательно прочел ее и посмотрел на Клин-га поверх очков.

— А что вы делали на Хоппер-стрит, сынок? — поинтересовался он.

— Простите, ваша честь?

— Это же на другом конце города от восемьдесят седьмого участка, не так ли?

— Ах да, ваша честь! Я был не на службе. Просто возвращался из ресторана и услышал выстрелы.

— Вы сами видели правонарушителя?

— Нет, ваша честь.

— Значит, вы утверждаете, что имело место быть покушение на убийство, основываясь лишь на словах жертвы?

— Ваша честь, я слышал выстрелы и нашел на мостовой стреляную пулю. Это показалось мне достаточным свидетельством того, что имели место быть выстрелы из пистолета.

— Но не обязательно покушение на убийство.

— Нет, ваша честь, не обязательно. Однако жертва описывала его именно как таковое.

— Как покушение на убийство?

— Да, ваша честь. В него стреляли в упор.

— И вы полагаете, что пистолет, использовавшийся при этом покушении, может находиться в квартире, которую вы намерены обыскать?

— Да, ваша честь, таково мое твердое убеждение.

— От кого вы получили эти сведения?

— От управдома этого здания, человека по имени Генри Уоткинс. Он видел этот пистолет, ваша честь.

— Когда вы планируете провести обыск?

— Сегодня вечером, ваша честь. Как только удостоверюсь, что мистер Дуглас дома.

— Хм… — сказал судья.

— Ваша честь, я прошу также снабдить ордер пометкой «без стука».

— На каком основании?

— На основании сведений и моего мнения, что в квартире находится опасное оружие, ваша честь. «Магнум» калибра 0,44 — это очень мощное…

— Знаю, знаю, — перебил судья. — Ну что ж, хорошо. Я выдам вам ордер. С пометкой «без стука».

— Благодарю вас, ваша честь, — сказал Клинг, достал из кармана платок и вытер лоб.

Он убеждал себя, что эта ложь была не совсем ложью. В конце концов, покушение на убийство действительно имело место, и стреляли действительно именно из «магнума». Но ни Генри Уоткинс, ни кто другой не говорил ему, что Брэдфорд Дуглас владеет таким оружием. Если он действительно найдет его в квартире Дугласа, это будет чистой удачей. Но сегодня вечером он будет искать там Августу. Пометка «без стука» давала ему право выбить дверь. Она не успеет спрятаться в ванной или в шкафу, он застанет ее на месте преступления!

Спускаясь по широким белым ступеням здания суда, окунаясь в море уличного жара, он испытывал мрачную уверенность, что сегодня вечером все будет кончено. Как ему хотелось вернуться к началу, когда их отношения с Огастой были еще свежи и новы, и оба они были полны надежд!

Но надежда — тварь крылатая…

* * *

Галлоран следил, как он спускался с крыльца здания суда.

И чего он там делал? Утром он ездил в суд, в двенадцать встретился за ленчем с этой рыжей, потом снова поехал в суд… Обделывает свои делишки, ублюдок! Рыжая — это, наверно, жена или просто какая-нибудь дешевая блядь, с которой он живет. Ничего, завтра утром ее сожитель будет уже трупом.

Вчера вечером он промахнулся, но больше это не повторится.

Сегодня он не промахнется.

Сегодня он ткнет пистолетом в рожу этому ублюдку и сделает все как надо. Он сунет дуло ему в зубы и скормит ему пулю, чтоб его башка разлетелась вдребезги!

Сегодня.

* * *

В четыре часа того же дня Карелла позвонил Гроссману. Трубку сняла женщина. Она представилась как миссис Ди Марко, одна из лаборанток.

— Капитана нет, — сказала она. — А кто его спрашивает?

— Детектив Карелла, восемьдесят седьмой участок. А вы не знаете, когда он вернется?

— Только что ушел. Он всю неделю был в суде, Имеет человек право уйти домой после того, как просидел в суде целую неделю?

— То есть сегодня его не будет?

— Не будет.

— А вы не знаете, успел ли он посмотреть те бумаги, что лежали у него на столе?

— Да, какие-то бумаги он просматривал. Кое-что даже забрал с собой.

— Спасибо, — сказал Карелла. — Тогда я позвоню ему домой.

— А он не домой пошел.

— Вы же только что сказали…

— Это я просто так выразилась. Он собирался с женой в ресторан.

— Ладно, позвоню ему попозже.

— А почему бы вам не позвонить ему завтра утром? Люди не любят, когда их беспокоят.

— До свидания, миссис Ди Марко, — сказал Карелла и повесил трубку.

Ну ладно, придется подождать.

* * *

Город с блаженным вздохом устраивался отдыхать на ночь.

Не то чтобы жара так сильно спала. Да и влажность никуда не делась. Но ночь приносила с собой хотя бы подобие облегчения, обманчивое ощущение, что тьма сулит прохладу. По крайней мере, солнце зашло, и его палящий жар остался лишь неприятным воспоминанием.

Глава 10

Клинг хотел удостовериться, что дал ей достаточно времени, чтобы добраться сюда.

Она позвонила ему в участок, сказала, что все-таки решила пойти в кино, если он, конечно, не против, что она идет на сеанс 21.27 в кинотеатр за углом, так что пусть он не беспокоится, домой она доберется благополучно, на улице достаточно светло. Потом она пересказала ему, на какой фильм она идет, по какому роману он снят, кто кого играет, даже процитировала статью об этом фильме, которую читала в газете. Она хорошо выучила свой урок.

Сейчас было начало одиннадцатого.

Окна второго этажа дома 641 по Хоппер-стрит ярко светились — художник Майкл Лукас был дома. На третьем этаже горели только окна квартиры, принадлежащей Марте и Мишель — их соседка Франни, видимо, была в городе со своим Цуциком. На четвертом и пятом этаже света, как обычно, не было. На шестом, в квартире Брэдфорда Дугласа, светилось только одно окно, крайнее справа. «Спальня», — подумал Клинг.

Он ждал.

Вскоре свет потух.

Он перешел через улицу и позвонил у двери. Дверь открыл Генри Уоткинс, управдом, с которым он разговаривал во вторник. Клинг представился.

— Что опять стряслось? — спросил Уоткинс.

— Все та же беглянка, — сказал Клинг. — У меня еще несколько вопросов.

Уоткинс пожал плечами.

— Ну, проходите. Когда закончите, выйдете сами. Только дверь захлопните, чтоб замок защелкнулся.

— Спасибо, — сказал Клинг.

Он подождал, пока Уоткинс уберется в свою квартирку на первом этаже, и начал подниматься по железным ступеням. На втором этаже, за дверью Лукаса, орал рок-н-ролл. Из-за двери Марты и Мишель на третьем этаже не доносилось ни звука. Он прошел мимо студии фотографа Питера Лэнга на четвертом этаже и стал подниматься на пятый. Света на площадке по-прежнему не было. Он ощупью нашел дорогу в темноте и стал подниматься на шестой этаж.

Сердце у него бешено колотилось.

Карелла добрался до Сэма Гроссмана только в четверть одиннадцатого вечера. Первое, что сказал Сэм было:

— А, это ты? Ну, слушай!

Он собирался рассказать анекдот. Карелла буквально ощущал по телефону сдерживаемый смех в его голосе. Гроссман был высокий угловатый мужчина, который куда уместнее смотрелся бы на ферме где-нибудь в Новой Англии, чем в стерильной чистоте полицейской лаборатории. Простодушные голубые глаза Гроссмана блестели за стеклами очков. В его манерах была какая-то особая мягкость, отголосок стародавних времен — несмотря на то, что он имел обыкновение выпаливать научные факты со скоростью и уверенностью пулеметной очереди. Но анекдоты Гроссман рассказывал не спеша, растягивая удовольствие.

— Одного адвоката-крючкотвора вызвали в суд по делу, в здание уголовного суда в центре. Ты ведь знаешь, как трудно там припарковаться?

— Ага, — кивнул Карелла. Он уже заранее улыбался.

— И вот, значит, объехал он весь квартал, а потом объехал его еще раз — а время-то уходит! А судья, который ведет дело, между прочим, помешан на пунктуальности. Так что в конце концов адвокат останавливается под знаком «Парковка запрещена» и пишет записочку. В записочке сказано: «Я адвокат и тороплюсь в суд по уголовному делу. Я опаздываю. Я целых двадцать минут объезжал этот квартал, и в конце концов мне пришлось встать здесь. Простите нам наши прегрешения». Взял пятидолларовую бумажку, завернул ее в записочку и засунул записочку с деньгами под дворник.

— Значит, «простите нам наши прегрешения»? — повторил Карелла, улыбаясь.

— Да, и пятерку в придачу, — продолжал Гроссман. — Короче, возвращается он обратно через четыре часа и находит свою записку вместе с пятеркой на прежнем месте, а под другим «дворником» торчит квитанция на штраф за нарушение правил парковки и записочка от местного патрульного. И в записочке сказано: «А я объезжаю этот квартал целых двадцать лет. Не вводите нас во искушение».

Карелла расхохотался. Копы ужасно любят анекдоты о неудачных попытках дать на лапу.

— Ну что, поднял я тебе настроение? — спросил Гроссман, посмеиваясь.

— Еще как! — ответил Карелла. Он не раз замечал, что, когда разговаривает с Гроссманом, речь у него почему-то меняется и он начинает употреблять слова и обороты, которых обычно не применяет. — Ну а что вы там нашли по делу Ньюмена?

— Ничего, — сказал Гроссман.

— Вот, спасибо! — сказал Карелла. — А Оуэнби говорил, что отчет будет…

— А-а, отчет-то я получил — когда я сегодня вернулся из суда, он лежал у меня на столе. На самом деле, я его даже с собой домой захватил. Я, знаешь ли, человек добросовестный!

— Тогда что значит «ничего»? Я же видел, как техники снимали отпечатки по всей квартире…

— Ах да, отпечатков-то уйма. Но все они принадлежат покойному и его жене.

— Что, посторонних отпечатков вообще нет?

— Ни единого.

— А на кондиционере? — спросил Карелла.

— Ты что, мысли читаешь? Я как раз собирался сказать об этом. Принимая во внимание, какая жарища на улице, с кондиционером должны были возиться то и дело, верно? Люди даже в обычную погоду то и дело крутят кондиционеры. Если становится жарко, они включают охлаждение. Потом им становится слишком холодно, и они снова что-то поправляют. Ну и где же их отпечатки, которые непременно должны там быть? А нету. Кондиционер был вытерт начисто. Они там одни живут?

— Да, — ответил Карелла.

— Ну и где же отпечатки пальцев? Вот на ручке туалетного бачка мы нашли уйму отпечатков, в основном частичных. Это еще одно место, где ищут в первую очередь, потому что ручку туалетного бачка никто никогда не вытирает. Просто не вытирает, и все. Задницу они вытирать не забывают, а вот ручку бачка… Там были отчетливые частичные отпечатки среднего пальца правой руки покойного и одного из указательных пальцев хозяйки. Все чудесно. Но кондиционер был чистенький.

— И о чем это тебе говорит? — спросил Карелла.

— А тебе это о чем-нибудь говорит? — осведомился Гроссман.

— Ну, может быть…

— Не может быть, а точно! — сказал Гроссман.

— То есть?

— Ну, скажем, у хозяйки пунктик на чистоте. Предположим, она немедленно вытирает

все, за что берется. Предположим. Значит, она или ее экономка — у них есть экономка?

— У них есть уборщица. Но она в отъезде с середины июля.

— А, так вот почему мы нашли только отпечатки пальцев хозяина и хозяйки. Стало быть, с середины июля квартиру хоть раз да убирали.

— Подозреваю, что да, — сказал Карелла.

— Ну, предположим, с тех пор хозяйка убиралась сама. Но станет ли даже очень чистоплотная женщина бегать по квартире с тряпкой и каждую минуту вытирать все, что видит? Даже почти пустой пузырек с секоналом?

— В смысле?

— Стив, пузырек был вытерт начисто!

— Ты хочешь сказать, что на нем вообще не было отпечатков?

— Именно это я тебе и говорю.

— Но это же невозможно!

— Я тебе рассказываю, что мы нашли. Точнее, чего мы не нашли.

— Если Ньюмен брал этот пузырек в руки, отпечатки на нем должны быть! Мужик, который проглотил двадцать девять капсул секонала, не станет подниматься с пола, чтобы стереть с пузырька свои отпечатки пальцев!

— Стив, пузырек был чистенький, как младенец!

Оба помолчали.

— Как ты думаешь, могла ли хозяйка стереть отпечатки? — спросил Гроссман.

— Когда муж помер, хозяйка была в Калифорнии.

Гроссман помолчал еще. Потом спросил:

— А подруги у хозяйки нет?

— Не знаю, — ответил Карелла.

— А стоило бы узнать — у нее самой, — заметил Гроссман.

* * *

Он остановился у двери квартиры 5–1 и прислушался.

Ни звука.

Он достал из кобуры под мышкой свой пистолет. Держа его в правой руке, он отступил назад, прицелился и пнул замок. Дверь отлетела, брызнули щепки. Он метнулся в квартиру, слегка пригнувшись, водя перед собой пистолетом. Из-под двери комнаты в конце коридора, слева, в прихожую сочился свет. Он принялся продвигаться к этой полоске света, когда дверь распахнулась и в прихожую выскочил Брэдфорд Дуглас.

Он стоял голый, с бейсбольной битой в руке. Он застыл темным силуэтом в освещенном прямоугольнике двери, не решаясь шагнуть в мрак коридора.

— Полиция! — сказал Клинг. — Оставайтесь на месте!

— Че?..

— Не двигаться!

— Какого черта?! Кто…

Клинг шагнул в полосу света, падающего из двери спальни. Дуглас тотчас же признал его, и страх, который он испытывал до сих пор — он думал, что в квартиру вломились грабители, — немедленно сменился негодованием. Когда он разглядел в руке Клинга пистолет, его снова охватил страх, но уже смешанный с негодованием. И негодование пересилило.

— Какого черта вы взломали мою дверь? Что все это значит?

— У меня ордер на обыск, — ответил Клинг. — Кто был с вами в спальне?

— Не ваше дело! — отрезал Дуглас. Он по-прежнему держал в руке биту. — Что еще за ордер? Какого черта?

— Вот он, — сказал Клинг, сунув руку в карман. — Положите биту.

Дуглас, не поворачиваясь, зашвырнул биту обратно в спальню. Клинг подождал, пока

он прочтет ордер. Спальня выходила на Хоппер-стрит, и пожарных лестниц на этой стене не было. Торопиться некуда — разве что Огаста решит выпрыгнуть в окно с шестого этажа. Он заглянул в спальню через плечо Дугласа. С того места, где он стоял, кровати видно не было — только туалетный столик, кресло и торшер.

— Покушение на убийство? — удивился Дуглас, читая ордер. — Какое еще покушение? — Он стал читать дальше. — Нет у меня такого пистолета, как здесь написано! У меня вообще нет оружия. Какой идиот вам сказал, что я…

— У меня мало времени! — сказал Клинг, протянув левую руку. — Ордер дает мне право обыскать вас и вашу квартиру. Он подписан…

— Нет, минуточку! — оборвал его Дуглас и продолжал читать. — Кто вам сообщил такие сведения? Кто вам сказал, что у меня есть пистолет?

— Мистер Дуглас, это неважно. Вы прочли?

— Нет, я все-таки не понимаю…

— Верните документ! И позвольте осмотреть квартиру.

— Я не один, — сказал Дуглас.

— А с кем?

— Этот ордер не дает вам права…

— Об этом мы побеседуем позже.

— Нет, не позже, а сейчас! — сказал Дуглас.

— Слушай, ты, кобель! — сказал Клинг, ткнув пистолетом ему чуть ли не в лицо. — Я хочу обыскать спальню, понял?

— Спокойно, мужик! — сказал Дуглас, отступая назад. — Чего ты бесишься?

— Да, я бешусь! — отрезал Клинг. — Я действительно взбешен! Прочь с дороги!

Он отодвинул Дугласа в сторону и вошел в спальню. Кровать стояла у стены в дальнем конце комнаты. Простыни были отброшены. На кровати никого не было.

— Где она? — спросил Клинг.

— Может быть, в ванной, — ответил Дуглас.

— Где это?

— Я думал, вы пистолет ищете!

— Где?! — прошипел Клинг.

— Вон та дверь, — показал Дуглас.

Клинг пересек комнату. Подергал ручку. Дверь была заперта.

— Откройте! — приказал он.

Из-за двери послышался женский плач.

— Откройте, или я вышибу дверь!

Плач продолжался. Клинг услышал мягкий щелчок задвижки. Он затаил дыхание. Дверь открылась.

Это была не Огаста.

Маленькая темноволосая девушка с мокрыми карими глазами, кутавшаяся в банное полотенце, чтобы скрыть свою наготу.

— Фелиция, у него ордер, — сказал сзади Дуглас.

Девушка продолжала плакать.

— Кто-нибудь еще здесь есть? — спросил Клинг.

Он внезапно почувствовал себя последней жопой.

— Никого, — ответил Дуглас.

— Я хочу проверить другие комнаты.

— Пожалуйста!

Он обошел всю квартиру, включая свет. Проверил каждую комнату, заглянул во все шкафы. В квартире действительно больше никого не было. Когда он вернулся в спальню, Дуглас и девушка уже успели одеться. Девушка сидела на краю постели и по-прежнему плакала. Дуглас стоял рядом, утешал.

— Когда я был здесь во вторник вечером, вы сказали, что накануне у вас был гость, —

сказал Клинг. — Кто именно?

— В вашем ордере ничего не говорится…

— Мистер Дуглас, — перебил его Клинг, — идите вы в задницу с этим ордером! Я хочу знать одно: кто был в этой квартире в понедельник, с половины первого до без четверти два?

— Я… мне неудобно об этом говорить.

— А если я отдам вас под суд, вам будет удобно? Кто это был?

— Мой друг.

— Мужчина или женщина?

— Мужчина.

— И что он тут делал?

— Я сказал ему, что он может воспользоваться моей квартирой.

— Для чего?

— Он… он встречается с девушкой…

— Какой?

— Я не знаю, как ее зовут.

— Вы с ней встречались?

— Нет.

— Значит, вы даже не знаете, как она выглядит?

— Ларри говорит, что она классная.

— Ларри?

— Ну да, мой друг.

— Полное имя? — тотчас же спросил Клинг.

— Ларри Паттерсон.

Клинг кивнул.

— Вся проблема в том, что он женат, — продолжал Дуглас. — Ему негде с ней встречаться. Ну, я и предоставил ему свою квартиру. Я на него часто работаю. Он продюсер в…

— В «Челси-ТВ», — закончил Клинг. — Благодарю вас, мистер Дуглас. Простите за вторжение.

Он посмотрел на плачущую девушку.

— Простите, мисс, — пробормотал он и поспешно ушел.

* * *

Он не стал звонить ей, чтобы предупредить о своем приходе. Он звонил Гроссману, лежа в постели. Повесив трубку, он быстро оделся и ушел, стараясь не разбудить спавшую рядом Тедди. Теперь, проходя мимо улыбающейся статуи генерала Ричарда Джозефа Кондона, он прикидывал, нельзя ли найти разумного объяснения тому, что пузырек был вытерт начисто — и решил, что нельзя.

Он представился швейцару, дежурившему в вестибюле дома Сьюзен Ньюмен на Шарлотт-Террас, и попросил не сообщать хозяевам о его приходе. Швейцар возмутился и принялся цитировать правила. Карелла ответил, что ему очень не хотелось бы привлекать его, швейцара, за препятствование проведению следствия, раздел 205.55 Уголовного кодекса, и начал цитировать:

«Гражданин оказывает содействие преступнику, если пытается предотвратить, помешать или затянуть обнаружение…»

— Содействие преступнику? — переспросил швейцар. — Ничего себе!

— Короче, не вздумайте им звонить, — сказал Карелла, направляясь к лифту.

Он вышел на четвертом этаже и поспешно подошел к двери квартиры 3-Е. Прислушался, потом позвонил.

— Кто там? — спросил женский голос.

Энн Ньюмен.

— Полиция, — сказал он. — Детектив Карелла.

— О-о! — Одно-единственное слово, потом молчание. Карелла ждал. — Минутку, — сказала она наконец.

Когда она открыла дверь, на ней был длинный голубой халат поверх розовой ночной рубашки, видневшейся в треугольном вырезе. Она была босиком.

— Простите, что беспокою вас так поздно, но…

— Да нет, все в порядке, — сказала она. — Входите.

Он следом за ней прошел в маленькую прихожую к подождал, пока она запрет дверь. По дороге в гостиную он спросил:

— Ваша свекровь дома?

— Спит, — ответила Энн. — Мистер Карелла, сейчас ведь уже почти одиннадцать, я и сама собиралась спать.

— Да, конечно, миссис Ньюмен. Я очень извиняюсь, но мы торопимся закрыть дело, и я хотел бы задать вам еще несколько вопросов.

— Да, конечно, — сказала Энн. — Но у меня завтра на утро назначена встреча…

— Я постараюсь быть кратким. Миссис Ньюмен, известно ли вам, что ваш муж оставил завещание?

— Да.

— Когда вы узнали об этом?

— В понедельник утром. Наш адвокат позвонил мне и сообщил.

— Ваш адвокат — это…

— Чарльз Вебер. Фирма «Вебер, Герцог и Ллевеллин».

— И от него вы впервые узнали об этом завещании?

— Да.

— Известно ли вам, когда оно было составлено?

— Нет.

— Миссис Ньюмен, оно было составлено за три недели до смерти вашего мужа.

— Да? Джерри об этом ничего не говорил…

— Вам известны условия завещания?

— Да. Чарли мне их зачитал.

— Вам известно, что ваш муж оставил более двух миллионов долларов…

— Да, известно.

— И что ваше имя в завещании вообще не упоминается?

— Мне достался страховой полис.

— То есть сто тысяч долларов.

— Да, насколько я понимаю.

— Миссис Ньюмен, что вы об этом думаете?

— О чем?

— О том, что вы получите сотню тысяч, а какой-то чужой человек — два миллиона?

— На самом деле, даже не знаю, — сказала она.

— Ну а что вы испытываете? — настаивал Карелла.

— Разочарование? — Она слабо улыбнулась. — Печаль?

— Но не гнев?

— Гнев? О нет, только не это! Только печаль и разочарование. Мистер Карелла, я почти пятнадцать лет была ему верной и любящей женой. Только подумать, что… Ну ладно, это неважно. Сделанного не воротишь. Мне не нужны два миллиона долларов. Я не расточительна, у меня есть своя работа, мне вполне хватает того, что я зарабатываю, даже без этой страховки…

— Вы знакомы с Луи Керном? — спросил Карелла.

— Да. Мой свекор выставлял свои работы в «Галерее Керна». А позднее именно Луи оценивал картины, которые получил в наследство мой муж.

— Было ли вам известно, что мистер Керн знал о содержании завещания до того, как

умер ваш муж?

— Нет, не было… А откуда?..

— Ему сообщили.

— Кто?

— Бывшая жена вашего мужа, Джессика Герцог.

— А откуда… А-а, понимаю! Ее брат работает в той же фирме, так ведь?

— Он один из партнеров.

— Да, конечно. Но я и понятия не имела, что они с Луи знакомы!

— Они любовники, — сказал Карелла.

— Луи с Джессикой? Вы шутите! — Она улыбнулась. — Это же курам на смех!

— И тем не менее это так, — сказал Карелла.

— Ну, чего только не бывает на свете! — сказала Энн, покачав головой. — Луи и Джессика… О Господи!

— Мог ли кто-то из них знать, что вы уезжаете в Калифорнию?

— То есть Луи или Джессика?

— Да.

— Нет, конечно. Я с Луи несколько лет не виделась, а Джессика… Ну, вы должны понимать, что мы друг с другом в не слишком хороших отношениях.

— И вы утверждаете, что узнали о завещании только в понедельник утром, так? — уточнил Карелла.

— Да.

— Ваш муж вам о нем ни разу не говорил?

— Ни разу.

— Вам не кажется, что это немного странно?

— Джерри вообще был немного странный.

— Я хочу сказать, — пояснил Карелла, — странно, что человек не подумал обсудить свое завещание с женой.

— Ну, — возразила Энн, — мне кажется, что, если жена человека в этом завещании даже не упомянута, у него могут быть причины желать, чтобы она об этом не знала, не так ли?

— Как вы думаете, по какой причине ваш муж мог решить изменить завещание?

— Понятия не имею.

— Имел ли он основания подозревать, что вы подумываете о разводе?

— Не имел.

— Но вы же собирались попросить развода?

— Да, но я приняла это решение недавно.

— Но обдумывали вы его довольно давно, разве нет?

— Не так давно.

— А сколько времени?

— Точно сказать не могу.

— Но вы начали думать об этом раньше, чем месяц назад? До того, как ваш муж изменил завещание?

— До прошлого понедельника я вообще не знала, что он изменил завещание. А-а, понимаю! Вы думаете, что я начала задумываться о разводе из ребяческой обиды, после того как узнала, что он исключил меня из своего завещания? Ах, мистер Карелла, если бы в жизни все было так просто! Нет, я не знала о его новом завещании. Нет, оно не имеет никакого отношения к моему решению о разводе. Я просто устала. Устала утирать ему нос, поддерживать его самолюбие, его мужское «эго»… — Она покачала головой. — Я устала. На прошлой неделе, в Калифорнии, я окончательно осознала, что больше не могу. Я хотела вздохнуть наконец свободно. Я позвонила свекрови и сказала ей о том, что собираюсь сделать. И она дала мне свое благословение. Так что, понимаете ли, для меня на самом деле неважно, что я не получу этих двух миллионов. Два миллиона — это, конечно, очень

хорошо. Но меня они не интересуют. Меня не интересует даже та сотня тысяч, которую я получу по страховке. Быть может, вам будет трудно это понять, но меня все это действительно не интересует. Я не испытываю гнева, вовсе нет. Только разочарование и печаль, как я уже говорила. Я служила ему почти пятнадцать лет — хорошо служила. Разочарование, печаль и — должна признаться — невероятное облегчение. Как хорошо будет снова ощутить себя живой! Вы просто представить себе не можете, как это хорошо.

— Миссис Ньюмен, вы говорили, что у вас есть уборщица, так ведь? — спросил Карелла.

— Да. Женщина, которая приходит раз в неделю.

— В какой день?

— По пятницам.

— Вы ведь уехали в Калифорнию в пятницу, так?

— Да.

— И вернулись тоже в пятницу.

— Да.

— Ваша уборщица приходила в то утро, когда вы уехали?

— Нет. Она в Джорджии, я же вам говорила.

— А в ту пятницу, когда вы вернулись, она приходила?

— Нет.

— Она по-прежнему была в Джорджии, так ведь?

— Да.

— Следовательно, раз ее не было, она не могла убраться в квартире в тот день?

— Извините, мистер Карелла, но что…

— Миссис Ньюмен, а вы сами в тот день не убирались? Вот, к примеру, не вытирали ли вы кондиционер?

— Что?

— Кондиционер.

— Вытирала ли я кондиционер?

— Да.

— Простите, зачем?

— Понятия не имею. Так вытирали или нет?

— Нет, конечно!

— Техэксперты проверили всю квартиру около десяти. Это означает, что они проверили кон…

— Проверили?

— На наличие отпечатков пальцев. Они проверили кондиционер и все остальное. Вы говорили, что вернулись домой в половине девятого…

— Да.

— Могло ли случиться так, что кто-то вытер этот кондиционер в промежутке с половины девятого до десяти?

— Я… я не знаю…

— А пузырек с секоналом?

— Что?

— Пузырек с секоналом. Если ваш муж совершил самоубийство, он не мог не брать его руками.

— Я… на самом деле… я не…

— Вы точно этого не делали?

— Ну конечно! Зачем бы мне… Конечно, я этого не делала! Я сразу спустилась вниз, вызвать полицию. Я провела в квартире не больше… не больше минуты или двух… я…

Внезапно она умолкла.

Карелла стоял и смотрел на нее. Услышав голос сзади, он вздрогнул, обернулся и увидел Сьюзен Ньюмен, стоящую в дверях своей спальни. На ней был шафрановый стеганый

халат. На губах ее играла слабая, потерянная улыбка.

— Дорогая, — сказала она, — я думаю, этому господину уже все известно.

— О Господи! — воскликнула Энн, набрала в грудь воздуха и крепко зажмурилась.

* * *

Итак, все кончено.

Встретить ее лицом к лицу, когда она вернется из своего «кино», и сказать ей, что он все знает. Что в понедельник она была с этим Ларри Паттерсоном, трахалась с ним в чужой квартире. Что он знает все о ней и ее женатом дружке. Что он догадался, что она лгала об этих съемках на фоне «Лонг-Дженерал», которые якобы отменили. Бросить ей в лицо тот неоспоримый факт, что мужчина, с которым она собралась в Южную Америку, — это тот самый Ларри Паттерсон, ее любовник. Сказать ей все и покончить с этим. Покончить с этим.

Когда он вернулся домой, было почти полдвенадцатого.

Он сунул ключ в замочную скважину и отпер дверь. В квартире было темно. Он протянул руку к выключателю у входной двери и включил свет. Он устал как собака и вдобавок вдруг почувствовал, что ужасно голоден. Он направился на кухню — и вдруг услышал в спальне какой-то звук.

Звук был очень тихий — его мог бы произвести вор, захваченный врасплох неожиданно вернувшимся хозяином. Всего лишь шорох за закрытой дверью спальни. Он потянулся к кобуре под мышкой и вытащил пистолет. Пистолет был пятизарядный «смит-вессон-сентенниал» 0,38 калибра с дулом длиной в два дюйма. Он знал, что это не вор — это Огаста, он знал также, что она не одна, и все еще надеялся, что ошибается. Рука его на ореховой рукоятке пистолета вспотела.

Он уже готов был развернуться и сбежать из квартиры. Он уже готов был сунуть пистолет в кобуру и повернуться спиной к закрытой двери спальни, к тому, что таилось за этой дверью, готов был уйти из квартиры и из их жизни, из их совместной жизни, из всего, что было между ними когда-то, давным-давно, готов был избежать столкновения, но знал, что оно неизбежно. Ему вдруг сделалось страшно. Когда он подходил к двери спальни, пистолет дрожал у него в руке. Словно за дверью прятался убийца с топором.

И внезапно страх перед столкновением сменился чем-то иным, чем-то чуждым и еще более ужасающим — слепым, безрассудным гневом. Здесь, в его собственном доме, в его спальне — чужак, любовник, этот Ларри Паттерсон, здесь, с его женой! Ловушка захлопнулась. Она думала, что он работает в ночную смену, она знала, что до утра ей бояться нечего, и ни в какое кино она не ходила — кино было здесь, в спальне, в его спальне, грязная порнуха за закрытой дверью!

Он взялся левой рукой за ручку двери, повернул ее и открыл. В этот последний миг он подумал — а вдруг он снова ошибся, вдруг Огасты там нет, вдруг там не Огаста с любовником, а маленькая кареглазая девушка — какая-нибудь Фелиция, Аньес или Черити, вдруг это какая-нибудь ошибка, комедия ошибок, над которой они будут смеяться еще много лет.

Но нет — это была Огаста.

Огаста лежала в кровати, голая, глупо натягивая простыню, как будто бы пытаясь скрыть свой позор, защищая наготу от хищных глаз собственного мужа. Волосы всклокочены, чудные высокие скулы, сделавшие ей состояние, блестели от пота, губы тряслись так же, как пистолет в его руке. А мужчина, который был с Огастой, сидел в одних трусах и тянулся за брюками, висящими на стуле у кровати, мужчина был невысокий и жилистый, похожий на Дженеро, с курчавыми черными волосами и карими глазами, расширенными от ужаса. Очень похож на Дженеро, просто удивительно похож — но это был Ларри Паттерсон, любовник Огасты. Он отдернул руку от стула с брюками и сказал только: «Не стреляйте!» И Клинг прицелился в него.

Он едва не спустил курок. Он уже было впустил в свой мозг гнев, унижение и отчаяние,

они уже готовы были отдать приказ нервным окончаниям, управляющим указательным пальцем правой руки, заставить его надавить на спусковой крючок, заставить пистолет выстрелить, еще и еще раз, выстрелить в этого чужака, который сейчас был такой же беспомощной мишенью, как картонные квадратики в тире полицейской академии, — давай, прикончи его!

Но потом — против всех правил, которые вбивали ему в голову с тех пор, как он работал в полиции: никогда не расставайся с пистолетом, держись за свой пистолет, пистолет — это жизнь, береги его как зеницу ока, — Клинг внезапно швырнул пистолет в угол, словно оружие вдруг обожгло ему руку, швырнул изо всех сил и очень удивился, когда он сшиб вазочку с туалетного столика. Вазочка разлетелась вдребезги, и осколки фарфора брызнули во все стороны, словно обломки его разбитой семейной жизни.

Он встретился глазами с Огастой.

Глаза их сказали друг другу все, что можно было сказать — а сказать было нечего. Клинг резко развернулся, стремглав вылетел из комнаты, распахнул дверь квартиры и бросился к лестнице, забыв закрыть за собой дверь. Глаза горели от непролитых слез. Он сбежал вниз, открыл дверь подъезда — ночная жара ударила в лицо, точно кулак, — и внезапно его схватили за шею и затащили назад в подъезд.

Рука, обвившая его шею, была толстой и мощной. Он невольно схватился за нее, пытаясь ослабить хватку. В ухо ему шепнули: «Привет, сука!», и он ощутил дуло, упершееся ему в висок. Он успел подумать только: «А я бросил свою пушку!» И, поскольку все эти годы его учили одному — что плохая ситуация может измениться только к худшему и надо действовать теперь или никогда, — он инстинктивно ударил правым каблуком в подъем стопы того, кто его держал, и одновременно ткнул локтем в живот противника, извернулся, левой рукой отбив оружие в сторону, а растопыренными пальцами правой целясь противнику в лицо. Раздался выстрел — оглушительно громкий, — с потолка посыпалась штукатурка, человек взвыл — Клинг вцепился ему в глаза, ударил коленом в пах, потом врезал ребром ладони по переносице — он бил насмерть, с расчетом на то, чтобы осколки кости врезались противнику в мозг. Человек отшатнулся, все еще не выпуская оружия, и Клинг боднул его головой, целясь в челюсть. «Падай, ублюдок, падай же!» Снова выстрел, эхо отдалось в тесном подъезде пушечной канонадой, во влажном воздухе запахло порохом. Клинг отвел руку и с размаха врезал кулаком в кадык — и наконец-то почувствовал, что противник обмяк. Он рухнул к его ногам, точно подрубленный дуб. Оружие со звоном упало на пол.

Тяжело дыша, Клинг смотрел на поверженного противника.

Он не узнал его.

Снял с пояса наручники, сковал противнику руки за спиной, потом тяжело сел на ступеньки, все еще задыхаясь, и сцепил руки перед собой, словно в молитве. Опустил голову и наконец позволил себе разрыдаться.

Глава 11

Официальный допрос начался в кабинете лейтенанта в 87-м участке в ноль часов семь минут 15 августа, через неделю после того, как труп Джереми Ньюмена был обнаружен в его квартире на Сильвермайн-Овал. При допросе присутствовали: детектив-лейтенант Питер Бернс, детектив второго ранга Стивен Луис Карелла и помощник окружного прокурора по имени Энтони Костанца. Полицейская стенографистка записывала допрос слово в слово. Все вопросы задавал Костанца. Отвечала на вопросы сперва Энн Ньюмен, а потом Сьюзен Ньюмен.

Вопрос: — Миссис Ньюмен, вы сообщили арестовавшим вас офицерам, что виновны в смерти…

Ответ: — Частично виновна.

В.: В смерти своего мужа, Джереми Ньюмена.

О.: Да.

В.: Говоря «частично виновна»…

О.: Я первой это предложила.

В.: Что именно, миссис Ньюмен?

О.: Убить его.

В.: Кому вы это предложили?

О.: Своей свекрови.

В.: Когда это произошло?

О.: Четвертого июля.

В.: Это точная дата?

О.: Точная.

В.: Почему вы так точно это помните?

О.: У нас была вечеринка, и Джерри снова напился.

В.: Ваша свекровь присутствовала на этой вечеринке?

О.: Вечеринка проходила у нее дома.

В.: Так вы говорите, что ваш муж напился?

О.: Да. Как обычно. Вскоре после обеда нам пришлось тащить его домой.

В.: «Нам» — это…

О.: Нам со Сьюзен. Нам с моей свекровью. Мы посадили его в такси и повезли домой. Когда мы положили его в постель, я впервые предложила его убить.

В.: Почему вы хотели убить его?

О.: Я хотела избавиться от отношений, которые меня давили.

В.: А почему вы просто не попросили у него развода?

О.: А вы думаете, я не просила? В.: Вы просили мужа о разводе? О.: Сколько раз! В.: И что он отвечал? О.: Он отказывался дать мне развод. В.: И вы решили его убить?

О.: Да нет, конечно! Не говорите глупостей! У меня было достаточно оснований, чтобы развестись с ним раз шесть. Он был хроническим алкоголиком. Все, что было нужно, — это уйти от него или выгнать его из дома.

В.: Тогда что же заставило вас…

О.: А вы думаете, тогда бы я от него избавилась? Серьезно? Даже если бы он дал мне развод, как я просила? Что я бы на самом деле избавилась от него? Как вы думаете, кому бы он стал звонить, когда в очередной раз заблюется с ног до головы? Сперва — мне, чтобы сообщить мне, какая он бездарность, а потом — Сьюзен, попросить прийти и посидеть с ним. Что толку было разводиться?

В.: Ваша свекровь сочувствовала вашему намерению развестись?

О.: Полностью. Но она не хуже меня понимала, что развод ничего не даст. Джерри преследовал бы меня до конца жизни.

В.: И как она отреагировала на ваше предложение убить его?

О.: Она была совершенно согласна. Она тоже была сыта им по горло, можете мне поверить. Каждый раз, как его начинало тошнить, он звонил Сьюзен и просил ее приехать и посидеть с ним. Она сказала, что было бы совсем неплохо от него избавиться.

В.: И в тот вечер, четвертого июля, вы решили попытаться его убить?

О. Я бы сказала, что мы обсуждали этот вопрос.

В. Но решения принято не было.

О. Нет.

В. А когда вы с ней решили…

О. Три недели назад.

В. Вы решили его убить.

О. Да.

В. Чем было вызвано это решение?

О. Он сказал мне, что намерен изменить завещание. Сказал, что полностью вычеркнет меня из своего завещания.

В.: Почему он решил так поступить?

О.: Потому что я его больше не люблю.

В.: Он так и сказал?

О.: Да, он сказал, что знает, что я его больше не люблю. Потому что я несколько раз просила его о разводе. Он сказал, что никогда не даст мне развода, потому что не желает платить алименты, но и не допустит, чтобы его деньги перешли ко мне после его смерти. Он сказал мне, что я влипла. Что я влипла по уши. И засмеялся.

В.: И вы решили его убить.

О.: Да. Прежде чем он изменит завещание.

В.: Но, как вы теперь знаете, он успел изменить завещание до того, как…

О.: Да, но тогда я этого не знала. Я думала, что он только собирается что-то сделать. В конце концов, куда торопиться? Если я все равно «влипла», как он выразился, куда торопиться? Мы не знали… я не знала… что это уже свершившийся факт. Он изменил завещание за день да того, как сказал мне, что собирается это сделать.

В.: Вы рассказали об этом своей свекрови?

О.: Да. Я сказала ей, что Джерри собирается изменить завещание. Я ей сказала, что он намерен не оставить мне ни гроша. Так же, как его отец поступил с ней самой.

В.: И что она ответила?

О.: Сказала, что надо его убить до того, как он это сделает. Понимаете, по прошлому завещанию я была единственной наследницей. Я обещала Сьюзен поделиться с ней всем, если она поможет мне сделать это, если она поможет его убить. Это было бы честно. Ведь ее мужу следовало бы оставить наследство ей. Половина состояния ее сына — это не слишком большое вознаграждение за то, что она сделала для них обоих за все эти годы.

В.: Она согласилась вам помочь?

О.: Да. На самом деле все, что мы сделали, — это была ее идея.

В.: Миссис Ньюмен, известно ли вам, что по законам нашего штата муж не может лишить свою жену наследства?

О. Что-о?!

В. Я спросил…

О. Нет, я этого не знала.

В. А известно ли вам, что человек, убивший того, чье имущество он должен был унаследовать, не имеет прав на наследство убитого?

О.: Я не понимаю, что это значит…

В.: Это значит, что, если бы вы даже убили своего мужа до того, как он изменил завещание, вы не смогли бы унаследовать то, что он вам оставил.

О.: Этого я не знала…

В.: Теперь, если не возражаете, мне хотелось бы задать несколько вопросов вашей свекрови.

О.: Да, конечно…

В.: Миссис Ньюмен, вы слышали все, что только что рассказала нам ваша невестка…

О.: Я слышала каждое слово.

В.: Правда ли, что вы с ней вместе замышляли убить вашего сына?

О.: Это правда.

В.: Ваша невестка сказала, что способ убийства, то, как именно вы задумали его убить…

О.: Да, это была моя идея.

В.: Дать ему смертельную дозу барбитурата было вашей идеей?

О.: Да. Как и то, что это нужно сделать, пока Энн будет в Калифорнии. Мы решили, что так будет лучше всего. Пока ее нет в городе. Так, чтобы ее ни в чем не заподозрили.

В.: Миссис Ньюмен, вы действительно дали своему сыну смертельную дозу барбитурата?

О. Да.

В. Когда это произошло?

О. В прошлый четверг, вечером.

В. То есть седьмого августа?

О. Ну да, если в прошлый четверг было седьмое…

В. Не можете ли вы рассказать, что произошло в тот вечер?

О.: Я просто позвонила ему и сказала, что хочу встретиться с ним по важному делу.

В.: По какому?

О.: А, это все была чепуха! Просто повод прийти к нему. Я сказала ему, что его брат Джонатан приехал и просит у меня в долг. Я сделала вид, что хочу посоветоваться, стоит ли давать ему взаймы.

В.: И он вам поверил?

О.: А кто его знает, поверил он или нет? Он был пьян. Как обычно. Заставить его принять секонал было ребячьей игрой.

В.: И как же вам удалось дать ему смертельную дозу…

О.: Я же вам говорю: он был пьян. Он был пьян еще до моего прихода, и все время, пока я рассказывала ему про то, что его брат якобы хочет взять у меня взаймы, он продолжал пить. Я не хотела, чтобы он отключился раньше времени. Я опытная сиделка и знаю, что пациент, находящийся без сознания, глотать не может. А мне не хотелось заталкивать ему секонал в глотку силой. Была опасность, что он подавится. Понимаете, я хотела, чтобы это выглядело как самоубийство.

В.: И что же вы сделали?

О.: Я смешала ему два стакана виски с водой. Он выпил их один за другим, в течение нескольких минут. Он всегда глотал свое виски так поспешно, словно боялся, что его у него отнимут.

В.: Вы смешивали их в его присутствии?

О.: Нет. Я вышла в ванную, чтобы вымыть руки. Да это было все равно — он был уже мертвецки пьян.

В.: Миссис Ньюмен, было ли в этих напитках что-то, кроме виски и воды?

О.: Ну да, конечно. Там был секонал. Я растворила содержимое пятнадцати капсул в первом стакане, и четырнадцати — во втором. Секонал плохо растворяется в воде, а в алкоголе — хорошо. Этот пьяный идиот ничего и не заметил. Понимаете, секонал не имеет запаха, но у него горьковатый привкус. Но он ничего не заметил.

В.: Зачем вы оставили одну капсулу в бутылочке?

О.: Чтобы было больше похоже на самоубийство. Я знала, какова смертельная доза, — я же сиделка. Я знала, что дала ему достаточно, чтобы его убить. Вскоре после того, как он выпил второй стакан, он впал в кому. И через несколько минут умер.

В.: Миссис Ньюмен, когда вы были в квартире, кондиционер работал?

О.: Да. Я подумала об этом перед уходом.

В.: О чем?

О.: Выключить кондиционер. Так, чтобы вашим экспертам не удалось определить, сколько времени прошло с момента смерти. Видите ли, промежуток был слишком маленький, мне следовало бы сделать это раньше. Но… но мне все никак не хватало духа. А потом, зная, что Энн вернется утром в пятницу, я отправилась к нему в четверг вечером, решившись…

В.: Миссис Ньюмен, во сколько это было?

О.: Я пришла в квартиру в половине пятого. Время коктейля, понимаете? Когда я пришла, он уже был пьян. Я приготовила ему два стакана, он выпил их один за другим и в двадцать минут седьмого был уже мертв.

В.: А почему вы так точно запомнили время?

О.: Потому что ровно в шесть двадцать одну я позвонила Энн в Калифорнию, сообщить, что все кончено. Она сказала, что позвонит мне попозже, чтобы выяснить, как я добралась домой и удалось ли мне выйти из дома Джерри незамеченной.

В.: Во сколько вы вышли из квартиры?

О.: Где-то без четверти семь. Я еще стерла отпечатки пальцев со всего, к чему прикасалась, — со стаканов, с кондиционера, с телефона, с дверной ручки, со всего. А потом, по дороге домой, я вспомнила, что забыла протереть. Дверную ручку снаружи. Я закрыла за собой дверь, заперла ее ключом, который дала мне Энн — у них замок не захлопывается, — и пошла. И только в такси по дороге домой вспомнила, что не вытерла дверную ручку, и на ней могут найти мои отпечатки пальцев. Поэтому, когда Энн позвонила мне в восемь вечера, я ей сказала, чтобы она, когда вернется домой, протерла ручку прежде, чем браться за нее. Потому что, сами понимаете, ее отпечатки там должны были быть, она же там живет. Но мои? Нет, это было бы ошибкой.

В. Миссис Ньюмен… Скажите, вы также стерли свои отпечатки пальцев с пузырька с секоналом?

О. Да.

В. Зачем вы это сделали?

О. Ну как же, если бы их нашли на пузырьке, стало бы ясно, что я за нее бралась!

В. Но ведь вы могли предполагать…

О. Это было потом. Но тогда мы уже ничего не могли поделать — в квартире уже побывала полиция. Все, что я могла, — это надеяться и молиться… хм…

В.: Надеяться и молиться — о чем, миссис Ньюмен?

О. Что меня не заподозрят.

В. То есть?

О. Ну, кто же станет подозревать мать в том, что она убила собственного сына!

* * *

Он нашел Клинга внизу, в комнате отдыха, вскоре после окончания допроса. В комнате было темно. Карелла не потрудился зажечь свет — ему было надо всего-навсего пройти через нее к заднему выходу на автостоянку, где он оставил свою машину. И поначалу он заметил только силуэт человека, лежащего ничком на кушетке. Потом он заметил, что человек плачет. И только потом понял, что это Берт Клинг.

Он подошел к кушетке.

Присел на краешек.

Положил руку другу на плечо и сказал:

— Рассказывай.